
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ II

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. П. Лопухина, Телѣжный пер., 3—5
1897

Оглавленіе.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отдѣлъ I.

Объ Эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа.

(На основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти).

Неутомимый изслѣдователь Анадырскаго округа Н. Л. Гондатти, уже третій годъ среди всякихъ лишеній энергично изслѣдующій во всѣхъ отношеніяхъ эту негостепріимную сѣверо-восточную окраину Сибири, прислалъ мнѣ въ концѣ 1895 года лингвистическій матеріалъ для опредѣленія нарѣчій жителей нѣкоторыхъ инородческихъ поселковъ, расположенныхъ по берегу Великаго океана. Матеріалъ этотъ состоитъ изъ списка словъ, расположенныхъ въ четырехъ рубрикахъ съ русскимъ ихъ значеніемъ. Въ первой помѣщены слова Чукчей, преобладающаго населенія Анадырскаго округа. Во второй — соотвѣтствующія слова жителей поселка В у т э э н ъ, въ третьей — поселка У н ы н ъ, въ четвертой — поселка Н у у к а н ъ. Изъ помѣщеннаго дальше предисловія, предпосланнаго г. Гондатти сборнику словъ, видно, что жители этихъ и нѣкоторыхъ другихъ поселеній къ сѣверу отъ залива Св. Креста и до Восточнаго мыса различаютъ себя отъ Чукчей и говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ эскимосскаго языка, нарѣчіяхъ, притомъ на столько различающихся между собою, что жители названныхъ поселковъ не понимаютъ другъ друга. Приводимъ цѣликомъ интересныя свѣдѣнія объ этихъ нечукотскихъ племенахъ, сообщаемыя г. Гондатти.

«Кромѣ сидячихъ Чукчей, про которыхъ оленные разсказываютъ, что они говорятъ «настоящимъ» языкомъ (ли́ы и́лилэтъ), по берегу Великаго Океана, къ сѣверу отъ залива Св. Креста, сидятъ еще совершенно чуждыя имъ народности, переселившіяся сюда безусловно съ близлежащихъ острововъ и съ Американскаго материка, причемъ среди нихъ можно различить три народности: самую многочисленную послѣ Чукчей, живущую въ четырехъ поселкахъ (Іанъ, Эу́нмонъ, Уны́ынъ и Нэпэкху-

тэнъ) [1]) Айѓуа́натъ или Айвуа́натъ, какъ ихъ называютъ Чукчи. Это небольшое племя состоитъ изъ 318 лицъ мужского и 349 женскаго пола (я переписалъ всѣхъ осѣдлыхъ по берегу Великаго океана въ предѣлахъ округа). Айѓуа́натъ, по всей вѣроятности, эскимосы, давнишніе переселенцы съ острова Св. Лаврентія (называемаго Чукчами Эйѓоэнъ или Айѓоэнъ), съ жителями котораго у нихъ и въ настоящее время продолжаются сношенія. Говорятъ они съ ними однимъ языкомъ и имѣютъ общіе обычаи и обряды. Нерѣдко здѣшніе берутъ оттуда себѣ женъ, а въ былое время, даже лѣтъ двадцать тому назадъ, привозили оттуда молодыхъ мужчинъ и женщинъ и продавали ихъ Оленнымъ. Случается, что выѣхавшихъ на промыселъ изъ Уны́ынъ (главный ихъ поселокъ), вѣтромъ относитъ къ острову св. Лаврентія и на оборотъ.

Вторую народность представляютъ жители поселка Вутэ́энъ съ 34 лицами муж. и 45 жен. пола; говорятъ они своимъ нарѣчіемъ, только отчасти схожимъ съ Уны́ынскимъ, такъ что другъ друга они не понимаютъ и говорятъ обыкновенно между собою на чукотскомъ языкѣ, здѣсь весьма распространенномъ [2]). Тоже надо сказать и про жителей поселка Нуукан, лежащаго у Восточнаго мыса. Здѣсь живетъ 157 лицъ муж. и 142 женск. пола. Кромѣ того, въ поселкахъ: И́мтунъ и Че́чинъ — (въ первомъ 20 л. м. и 23 жен. пола, во второмъ 67 и 73) живетъ населеніе смѣшанное: въ первомъ Вутэ́энцы съ Уны́ынцами, а во второмъ — послѣдніе съ Чукчами.

Поселки, занятые этими народностями, идутъ, начиная съ юга по направленію къ сѣверу, въ такомъ порядкѣ: Вутэ́энъ, И́мтунъ (верстъ 8), Иан (верстъ 50), Э́у́нмонъ (верстъ 10), Че́чинъ (верстъ 60), Уныынъ (верстъ 60), Нэпэкхутэнъ (на островѣ Эттыѓрэнъ, верстъ 30 отъ Уны́ынъ), затѣмъ идетъ много чукотскихъ поселковъ и верстъ четыреста отъ Уны́ынъ лежитъ совершенно отдѣльно поселокъ Ну́уканъ, такъ какъ справа и слѣва (по берегу Ледовитаго моря) сидятъ Чукчи. Жители ближайшихъ двухъ острововъ — Ра́тманова и Крузенштерна, — а также и противоположнаго берега Американскаго материка говорятъ нарѣчіемъ, схожимъ съ говоромъ жителей Ну́уканъ, но все таки на столько отъ него отличающимся, что они другъ друга не понимаютъ и говорятъ при помощи переводчиковъ. Интересно, что зимою въ тихую погоду жители этихъ двухъ острововъ имѣютъ съ жителями Ну́уканъ постоянныя сношенія, или на собакахъ, или, при боль-

---

[1]) Эти названія поселеній—чукотскія.

[2]) Ср. ниже наши замѣчанія о чукотскихъ заимствованныхъ словахъ въ нарѣчіи поселка Вутэ́энъ.

шомъ торосѣ, пѣшкомъ, такъ какъ эта часть пролива замерзаетъ (восточная нѣтъ) и только сильными вѣтрами ломаетъ ледъ, почему сношенія обыкновенно и происходятъ въ тихую погоду. Въ остальное же время сообщеніе съ островами и противоположнымъ берегомъ сосѣдняго материка происходитъ при помощи байдаръ, причемъ съ послѣдняго жители ежегодно пріѣзжаютъ ради мѣновой торговли въ Уньынъ, а въ прошломъ году впервые даже въ Эӯнмонъ.

Чукчи смотрятъ на остальныхъ сидячихъ свысока, считаютъ себя гораздо выше и хотя иногда женъ у нихъ берутъ, но своихъ дѣвушекъ имъ не даютъ. Названіе Айѓуáнатъ или Айвуáнатъ они распространяютъ и на остальныхъ сидячихъ, говорящихъ не «настоящимъ» языкомъ; жителей же поселка Нӯуканъ, какъ и жителей островов и противоположнаго берега, они зовутъ еще Пээ́китъ, производя это названіе отъ своего слова «нэпээ́укынъ» — «завистливый». Кромѣ того, жителей островов и въ особенности противоположнаго берега они зовутъ «Екырѓáулетъ» отъ «екыр́ѓынъ» — «ротъ», такъ какъ большинство изъ нихъ, по крайней мѣрѣ прежде, носили нѣсколько ниже угловъ рта, обыкновенно съ обѣихъ сторонъ, по воткнутой палочкѣ, косточкѣ или камешку. Но названія Пээ́китъ и Екырѓáулэтъ и даже Айѓуáнатъ или Айвуáнатъ даются только за глаза, такъ какъ считаются оскорбительными; обыкновенно (при нихъ) мѣстныхъ зовутъ или по поселкамъ, или «Ромáылькатъ» — «сидячіе», или «Аӈкáлэтъ» — «приморскіе», а жителей островов и противоположнаго берега Америки «Рóсхилэтъ» — «зарѣчные, съ той стороны» или «Нэнкýкэлэтъ» — «нездѣшніе», хотя послѣднее названіе — болѣе общее и прилагается ко всѣмъ пріѣзжимъ особенно издалека, даже и къ чукчамъ...

«Въ настоящее время сношенія чукчей и другихъ сидячихъ на нашемъ берегу съ жителями островов и противоположнаго берега исключительно мирнаго характера — торговыя; но еще очень недавно они были и иныя: наши инородцы часто дѣлали набѣги на тотъ берегъ (островные, по словамъ чукчей, были обыкновенно на ихъ сторонѣ) и уводили оттуда плѣнныхъ, въ особенности женщинъ. Не надо упускать изъ виду, что изъ поселка Нӯуканъ совершенно отчетливо въ ясную погоду виденъ не только островъ Ратманова, но и мысъ принца Валлійскаго, что̀ мнѣ пришлось наблюдать самому. Тоже самое, говорятъ Чукчи, замѣчается и съ того берега, такъ что сношенія нашихъ инородцевъ съ инородцами сѣверо-западной Америки, вѣроятно, начались съ глубокой древности».

Что касается точности помѣщаемой ниже записи г. Гондатти, то вотъ

что онъ говоритъ о способѣ записыванія инородческихъ словъ: «При записываніи словъ я пользовался не однимъ человѣкомъ, а нѣсколькими, которые другъ друга провѣряли. Выбиралъ я людей, говорящихъ ясно и отчетливо, но тѣмъ не менѣе записываніе словъ, особенно счета, требовало немало времени и повтореній; я старался быть какъ можно точнѣе, переспрашивалъ по нѣскольку разъ и добился того, что въ посылаемой редакціи слова были повторяемы совершенно тождественно разными лицами въ различное время. У меня единственная цѣль это — имѣть возможность получить болѣе точныя указанія, что это за народности, родственныя эскимосамъ, такъ какъ эскимосы Америки изучены хорошо и, вѣроятно, ихъ языки уже разработаны и имѣются словари съ грамматиками. Чукотскія же слова я прилагаю для сравненія, такъ какъ иными изъ нихъ воспользовались всѣ сидячіе, сдѣлавъ только незначительныя измѣненія. Къ сожалѣнію за отсутствіемъ времени теперь не могу послать бо́льшихъ поясненій, но полагаю, что для той цѣли, съ которой посылаются собранныя слова, достаточно и написаннаго».

Н. Л. Гондатти не ошибся, полагая, что собранныхъ имъ словъ достаточно для характеристики отношенія трехъ нечукотскихъ нарѣчій (Вутэ́энъ, Уны́ынъ и Ну́уканъ) къ нарѣчіямъ американскихъ Эскимосовъ. Пользуясь грамматическимъ очеркомъ эскимосскихъ нарѣчій въ извѣстномъ трудѣ вѣнскаго лингвиста Фридриха Мюллера (Grundriss der Sprachwissenschaft) и особенно книгой Генри Ринка (The Eskimo Tribes), содержащей сравнительный словарь эскимосскихъ нарѣчій [1]), мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, на сколько позволяетъ собранный г. Гондатти матеріалъ. Матеріалъ этотъ состоитъ изъ записи именъ существительныхъ (названій родства, частей тѣла, животныхъ, бытовыхъ предметовъ, одежды и оружія, явленій природы, нѣкоторыхъ игръ, народностей и поселковъ), немногихъ именъ прилагательныхъ, нѣсколькихъ короткихъ фразъ, списка числительныхъ количественныхъ отъ 1—200 и названій мѣсяцевъ. Для заключеній о морфологіи этотъ матеріалъ почти не даетъ данныхъ; но о фонетикѣ трехъ эскимосскихъ нарѣчій Анадырскаго округа можно составить себѣ, какъ мы увидимъ ниже, довольно полное понятіе. Несомнѣнно записывать слова и притомъ въ большинствѣ многосложныя неизвѣстнаго языка, совершенно отличнаго по словообразованію отъ языковъ индоевропейскаго типа, дѣло не легкое; но, насколько мы можемъ судить, г. Гондатти, обладая хорошимъ слухомъ, вообще удачно спра-

[1]) Полное заглавіе: The Eskimo Tribes. Their distribution and characteristics, especially in regard to language, with a comparative vocabulary and a sketch-map by Dr. Henry Rink. Copenhagen 1887 г.

вился съ этой задачей. Его транскрипція довольно точно передаетъ звуки эскимосскихъ діалектовъ, гораздо точнѣе нѣкоторыхъ записей американскихъ эскимосскихъ словъ, которыя находимъ у нѣкоторыхъ американскихъ путешественниковъ, прибѣгавшихъ къ англійской орѳографіи.

Прежде чѣмъ уяснить отношеніе анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчій къ американскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о распредѣленіи эскимосскихъ нарѣчій въ Америкѣ.

На основаніи своихъ изслѣдованій и трудовъ предшественниковъ (Боаса, Петитò, Клейншмидта, Фабриціуса, Эрдманна, Далля, Краузэ и друг.) Ринкъ различаетъ 5 группъ эскимосскихъ племенъ на крайнемъ сѣверѣ Америки. Таковы, во 1-хъ, Гренландскіе эскимосы, которыхъ языкъ распадается на говоры западный и восточный. Въ 1880 г. число западныхъ эскимосовъ въ Гренландіи доходило до 9752 душъ, въ 1884 восточныхъ эскимосовъ, жившихъ на югѣ отъ 68° с. ш., числилось всего 548 человѣкъ. Встрѣчались эскимосы отдѣльными семьями и выше 68°, но число ихъ, вѣроятно незначительное, точно не опредѣлено. Вторую группу представляютъ эскимосскіе поселки на Лабрадорѣ. Общее число всего эскимосскаго населенія Лабрадора не превышаетъ 2000—2200 душъ. Языкъ ихъ представляетъ и фонетическія, и морфологическія отличія отъ гренландскаго и можетъ считаться нарѣчіемъ [1]). Въ третью группу входятъ эскимосскія племена центральныхъ частей сѣверной Америки. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ поселкахъ и числѣ этихъ эскимосовъ еще скудны. Нѣкоторые матеріалы для изученія ихъ языка собраны гг. Шватка и Боасъ. Общее число центральныхъ эскимосовъ, по мнѣнію Ринка, едва ли доходитъ до 4000 душъ [2]). Четвертую группу составляютъ эскимосы Чиглитъ или поселенцы области Мэкэнзи, преимущественно около устья этой рѣки. Французскій миссіонеръ о. Петито, составившій словарекъ нарѣчія этихъ эскимосовъ различаетъ между ними 2 племени: Тарэормютъ и Крамалитъ, не превышающихъ численностью 2000 душъ [3]). Наконецъ, пятую группу составляютъ западно-эскимосскія племена, среди которыхъ различаютъ южныхъ, сѣверныхъ и азіатскихъ. Южные, въ количествѣ около 8300 душъ,

---

[1]) Eskimoisches Wörterbuch gesammelt von den Missionären in Labrador, revidirt und herausgegeben von Friedrich Erdman. — Baudissin 1864. Kleinschmidt. — Grammatik der grönländischen Sprache mit theilweisem Einschluss des Labradordialekts. Berlin 1851.

[2]) Schwatka — Search in quest of the Franklin records 1879 — 80. E. Boas — статья о Баффиновой землѣ въ „Mittheilungen aus Justus Perthes geogr. A. 1885.

[3]) Vocabulaire Français-Esquimau, dialecte des Tchiglit des bouches du Mackenzie et de l'Anderson par le R. P. E. Petitot. Paris 1876.

носятъ, по изслѣдованіямъ Далля, нѣсколько мѣстныхъ названій, каковы: Угалахмутъ, Каніагмутъ (Кадьякъ), Огульмутъ, Нушагагмутъ, Кусквогмутъ, Магемутъ и Экогмутъ. Ихъ поселки разсѣяны въ юго-западной части Аляски и на нѣкоторыхъ Алеутскихъ островахъ. Сѣверныя племена, носящія названія: Уналигмутъ, Малемутъ, Кавіагмутъ, Океегмутъ, Селавигмутъ, Ковагмутъ, Нунатогмутъ, Нувукмутъ, живутъ въ сѣверо-западной части полуострова и не превышаютъ 2900 душъ [1]). Число азіатскихъ эскимосовъ, по мнѣнію Краузе [2]), доходитъ приблизительно до 2000 душъ. Согласно съ подсчетомъ населенія въ эскимосскихъ поселкахъ, сдѣланнымъ Н. Л. Гондатти, число анадырскихъ эскимосовъ доходитъ приблизительно до 1300 человѣкъ. Итакъ общее число этого племени, разбросаннаго островками на огромной территоріи, отъ Гренландіи до Чукотскаго полуострова, и представляющаго въ языкѣ значительныя діалектическія различія, не превышаетъ вѣроятно 30,000 душъ.

Для уясненія отношенія эскимосскихъ нарѣчій Анадырскаго округа къ нарѣчіямъ Америки мы воспользовались сравнительнымъ словаремъ, составленнымъ г. Ринкомъ. Его глоссарій содержитъ всѣ основы гренландскаго языка, причемъ приведены извѣстныя автору параллели изъ другихъ діалектовъ. Если основное слово извѣстно въ другихъ діалектахъ, но не встрѣчается въ гренландскомъ, г. Ринкъ выводитъ его предполагаемую гренландскую звуковую форму, отмѣчая такое слово звѣздочкой. Просмотрѣвъ словарь г. Ринка, мы нашли въ немъ соотвѣтствія для 102 словъ (кромѣ числительныхъ), изъ числа 360, вошедшихъ въ списки г. Гондатти. Прежде всего, сравненіе анадырскихъ эскимосскихъ словъ съ американскими подтверждаетъ фактъ, который можно было предположить a priori. Анадырскія нарѣчія ближе къ западно-американскимъ эскимосскимъ, чѣмъ, напр., къ гренландскому. Прежде, чѣмъ войти въ фактическія подробности, сдѣлаемъ простое сопоставленіе ряда словъ.

Человѣкъ: *в.* [3]) jух, *у. н.* [4]) jух. Въ гренланд., центр. лабрадор., мэкэнз. нарѣчіяхъ inuk. Но въ Wn. [5]) при inuk употребительна и форма yuk, мн. ч. inuet и yuet; въ Ws. [6]) мн. ч. innuit, juggut, yuet.

---

[1]) W. H. Dall—Alaska and its resources 1870.

[2]) Die Bevölkerungsverhältnisse der Tschukschen-Halbinsel von Dr. Aurel Krause. Deutsche Geograph. Blätter. 1883.

[3]) в. = нарѣчіе Вутээнъ.

[4]) у. = нарѣч. Уныынъ; н. = нарѣч. Нуукань

[5]) Wn = сѣв. отдѣлъ западныхъ эскимосовъ.

[6]) Ws = южн. отд. западныхъ эскимосовъ.

Мальчикъ: *в.* тáна, *у. н.* тар̓нáр̓ак [1]). Въ гренланд. нѣтъ, въ М. [2]) tunutsuk—народъ; но въ Ws. tan—человѣкъ, tennuhak—мальчикъ, tannujak—юноша.

Дѣдушка: *в.* аннáка, *у.* аппакá, н. апи́. Въ гренл. нѣтъ, Wn. apang—отецъ.

Шея: *в.* уjéкака, *у.* уjакóк, *н.* уjáконка. Въ гренл. нѣтъ; Wn. weeakkote (чит. ўiаккотe?) — горло; weeakuk (чит. ўiакук) — шея.

Животъ: *в.* акы́ка *у.* акс́ака [3]), *н.* акéхка. Въ гренл. aqajag, но въ Ws. aksiak.

Нога: *в.* и́р̓ыка *у. н.* эрýхка. Въ гренл. нѣтъ; Wn. erukhga, Ws. erukha.

Зубы: *в.* кыы́та, *у.* хутынкá, *н.* вутэ́эт. Во всѣхъ нарѣчіяхъ иначе, только въ Wa. [4]) chutit, uutinka; Wn. kigu, kigutik.

Языкъ. *в.* утл́а [5]), *у.* ул́ука *н.* ул́у. Въ гренл. нѣтъ; Ws. ulu, ulju.

Средній палецъ: *в.* кыл́кóситака, *у.* атхи́л́ка, *н.* аткы́л́нин — только въ Wn. akolinek — second finger.

Байдара: *у.* áнjак, *н.* анjáк—гренл. umiaq, Ws. aniak.

Кости: *в.* ны́нах, *у.* нáхкуак, *н.* нынр̓áт. Въ гренл. нѣтъ. Ws. nunokut, nenoet.

Кухлянка двойная [6]): *у.* аткýка, *н.* аттыкýк. Въ гренл. н., Wn. atige.

Бусы: *в.* чýнах, *у.* чýнак, *н.* чунáк. Въ гренл. нѣтъ; С. [7]) shoongowyat (чит. шун̄говjат); Wn. tshungaunik, Ws. tshunagtook (чит. чунагтук).

Луна: *у.* танкэ́, *н.* иѓáлöк [8]) = Ws. igaluk, Wn. takkuk, Ws. tangik. Другія нарѣчія не представляютъ сходныхъ словъ. Впрочемъ въ С. tatkuk.

Вѣтеръ: *у.* анóка, *н.* анокó. Въ гренл. только въ языкѣ Ангакоковъ (шамановъ), Ws. aniok, aneg.

Берегъ: *в.* чи́нчах, *у.* спак, *н.* кэмчи́нинак. Въ гренл. нѣтъ; Ws. tschnag.

Югъ: *у.* óхка, *н.* ахкóк; только въ Ws. vagak, Wn. uakak.

---

1) М. = нарѣч. мэкэнзи.
2) Буква р̓ выражаетъ р съ придыханіемъ.
3) С = палатализов. с или сь.
4) Wa = нарѣч. запад.-азіатское.
5) Одежда.
6) С. = центральн. эскимоское нарѣчіе.
7) л́ выражаетъ европейскій l, средній между нашими лъ и ль.
8) г̓ выражаетъ русс. *г* въ словахъ: Бо*г*а, *Г*осподь, то*г*да.

Этихъ примѣровъ специальнаго сходства анадырскихъ эскимосскихъ словъ съ американскими достаточно, чтобъ подтвердить высказанное г. Гондатти въ предисловіи мнѣніе, что наши эскимосы являются потомками переселенцевъ изъ западной Америки.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію фонетики нарѣчій В. У. и Н.

Гласные: Система гласныхъ во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ представляетъ слѣдующіе звуки: а, е, и, о, у, ы и ö. Послѣдній звукъ встрѣчается, впрочемъ, крайне рѣдко: въ нарѣчіи *в.* мы нашли его въ слѣдующихъ 6 словахъ: милöоталхерај (игра въ мячъ), лöхтыбалах (толстый), маныичö (ситцевая куклянка), уöкóмфа (ожерелье), öграј—заговорщикъ, заклинатель и пэлöта (рѣчной бобръ). Нарѣчія *у.* и *н.* имѣютъ ö также въ названіи рѣчного бобра: *у.* пэлöхтак, *н.* пэлöктак. Въ виду того, что послѣднее слово чукотскаго происхожденія (ср. чукот. пэлöтэн), можно сдѣлать предположеніе, что звукъ ö перешелъ въ данномъ случаѣ въ вокализмъ разсматриваемыхъ нарѣчій вмѣстѣ съ заимствованнымъ чукотскимъ словомъ. Другія слова съ ö въ нарѣчіи *у.*: каöк (чай), причемъ гласному ö въ нарѣчіи *в.* соотвѣтствуетъ звукъ, выражаемый г. Гондатти посредствомъ *ѣ* (је ?): кáѣх, и тарјöк (разсолъ). Въ нарѣчіи *н.*, кромѣ слова тарјö (разсолъ), ö встрѣчается лишь въ словахъ: арнáрат маöхтут (заря), тахмэöрак (птица), кабахлöкукут (спимъ). Изъ собственныхъ дифтонговъ встрѣчаются: аі, ау, уі; изъ несобственныхъ (б. м. сочетаній гласныхъ) мы отмѣтили: *оы* (*у.* кóыт—лебедь), *оа* (*н.* капичóа—куница) *уа* (*н.* читýак—бѣлуха), уо (*в.* урýох—ремень лахтачій). Но вообще перечисленныя сочетанія гласныхъ, кромѣ собственныхъ дифтонговъ, крайне рѣдки.

Согласные: Въ консонантизмъ всѣхъ трехъ нарѣчій входятъ слѣдующіе звуки: задненебные: к, ґ, х, н̃; небно-зубные: т, с, ć, (з) ч, н; губные м, п; плавные л, р, р̀ и звукъ *j*, который мы выводимъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ въ транскрипціи г. Гондатти *я*, *ю* образуютъ слогъ. Такимъ образомъ въ консонантизмѣ нашихъ эскимосскихъ нарѣчій отсутствуютъ согласные д, ф, ш, которые, какъ увидимъ ниже, извѣстны нѣкоторымъ американскимъ эскимосскимъ нарѣчіямъ.

Разсмотримъ нѣкоторые гласные и ихъ соотвѣтствія въ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

Гласный *а* обычно соотвѣтствуетъ тому же звуку въ другихъ нарѣчіяхъ. Примѣры: *у.* *н.* арнáк — (женщина) = arnaq LCMWnsa [1]), *в.* аппáка *у.* аппакá, *н.* апи (дѣдъ) = Wn. apang—отецъ; *в.* *у.* паникá, *н.*

---

[1]) L = Labrador, C = Central. M = Mackenzie.

паніá (дочь) = panik LCMWnsa; *у.* нáс́кок, *н.* најахкокá (голова) = naskok LCMWnsa, *у.* таслихка, *н.* тахлúка (рука) = taleq LCMWnsa; *н.* кабл́ýт (брови) = C. kabloot (т. е. кабл́ут), Wn. kabloon (т. е. кабл́ун) и друг. Иногда звуку *а* соотвѣтствуетъ въ другихъ нарѣчіяхъ *е*: *у.* ты́кака; *н.* ты́как (указательный палецъ) = tikeq LCMWn; *у. н.* нахс́*á*к (нерпа-мандарка) = natseq LCMWna; *у* наккá (мясо) = neqe. Въ отдѣльныхъ словахъ въ анадырскихъ нарѣчіяхъ *а* чередуется съ *о*: *в.* áк*а*х, *у. н.* акóк (корень), *у.* анóк*а*, *н.* анок*ó* (вѣтеръ); *у.* *ó*хк*а* *н.* *а*хк*ó*к (югъ); съ э: *в.* кэнóк, *у.* каѓóка (лобъ); *в.* áм*а*х, *у*, ам*э́*к (шкура стараго оленя). Замѣтимъ, что особенно многочисленны случаи соотвѣтствія *у.* *а* звуку *ы* въ нарѣчіи *в.*: *в.* кумыкáју, *у.* кум*á*кајуут (пароходъ), *в.* иѓыхпых, *у.* нихáхп*а*к (рыболовная сѣть), *в.* тá*н*п*ы*х, *у.* танп*á*к (моржовая кожа); *в.* тымы́нк*ы*х, *у.* тымк*á*к (нерпичьи мандарки), *в.* мых, *у.* ммак (вода), *в.* úмых, *у.* мм*а*х, *н.* имм*á*к (море); *в.* јáйб*ы*х, *у.* нáйб*а*к (озеро), сюда же можно отнести *в.* úнѓл*и*х = *у.* úнл*а*к (пологъ).

Гласный *е* (у Гондатти *е* и *э*) соотвѣтствуетъ тому же гласному въ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ, напр.: *у.* э́рныка, *н.* эрнарá (сынъ) = erneq; *у. н.* эрýхка (нога) = Wn. erukhga, Ws. erukha; *в.* éкатлих, *у. н.* екáсл́ук (рыба) = eqaluk. Вѣроятно, на закрытое *е* указываетъ чередованіе его съ звукомъ *и* въ слѣдующихъ случаяхъ: *у.* *и*кáхсл́упик *н.* экал́упúк (голецъ), *у.* *и*л́ýл*и*ка, *н.* *и*л́ýлэк (куклянка нижняя); *у.* к*и*к. *н.* кэк (лѣто); *в.* úрыка, *у. н.* эрýхка (нога) [1]). Чередованіе *е* съ *ы* мы отмѣтили въ словахъ *в.* тр*ы*куćак, *у.* тр*е*куćак (звѣрь); *у.* мáттэн, *н.* мáттын (сегодня). Чередованіе *е* съ *у* въ словѣ *у.* *э́*нрак *н.* *у*нрáк (копье).

Гласный *и* соотвѣтствуетъ обычно тому же звуку другихъ нарѣчій: *в.* *и*тчикá, *у.* *ú*ćка, *н.* *ú*хка (глазъ) = isse; *в.* *и*кúхка, *у.* *и*кýćка, *н.* *и*куúк (локоть) = ikusik, *у.* чикúк (евражка) = sigssik (т. е. сигшик), *в.* *у. н.* чабúк (ножъ) = savik; *у.* кохл*ú*ѓих (штаны нерпичьи) = qardlik; *в.* *у.* тáпсика, *н.* тапсú (поясъ) = tavsik [2]). По нарѣчіямъ *и* нерѣдко чередуется съ *ы* и, вѣроятно, съ *у*. Чередованіе *и* съ *ы* встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: *в.* ćáк*ы*ка, *у.* ćак*ú*ка, *н.* ćак*ы*кá (тесть); *в.* ćак*ы́*мка, *у.* ćакúмака (грудь); *в.* кахл*ú*б*ы*к, *н.* кахл́ýб*и*к (женская одежда). Чередованіе *и* съ *у* мы видимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣ л и ć находимъ въ нарѣчіи *у.* въ транскрипціи г. Гондатти букву *ю*, которую мы

[1]) Въ *у. н.* кэкмэ́к (собака) э соотвѣтствуетъ гласному і въ другихъ нарѣчіяхъ: qingmeqLCMWn.

[2]) Въ словѣ у. таслúхка, н. тахлика (рука) і соотвѣтствуетъ гласному *е* въ другихъ нарѣчіяхъ: taleq LCMWns.

читаемъ какъ мягкій согл. + у: срав. *в.* ўтл*и*нчика́ *у.* утхл*ю*ма́ка (т. е. утхл́умака)—щека; *в.* та́мл*и*ка, *у.* тамл*ю́*ка (подбородокъ); *в.* ку́млика, *у.* кумл*ю́*ка (большой палецъ); *в.* има́хл*и*к, *у.* имахл*ю́*к (волна); *в.* е́катл*и*х *у.* ека́сл*ю*к (рыба); *в.* экал*и*ни́х, *у.* ика́хсл*ю*пик (голецъ); *в.* ситу́хл*и*ґи, *у.* стухл*ю́*ук (оленьи штаны); *в.* тумс*и*ка́, *у.* тунус*ю́*ка (затылокъ). О чередованіи *і* и *е* по анадырскимъ нарѣчіямъ см. выше. Отмѣтимъ случаи выпаденія *и* въ нарѣчіи уныынъ послѣ начальнаго *с*: *у.* стухл́уук — *в.* *с*иту́хлиґи (оленьи штаны), *у.* сна́ґмит, *в.* *с*инра́ґмаґый (береговой житель), *у.* стухл́ук, *в.* ч*и*ту́хлиґи (оленьи торбасы). Отпаденіе начальнаго *и* въ словахъ: *у.* ммак, *н.* *и*мма́к. *в.* *и́*мых (море), *в.* л́у (домъ) = igdlo LCMWn.

Гласный о, встрѣчающійся вообще въ корняхъ рѣдко, соотвѣтствуетъ въ словѣ *у.* кохли́ґих (штаны нерпичьи) гласному *а* другихъ эским. діалектовъ: qardlik LCMWns, а въ сл̧овѣ *у.* ано́ка *н.* аноко́ (вѣтеръ) не только *о*, но и *у*: anore и anuk. О чередованіи *о* съ *а* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ было сказано выше. Въ нѣкоторыхъ словахъ, повидимому въ суффиксѣ, *о* въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.* соотвѣтствуетъ звуку *ы* въ нарѣчіи *в*: *у. н.* а́хбок (китъ) = *в.* а́хбык; *у. н.* айбок (моржъ) = *в.* а́йбых., *у.* куја́хок (жила оленья) = *в.* куја́х*ы*х. Діалектическое чередованіе *о* съ *у* находимъ въ словахъ: *у.* койнэ́к *в.* ку́рнах (олень); *у.* ку́йна *в.* ко́йнин (трубка); *н.* пинехто́к, *у.* пине́хтук (хорошій).

Гласный *у* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ нарѣчій: *в.* утлинчика́ *у.* *у*тхл́ума́ка (щека) = *u*luaq; *в.* ўтл́а *у.* ул́у́ка, *н.* ул́у́ (языкъ) = ws. ulu; *у.* н́у́јака, *н.* ну́јат (волосы) = nujaq; *у.* ту́ска, *н.* ту́је́ (плечо) = wa. tuixka., *у.* ику́ска, *н.* икуи́к (локоть = ikusik; *в.* чу́нах, *у. н.* чу́нак (бусы) = sungaq, Ws. čunagtook (т. е. чунаґтук); *в.* ку́млика, *у.* кумл́у́ка, *н.* кумл́у́ (большой палецъ) = kuvdloq; *в.* тухка́ґый, *у.* туу́тык, *н.* тухкара́к (моржовый клыкъ) = tugaq и друг. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы отмѣтили чередованіе *у* нарѣчій *у.* и *н.* съ звукомъ *ы* въ нарѣчіи *в.*: *у. н.* эр*у́*хка *в.* *и́*рыка (нога); *у.* пут*у́*на, *в.* пу́т*ы*нэй (палочка продѣтая въ подбородкѣ); *у.* ча*у́*јак, *в.* сяґ*ы́*іјах (бубенъ), *у.* абаґныт*у́*к, *в.* аба́ныт*ы*х (нѣтъ т. е. не имѣется). Въ словѣ *у.* ујўрахка, *н.* ујуры́ (братъ младшій) второй *у* соотвѣтствуютъ *о* другихъ діалектовъ: uj*o*rukLCM, ojoara Ws. Суффиксу — ук въ словѣ *у. н.* кахл́ук (громъ) отвѣчаетъ *е* въ прочихъ нарѣчіяхъ; kagdleq.

Гласный *ы* всего чаще соотвѣтствуетъ звуку *и* въ американскихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ, причемъ можетъ возникнуть предположеніе о неточности транскрипціи: быть можетъ, эскимосс. *ы*, чуждый вокализму иностранныхъ наблюдателей (англичанъ, французовъ, нѣмцевъ) не былъ

ими графически отмѣченъ и слился съ гласнымъ i. Примѣры: *в.* кы́нка (носъ) = qinqaq; *в.* ты́кыка, *у.* ты́какa, *н.* ты́как (указательный палецъ) = tikeq; *н.* аттыку́к (куклянка двойная) = Wn. atige; *в.* эбы́х, *у.* бык, *н.* эбы́к (трава) = ivik. Въ словѣ *н.* аткы́лнин (средній палецъ) *ы* соотвѣтствуетъ звуку *о* въ Wn. akolinek; въ словѣ *в.* ны́нах, *н.* нынра́т (кость, кости) *ы*, можетъ быть, отвѣчаетъ гласному *у* въ Ws, если транскрипція точна: nunokut. О чередованіи *ы* и *о* было упомянуто выше.

Слова, имѣющія рѣдкій гласный ö, были перечислены выше.

Относительно собственныхъ дифтонговъ, ограничимся замѣчаніемъ, что въ соотвѣтствіе съ *ай* въ *н* кайру́лэк мы видимъ *а* въ *у* кару́лэн (нерпа крылатая); подобно этому дифтонгу *ау* въ словахъ: *н.* к*ау*вjа́к (дресва) и *в.* нак*а́у* (нѣтъ) соотвѣтствуетъ *а* въ *в.* ка́би и *у.* нака́.

Переходимъ къ разсмотрѣнію согласныхъ.

З а д н е н е б н ы е: Зрукъ *к*. Въ консонантизмѣ гренландскаго языка Ринкъ различаетъ два звука *к*. Первый, выражаемый имъ буквой *k*, звучитъ, по его словамъ, какъ с въ англ. «*can*» или *ck* въ англ. «*lack*», слѣдовательно это нашъ *к* передъ твердымъ гласнымъ. Второй *к*, передаваемый имъ посредствомъ q, произносится, по его словамъ, какъ «очень гортанный *к*, нѣчто среднее между *g*, *rk* и *rkr*» (стр. 41). Конечно, судить о природѣ этого звука по слишкомъ поверхностному описанію г. Ринка невозможно. Въ записяхъ г. Гондатти мы находимъ только одинъ *к*. Что касается передачи обоихъ *к* транскрипціей разныхъ наблюдателей, то нѣкоторые вовсе не различаютъ ихъ, другіе передаютъ второй букрами ќ, kr ρk, ρkρ. Звукъ *к* всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ обоимъ *к* гренландскаго, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: a) к = k: *у. н.* тарна́рак (мальчикъ) = Ws. tennuhak; *в. у.* пани́ка (дочь) = panik; *в. у. н.* са́ки́ка (тесть) = sake LCM: *у. н.* нына́ака (зять) = ningauk MWn. *у.* на́скок *н.* наjахкока́ (голова) = naskok; *в.* са́кы́мка, *у.* саки́мака (грудь) = sakiak, *у. н.* кумы́к (вошь) = кумак; *у.* уира́к, *н.* уиха́к (камень) = ujarak и друг. б) к = гренл. q: *у. н.* арна́к (женщина) = arnaq; *н.* нули́ака (жена) = nuliaq; *у.* э́рныка (сынъ) = erneq; *у. н.* каны́jака (племянникъ) = qangiaq; *у. н.* кахка́ка (макушка) срав. qáqaq (гора); *у.* кaго́ка (лобъ) = qaoq; *в.* кы́нка, *у.* кэна́к, *н.* кнак (носъ) = qinqaq; *н.* нjу́jака (волосъ) = nujaq; *у. н.* кэкмэ́к (собака) = qingmeq; *у. н.* опынра́к (весна) = upernâq и друг.

Анадырскій *к* изрѣдка (если можно довѣряться точности транскрипціи) соотвѣтствуетъ звуку г (g) въ другихъ діалектахъ: *н.* акла́к (бурый медвѣдь) = agdlaq; *н.* аттыку́к (куклянка двойная) = Wn. atige. Возможность соотвѣтствія *к* звуку *р* въ словѣ *у.* ано́ка, *н.* аноко́ (вѣтеръ) =

anoreLCMWns, можетъ быть, выяснится изъ дальнѣйшаго. Интересны для характеристики *к* его чередованія въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ. Такъ, однимъ изъ отличій нарѣчія вутээнъ отъ нарѣчія уныынъ, а иногда и нууканъ является то, что суффиксальному *к* послѣднихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ х въ нарѣчіи *в.*: *у. н.* јук (человѣкъ), *в.* јух; *у.* мáмак (женская грудь) *в.* мáмых; *н.* канáк (ротъ) *в.* кáнах; *у.* капси́к (россомаха) *в.* кáпсих; *у. н.* ахбок (китъ) *в.* áхбых; *у. н.* чунак (бусы) *в.* чу́нах; *н.* иммáк (море) *в.* и́мых; *н.* эбы́к, *у.* бык (трава) *в.* эбы́х; *н.* уну́вак (вечеръ) *в.* уну́вах; *у.* екáсл́ук (рыба) *в.* éкатлих; *у.* и́нл́ак (пологъ въ жилищѣ) *в.* и́нѓлих; *у.* таннáк (моржов. кожа) *в.* тáнпых; *у.* кујáхок (жила оленья) *в.* кујáхых и мног. друг.

Въ началѣ слова передъ гласнымъ тоже чередованіе находимъ въ словѣ: *у.* хутынкá (зубы) *в.* кыы́та. Въ серединѣ въ словахъ: *н.* аткы́л́нин (средній палецъ) = *у.* атхи́л́ка, *н.* макл́áк = *у.* махл́áк (лахтакъ), *н.* амакту́ (горбуша) = *у.* амахту́ — находимъ тоже чередованіе въ нарѣчіяхъ нууканъ и вутээнъ. Въ трехъ словахъ, повидимому, въ суффиксѣ, мы отмѣтили соотвѣтствіе вутээнскаго *к* группѣ *хк* другихъ нарѣчій: *в.* и́рыка (нога) *у. н.* эрáхка; [1]) *в.* аѓлика (нижняя челюсть) *у.* аѓл́ухка; *в.* акы́ка (животъ) *н.* акéхка.

Переходимъ къ анадырскому звуку ѓ. По словамъ г. Гондатти, ѓ произносится какъ нашъ г въ словахъ Бога, благо. Слѣдовательно, это звонкій задненебный спирантъ, соотвѣтствующій малорусскому г и новогреч. γ. Ринкъ не отмѣчаетъ этого звука въ гренландскомъ и другихъ американскихъ эскимосскихъ языкахъ, говоря, что звукъ *g* произносится какъ англійскій въ словѣ good (стр. 40), но въ данномъ случаѣ мы увѣрены, что наблюденіе г. Гондатти точно и, быть можетъ, звукъ γ рядомъ съ г существуетъ въ нѣкоторыхъ амер. эскимосскихъ нарѣчіяхъ, хотя и неотмѣченъ транскрипціей. Впрочемъ, самъ г. Ринкъ (стр. 43) указываетъ, что буквѣ g (его транскрипціи) соотвѣтствуетъ въ транскрипціи другихъ (неизвѣстно какихъ) эскимосскихъ нарѣчій иногда буквы: g', gh, ch. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь попытки къ передачѣ звука γ незнакомаго путешественникамъ неспеціалистамъ. Какъ бы то ни было, изъ нашихъ немногихъ параллелей видно, что анадырскій ѓ соотвѣтствуетъ звуку, выражаемому буквой g въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ: *в.* áѓлика, *у.* аѓл́ухка, *н.* аѓл́акóк (нижняя челюсть) = agdleroq LCM; *н.* иѓáл́ӧк (луна) = Ws. igaluk; *в.* áныѓа (снѣгъ) = anigo (стар. гренл.),

---

[1]) Который звукъ здѣсь древнѣе, сказать трудно: Срав. Wn. erukhga, Ws. erukha (legs), Ws. jeroga (feet).

Ws. aneg и aniok. Въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ ѓ изрѣдка чередуется съ х, т. е. переходитъ изъ звонкаго въ глухой спирантъ, напр. *у.* најáѓа (сестра) *н.* најàха-ка; *у.* койлѓик (оленный чукча) *в.* корúлхій. Въ виду этого чередованія можно предположить, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы замѣчаемъ соотвѣтствіе анадырскаго х буквѣ g въ американскихъ нарѣчіяхъ, послѣдняя неточно передаетъ звукъ γ: срав. *в.* úлхуа (лисица) = Ws. iligиik; *у. н.* кахлýк (громъ) = kagleq LCMWns; *у.* мы́тыхслук (воронъ) = Wa. metagdlo. Звуковая близость ѓ къ звуку, выражаему г. Гондатти буквой ƥ (см. ниже), повела къ ихъ соотвѣтствію въ словѣ: *в.* тухкáѓый = *н.* тухкаƥáк (моржов. зубъ). Срав. также: *н.* иѓаŀэкатáк (звѣзда) и Wa. iralikatoch, eradlekatak. Быть можетъ, поэтому не слишкомъ смѣло сопоставить слово *у.* чиѓис-кока (колѣно) съ sêr-qoq LCMWnsa (О соотвѣтствіи s звуку г [русс.] см. ниже). Для характеристики ѓ слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ иногда выпадаетъ въ томъ же словѣ въ разныхъ анадырскихъ нарѣчіяхъ: срав.: *н.* иѓаŀэкатáк (звѣзда), *у.* эаликытá; *в.* кáѓа, *у.* каѓы́ (бурунъ) *н.* кэ̀а; *в.* ćаѓы́јах (бубенъ), *у.* чаујáк, *н.* чáјак; *в.* кабыѓилнýх (красный), *у.* кабилнýк; *у.* абаѓнытýк (нѣтъ = неимѣется), *в.* абáнытых; *у.* каѓóка (лобъ) = qaoq LCMWns; *в.* чиѓы́тыка (ухо), *у.* сіјýтха, *н.* чи́тыхка = siut LCMWns.

Встрѣчающееся изрѣдка чередованіе ѓ въ *н* объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не зубное, но задненебное н̄ (либо неотмѣченное транскрипціей, либо перешедшее впослѣдствіи въ зубное, что̀ менѣе вѣроятно). Срав. *у.* каѓóка (лобъ) и *в.* кэнòк (вм. кэн̄ок); *у* чиѓи́скока (колѣно) и *в.* чинúскыка. Близки къ этимъ случаи діалектическаго соотвѣтствія нѓ одному н (т. е. н̄): *н.* танѓылрэ́а (черный), *у.* таны́лрэ̀; *в.* úнѓлих (пологъ въ жилищѣ) *у.* úнлак.

Можетъ явиться вопросъ, существуетъ ли рядомъ съ ѓ въ анадырскихъ нарѣчіяхъ звукъ г. Просмотрѣвъ всѣ записанныя г. Гондатти слова, въ поискахъ за этимъ звукомъ, мы нашли букву г только въ слѣдующихъ трехъ словахъ: *н.* јакúраг (аутка — инструментъ, которымъ скоблятъ шкуры), *у.* койлѓагэт (сидячій чукча) и *у.* англіутка (братъ), причемъ, въ виду ничтожнаго количества примѣровъ, готовы предположить, что въ запись г. Гондатти вкрались неточности. Такъ, если въ словѣ *н.* јакúраг (аутка) — раг есть суффиксъ, то обычная его форма въ нарѣчіи н у к а н ъ — р а к (опын-ра̀к — весна, нахап-рáк — арканъ [ср. *у.* нахп-úн]) или — ƥак (арнá-ƥак — дѣвушка, анука-ƥáк — старикъ, аралкоа-ƥáк — старуха, манта-ƥáк — домъ и проч.): г въ койлѓагэт м. б. описка вм. ѓ; что же касается *у.* англіутка (братъ), то сравненіе его съ *н.* аны́лхýтыка — показываетъ, что н г вѣроятно выражаетъ задненебный н̄. Въ виду

этого существованіе ı въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляется намъ недоказаннымъ. Можетъ быть, задненебный н̄ слышится или слышался прежде въ слѣдующихъ словахъ, какъ показываетъ сравненіе: *н.* ана́ка (дядя) = angak LMWn.; *у. н.* каны́јака (племянникъ) = qangiaq L.; *у. н.* анјак (байдара) = a. angiak; *н.* ану́арун (весло) = anguar-pok (pulls with a one bladed oar); *у. н.* чунак (бусы) = sungaq*; *н.* инулу́к (волна) = ingiuliu CWn., *у. н.* пина́јут (три) = pingajuat (третій).

Переходимъ къ звуку х, глухому спиранту, соотвѣтствующему звонкому ѓ. Примѣры діалектическаго чередованія ѓ и х приведены выше, такъ же, какъ соотвѣтствія *у.* и *н.* к звуку х въ нарѣчіи в у т э́ э н ъ. Соотвѣтствіе *х* въ языкахъ американскихъ эскимосовъ установить трудно. Тамъ, гдѣ х въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ чередуется съ *к*, ему соотвѣтствуетъ въ американскихъ нарѣчіяхъ, какъ мы видѣли выше, звукъ k, изрѣдка g (*в.* и́лхуа (лисица) = Ws. uliguik). Изъ исторіи *х* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ отмѣтимъ слѣдующіе факты. Съ одной стороны есть случаи чередованія х съ р̧, что̀ указываетъ на энергическое (м. б. сопровождаемое хрипомъ, произношеніе х: сравн. *н.* уи*х*а́к (камень) *у.* уир̧а́к; *у.* тар̧но́*х*ак (ребенокъ) *в.* тана́р̧ах. Съ другой стороны *х* можетъ по нарѣчіямъ выпадать, причемъ бо̀льшій архаизмъ въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ нарѣчіе в у т э́ э н ъ, сохранившее *х* въ нѣкоторыхъ словахъ утратившихъ этотъ звукъ въ другихъ нарѣчіяхъ: срав.: *в.* ани́л*х*утыка (двоюродный братъ) *н.* анутэ́л-утыка; *в.* ныны́*х*ка *у. н.* нына́ака (зять); *в.* пнэ́*х*эк (дикій баранъ), *у.* пнэк; въ одномъ случаѣ, впрочемъ, нарѣчіе в у т э э н ъ утратило *х* вмѣстѣ съ нарѣчіемъ н у у к а н ъ: *в.* экалипи́х, *в.* эскалипи́х, *н.* экалупи́к (голецъ), *у.* ика́хслупик. Случаи исчезновенія *х*, повидимому, говорятъ въ пользу предположенія, что въ нѣкоторыхъ словахъ *х* произносился (раньше выпаденія) близко къ латин. *h*.

Интересно также чередованіе *х* съ *с* такое же, какое извѣстно въ консонантизмѣ славянскихъ нарѣчій. Нужно думать, что въ такихъ словахъ *с* былъ болѣе древнимъ звукомъ. Срав. *н.* тахли́ка (рука) *у.* та*с*ли́хка; *в.* *ики́*хка (локоть) *у.* ику́ска, *н.* и́хка *у.* и́ска (глазъ) ср. *в.* и*т*чика́ и isse LCMWns; *н.* најахкока (голова) *у.* на́скок = naskok LCMWns. При этомъ *х*, вышедшее изъ *с*, можетъ и совсѣмъ исчезнуть: *у.* ка́слика (верхняя куклянка) *н.* кали́к [1]). Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ данныхъ словахъ с́ (мягкое) или передъ смягченнымъ же звукомъ л́, то могли бы считать мягкость с́ условіемъ его перехода

[1]) Можетъ быть, въ словѣ: н. ту́ѣ (т. е. тујe), срав. у ту́ска (плечо), звукъ с́ перешелъ сначала въ х́ и затѣмъ въ j. Срав. Wa. tuixka.

въ х. Впрочемъ, къ этому условію не подходитъ слово: *н.* чишкок (колѣно) *у.* чисксока, *в.* чинискыка, такъ что условія перехода с въ х остаются не ясными.

Переходимъ къ нёбно-зубнымъ согласнымъ: *т*, *с* и африкатѣ *ч*. Согласный т обычно соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ языковъ: *в.* тáна (мальчикъ), *у. н.* тарнáфак = Ws. tan (человѣкъ), tennuhak (мальчикъ), tannujak (юноша); *у.* аттакá, *н.* атти́ (отецъ) = atâta; *у.* тасли́кка, *н.* тахли́ка (рука) = taleq; *в.* тáмлика, *у.* тамлу́ка, *н.* тáмлу (подбородокъ) = tavdloq LWn; *в.* ты́кыка, *у.* ты́кака, *н.* ты́как (указательный палецъ) = tikeq; *у.* туниту́ арнáк (важенка дикая) = tugto; *в. у.* тапсика, *н.* тапси́ (поясъ) = tavsik; *н.* ту́так (палочка въ подбородкѣ) = tutâq, Wn. tootuk, tutû; *у.* тарjö, *н.* тарjо́к (разсолъ) = tarajok и друг.

Въ словѣ *н.* читу́ак (бѣлуха) *т* соотвѣтствуетъ западно-эскимосскому д и т: Wn. tsedooak (т. е. чидуак) и seetuuk (т. е. ситуук). Діалектическое исчезновеніе *т* передъ л́ имѣемъ въ словѣ *в.* у́тла, *у.* улу́ка, *н.* улу́ (языкъ) [1]); чередованіе *т* съ *с* передъ л въ словѣ: *в.* ёкатлих, *у. н.* екáслук (рыба).

Существованіе звука *д* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляется намъ маловѣроятнымъ. Въ нарѣчіяхъ вутээнъ и нууканъ мы не нашли ни одного примѣра съ *д*; въ нарѣчіи уныынъ оказалось только одно слово съ этимъ звукомъ: ахби́ндлик — «шесть». Въ виду того, что въ томъ же словѣ другихъ анадырскихъ и вообще эскимосскихъ нарѣчій нѣтъ *д*, (срав. *в.* и́нглик, *н.* ахбини́лик = aghwinnak, Ws. ahvinilin) и что въ словѣ ахби́ндлик звукъ *д* стоитъ передъ *л*, можно думать, что г. Гондатти въ данномъ случаѣ передалъ чрезъ *ндл* какой то оттѣнокъ звука н (можетъ быть н̄ срав. *в.* и́нглик) или звука *л* (см. ниже).

Анадырскій *с* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *у. н.* аттáсэк (одинъ) = atauseq; *в.* сити́мы, *у.* стáмат (четыре) = sisamat; *в. у.* тапсика, *н.* тапси́ (поясъ) = tavsik; *у.* аксáка (житоть) = Ws. aksiak, *у. н.* нахсáк (нерпа-мандарка) = natseq; *в.* сакúмка *у.* сакúмака (грудь) = sakiak; *у.* нáскок (голова) = naskok и друг.

Самое выдающееся явленіе въ судьбахъ звука *с* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляетъ его діалектическое чередованіе съ звукомъ ч. Примѣры: *в.* кáпсих (россомаха), *н.* кáпчик; *в.* си́тымы (четыре) *н.* читáмат, *у.* асáга (тетка) *н.* ачикá; *в. у.* апсинáх (мышь) *н.* абичнáфак (съ перестановкой *чн* въ *нч*); *у.* стухлу́к изъ *н.* ситухлу́к (оленьи торбасы) *в.* читу́хлиги; *у.* мису́на (гребень) *н.* мичу́нан, *в.* мичунáна; *у.* сиjу́тха (ухо),

[1]) См. впрочемъ далѣе въ отдѣлѣ объ л́.

в. чиѓытыка, *н.* чйтыхка; *у.* снак изъ синак (берегъ) *в.* чйнчах. Такое чередованіе составляетъ свойство только ć, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, но въ двухъ случаяхъ и с: *у.* арна́м сабіак (женскій ножъ) *н.* чабіа; *у.* са́кара (сахаръ), *в.* ча́кара, *н.* ча́кар. Впрочемъ, твердость *с* въ послѣднемъ словѣ не убѣдительна. Названіе сахаръ перешло къ эскимосамъ отъ чукчей, которые передѣлали русское слова въ ćахар (у Гондатти сяхаръ); поэтому либо транскрипція унынскаго слова (са́кара вм. ćáкара) у г. Гондатти не точна, либо унынцы искуственно въ данномъ случаѣ повторяли произношеніе русскаго человѣка. Но, напримѣръ, русс. слово чай, перешедшее въ чукчамъ въ формѣ сяй, правильно сохранилось въ томъ же видѣ въ нарѣчіи *н.* ćай. Въ нарѣчіяхъ *в.* и *у.* другое слово: *в.* ка́ѣхъ (т. е. ка́jех) *у.* каöк. Унынскій *с* въ соотвѣтствіи съ ć въ вутээнъ находимъ въ словѣ: *у.* сакимака *в.* ćакы́мка (грудь), срав. *н.* чайнка. Если передача унынскаго слова г. Гондатти точна, то оно, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ *у.* сабіак, составляетъ исключеніе, ибо во всѣхъ другихъ случаяхъ діалектическое ч восходитъ не къ твердому *с*, а къ мягкому *ć*. О случаяхъ перехода діалектическаго *с* въ х и о выпаденіи было упомянуто выше.

Для существованія звука з въ анадырскихъ нарѣчіяхъ можно привесть изъ матеріаловъ г. Гондатти только два или три примѣра. Такъ, чукотское названіе бѣлухи пу́рак является въ нарѣчіи *в.* почти въ томъ же видѣ: пу́рах, но въ нарѣчіи *у.* находимъ пу́уза́к (у г. Гондатти: пууз̆якъ) причемъ *з* (если передача г. Гондатти точна) вышелъ изъ *р*. Другой примѣръ на *з* въ томъ же нарѣчіи является въ переводѣ русской фразы: «говори громче»: каба́хлутын аку́зи, въ которой аку́зи значитъ «говори» (срав. у г. Гондатти унынское слово кабы́хлутын, какъ переводъ русскаго слова «громко»). Въ томъ же нарѣчіи въ соотвѣтствіи съ *в.* катчиѓjах (нерпа пестрая) находимъ казиѓjа́к, такъ что звуку з отвѣчаетъ въ нарѣчіи *в.* звукъ тч (вѣроятно геминированное ч) [1]). Подобное же соотвѣтствіе встрѣтилось намъ въ названіи поселка Уныынъ, которыя унынцы называютъ Ина́*дз*эх, а вутээнцы Уны́*ч*ых. Такимъ образомъ получается нѣкоторая параллель между с и з: какъ *ć* чередуется съ *ч*, такъ з (дз) чередуется съ ч (тч). Но съ другой стороны мы видѣли соотвѣтствіе *з* съ *р*. При недостаточности фактовъ, вопросъ о звукѣ *з* не можетъ быть разъясненъ. Мы должны ограничиться лишь выводомъ, что этотъ звукъ, а также и дз (если передача г. Гондатти точна) встрѣчается изъ трехъ

---

[1]) Въ словѣ в. *итчика́* (глазъ) однако *тч* чередуется съ унынскимъ *ć*, а не *з* : *у.* иćка.

андырскихъ нарѣчій только въ уныынскомъ, и то весьма рѣдко. Существованіе же его въ другихъ нарѣчіяхъ пока не засвидѣтельствовано.

О звукѣ *ч*, кромѣ вышеприведенныхъ наблюденій, можно еще сдѣлать замѣчаніе, что онъ соотвѣтствуетъ звуку *с* и *ш* другихъ эскимосскихъ діалектовъ: *в. н. у.* чаби́к (ножъ) = savik и šavik; *в.* чу́нах, *у. н.* чу́нах (бусы) = sungaq; *в.* у́учик (лахтакъ) = ugšuk (Phoca barbata).

Зубной *н* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ языковъ: *в.* нынықха, *у. н.* нына́ака (зять) = ningauk; *в.* на́хсик, *у.* нули́хка, *н.* нулі́ака (жена) = nuliaq; *у.* э́рныка, эрнара́ (сынъ) = erneq; *в.* уну́вах, *у.* уну́ва, *н.* уну́вак (вечеръ) = unuk, unuaq; *у. н.* нунна (земля) = nuna и друг. О соотвѣтствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ н (вѣроятно изъ н̃) звукамъ *ng* другихъ эскимосскихъ языковъ (напр., пи*н*а́јут — «три» = pingajoq) упомянуто выше. Любопытное явленіе представляютъ случаи отпаденія начальнаго н въ нарѣчіи в у т э э н ъ: срав. *у.* ниха́хпак (рыболовная сѣть) *в.* иңы́хпых; *у.* нэпо́ук (дождь) *в.* и́пјих; *у.* на́йбак (озеро) *в.* ја́йбых (гдѣ звуку *н* = j), *у.* на́скок, *н.* најахкока́ (голова) *в.* аче́ках; *у.* ну́јака (волосъ) *в.* ју́јех (въ транск. г. Гондатти ю́ѣхъ). Такое же отпаденіе въ одномъ случаѣ замѣтили мы въ нарѣчіи уныынъ: *н.* ны́нлу (землянки, въ которыхъ прежде жили) *н.* э́нлу. Чѣмъ вызвано отпаденіе *н* въ перечисленныхъ случаяхъ затрудняемся сказать, такъ какъ передъ тѣми же гласными *н* въ другихъ случаяхъ сохраняется равно во всѣхъ анадырскихъ нарѣчіяхъ: срав. *в.* напа́хак (старая кость кита) в. напа́как, *н.* *н*апа́хты; *в.* Ну́ука (имя поселка), *у.* нэбо́как, *н.* нубу́как; *в.* ны́нах (кость), *у.* на́хк*у*ак, *н.* нынра́т (множ. ч.) и друг. Впрочемъ, если начальный *и* въ транскрипціи г. Гондатти употребленъ по русской графикѣ вмѣсто ј*и* (какъ въ нашихъ словахъ: ихъ, ихній), то и въ вутээнскихъ словахъ иңы́хпых, и́пјих слѣдуетъ видѣть не отпаденіе *н* а переходъ его въ j, какъ въ словахъ: ја́йбых и ју́јех.

Переходимъ къ губнымъ согласнымъ: п, б, (в) м.

Звукъ п соотвѣтствуетъ звуку п другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *в.* пиңы́јух, *у. н.* пина́јут (три) = pingajoq (три), pingajuat (третій); *в. у.* паника (дочь), *н.* паніа́ = panik; *в.* аппа́ка, *у.* аппака́, *н.* апи́ (дѣдъ) = Wn. apang (отецъ). Но не менѣе обычно соотвѣтствіе анадырскаго п звуку w, v американскихъ нарѣчій; сравн.: *в.* ка́псих, *у.* капси́к, *н.* ка́пчик (россомаха) = Ws kawčak; *в. у.* та́псика, *н.* тапси́ (поясъ) = tavsik.

Звукъ б, насколько можно заключать изъ одиночныхъ примѣровъ, соотвѣтствуетъ звукамъ *б* и *в* другихъ діалектовъ: *в.* ка́*б*и, *н.* каувја́к (дресва) = Ws. kubuehuk (firewood); *в.* эбы́х, *у.* бык, *н.* эбы́к (трава) =

ішik; *у.* ахби́ндлик, *н.* ахбини́лик (шесть) = aghwinnak; *н.* кабл́ут (брови) = C. kabloot. Родство другихъ словъ, имѣющихъ *н* или *б* нами не установлено, такъ что мы должны ограничиться приведенными примѣрами. Чередованіе *н* и *б* отмѣчено нами въ словахъ: *в. у.* апсина́х (мышь) *н.* абична́рак; *у. в.* убл́ава (мука́) *н.* эпл́авак. Звукъ ф, повидимому, отсутствуетъ въ консонантизмѣ всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій и, судя по одному примѣру, американско-эскимосскому f отвѣчаетъ въ анадырскихъ нарѣчіяхъ *б*: Срав. arfeq (китъ) *в.* а́хбых, *у.* а́хбок. Только въ нарѣчіи у н ы н ъ въ одномъ и притомъ культурномъ словѣ, вѣроятно заимствованномъ, мы нашли въ записи г. Гондатти букву ф: чуфл́уак (ружье). Въ другихъ нарѣчіяхъ названіе р у ж ь я взято съ чукотскаго.

Относительно буквы *в*, встрѣчающейся вообще рѣдко въ словахъ, записанныхъ г. Гондатти, можетъ возникнуть сомнѣніе, скрывается-ли подъ ней спирантъ *в* или полугласный ў (англ. w) или и тотъ, и другой звукъ въ разныхъ словахъ. Разсмотримъ всѣ слова съ буквой *в*. Между ними, во 1-хъ, намѣчаются во всѣхъ трехъ діалектахъ слова несомнѣнно заимствованныя съ чукотскаго; таковы: *у.* эл́тувóка (внукъ), *в.* э́л́тыка, *н.* эл́тóрака, чукот. эл́тл́увокай; *в.* вуа́лкали́рѓыка (борода), чукот. вуа́лкал́хырѓыт; *в.* эчвéѓјах (важенка дикая), чукот. эчвéѓјах (тоже слово въ нарѣчіи *н.*); *в.* тэлэнвэ́на (пила), *у.* тлэнвуэна́к, чукот. тнэл́вынна́; *в.* рэл́ѓыква (кольцо), чукот. рэл́ѓыквун; *в. у. н.* вуил́и́нкакун (благодарю), чукот. вуил́и́нкакун; *н.* кајэ́твук (вельботъ), чукот. хајэ́твуэт [1]). Сюда же слѣдуетъ отнести названіе «табака»: в. тава́ка, *у.* та́вака, *н.* тава́кэн, вѣроятно полученное отъ американцевъ вмѣстѣ съ этимъ продуктомъ (англ. tabacco). Во 2-ю группу входятъ слова, повидимому, эскимосскія: *у.* кэ́йвук (рѣка) *н.* ку́ик = kûk LCMWns, *у.* эрнувуа́рынка (палецъ), *у.* акóвјак (кожаные торбасы) *в.* акóвка; *у.* тэвóмѓа на́кот (борьба); *у.* камва́к (савка); *у.* атту́нак увјéк (лахтачій ремень); *в.* вутл́а́хтах (нитка); *в.* уну́вах (вечеръ), *у.* уну́ва, *н.* уну́вак (но срав. безъ *в.*: *н.* уну́аку = «завтра»); *н.* интл́увак (вчера); *н.* вутэ́т (зубы), но въ *у.* *х*утынка́), въ *в.* кыы́та = Wa. chutit, uutinka; *н.* антл́увок (большой), срав. другую форму суффикса — ѓ о к въ словѣ *н.* ситл́уѓóк (толстый), *н.* тава́тына (довольно). Приведенные примѣры, которыми исчерпываются слова съ *в* въ глоссаріи г. Гондатти, не рѣшаютъ поставленнаго выше вопроса. Мы видимъ, что *в* всюду предшествуетъ либо гласному (причемъ отличіе между *в* и *w* не всегда можно уловить

---

[1]) Можетъ быть, иноземнымъ слѣдуетъ считать и названіе «м у к и», въ виду привоза этого продукта: в. у. убл́ава, н. эпл́авак.

неопытному слуху), либо согласному j. — Въ названіи поселка в. Нуука (сравн. *н.* Нубу́как, *у.* Нэбо́как) вѣроятно б перешло въ ў или в и затѣмъ выпало, если только транскрипція г. Гондатти точна и имя не звучитъ какъ Núwuka (Ну́ўука).

Звукъ *м* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ не только м другихъ эскимосскихъ нарѣчій, какъ видно изъ выше приведенныхъ словъ, но и звуку *v* (спиранту *в*): срав.: *в.* та́млика (подбородокъ), *у.* тамлу́ка, *н.* та́млу = tavdloq LWn; *в.* ку́млика, *у.* кумлу́ка, *н.* кумлу́ (большой палецъ) = kuvdloq LCMW. Изрѣдка діалектически *м* чередуется съ *н*: *у.* мыкылрә́к (мальчикъ-подростокъ), *в.* нукы́лпычрах, *н.* нукалпіјара́к; *в.* тумсика́ *у.* тунусу́ка (затылокъ); *в.* у́мка, *у.* унахы́нка, *н.* уны́т (усы); *в.* алэмајакыка, *у.* аланко́ка [м. б. аланкока] (безыменный палецъ); *в.* сакы́мка, *у.* саки́мака, *н.* чайнка [м. б. чаинка] (грудь). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *м* предпочитаетъ нарѣчіе Вутээнъ.

Переходимъ къ согласнымъ плавнымъ *р* *р̓* и *л*.

Плавный р соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *у.* э́рныка, *н.* эрнара́ (сынъ) = erneq; *у. н.* эру́хка (нога) = Wn. erukhga, Ws. erukha; *н.* ану́арун (весло) = anguar (pok); *у.* танјирутыт [plur.] (браслетъ) = Wn. tajaranere (?); *у. н.* опынра́к (весна) = upernâq; *у.* тарјо́, *н.* тарјо́к (разсолъ) = tarajoq.

Другой р̓, произносимый, по словамъ г. Гондатти, «съ придыханіемъ», вѣроятно, близокъ къ картавому р, акустически напоминающему звукъ γ (r̓). Какъ и первый р, онъ соотвѣтствуетъ въ другихъ эскимосскихъ языкахъ звуку, выражаемому буквой r, хотя въ произношеніи обоихъ р и въ другихъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, существуетъ различіе. Такъ, звукъ анадырскаго р̓ передается разными собирателями эскимосскихъ словъ какъ r̓, rh, ch, x, ρ, g̓. Г. Ринкъ (стр. 42), замѣчая, что r̓ произносится какъ глубоко-нёбный нѣмецкій ch, прибавляетъ неожиданно, что для его выраженія можетъ служить *r* [r̓ like a deeply palatal german *ch*; a simple r may also suffice]. Примѣры р̓ = r: *у. н.* ар̓на́к (женщина) = arnaq; *у.* ују́р̓ахка, *н.* ују́р̓ы (братъ младшій) = LCM ujoruk, Ws. ojoara; *в.* и́р̓ыка (нога) = Wn. erukhga. Въ записяхъ г. Гондатти мы отмѣтили нѣсколько случаевъ діалектическаго чередованія р и р̓, которые, если нѣтъ неточности или описокъ, указываютъ на близость обоихъ звуковъ. Срав.: *в.* и́р̓ыка (нога), *у. н.* эру́хка; *у.* сакы́рака (шуринъ), *в.* сакы́рчека, *н.* сакы́рака; *у.* кар̓у́лэн (нерпа крылатая), *н.* кайру́лэк; *н.* танѓылр̓э́а (черный) *у.* таны́лрэ́. — Въ словѣ *у. в.* тар̓на́рак (мальчикъ) = Ws. tennuhak, Wa. tannojak — мы имѣемъ случай ассимиляціи р̓ передъ н и м. б. соотвѣтствія второго р̓ звукамъ h и j. Чередованіе р съ j (или несло-

говымъ і ?) можетъ быть наблюдается въ словахъ: *в.* ку́рнах (олень) *у.* койнэ́к; *в.* ку́рах (рѣка) *у.* кэ́йвук; *в.* кори́лхій *у.* койли́гик (оленный чукча). Близостью р̌ къ х и ѓ вѣроятно объясняются чередованія: *у.* уjира́к (камень) *н.* уjиха́к (изъ уjиѓак?) = ujarak (точнѣе ujaŕak?) LMCWns; *у.* кохли́ѓих (штаны) = qar̆dlik (м. б. qar̆dlik?); *н.* иѓа́лӧк (луна) = Wa. iralliuk; *н.* иѓалеката́к (звѣзда) = Wa. iralikatoch, eradlekatak.

Звукъ *l* въ анадырскихъ діалектахъ выражается г. Гондатти передъ согласнымъ постоянно черезъ *ль* и въ видѣ *л* является въ его записи только передъ: я, ю, е, ӧ, и, изъ чего мы заключаемъ что въ нашихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ слышится обще-европейскій *l* средній между обоими русскими, открытымъ и закрытымъ. Только въ одномъ словѣ у г. Гондатти мы находимъ *л* передъ *ы*; *в.* кандыра́ (волкъ) и въ виду того, что въ соотвѣтствующемъ словѣ Ws. kanagat* (wolf, Ринкъ стр. 118) нѣтъ *l* мы склонны видѣть въ передачѣ вутээнскаго слова г. Гондатти нѣкоторую неточность. Анадырскій *л́* (этимъ знакомъ мы выражаемъ обще-европейскій l, такъ какъ устранили въ нашей транскрипціи такъ наз. іотированные гласные я, ю) соотвѣтствуетъ, съ одной стороны, l другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *н.* нулі́ака (жена) = nuliaq; *у.* тасли́хка, *н.* тахли́ка (рука) = taleq; *н.* каб́лу́т (брови) = C. kabloot; *у.* атхи́лка, *н.* аткы́лнин (средній палецъ) = Wn. akolinek; *в.* и́лхуа (лисица) = Ws. uliguik; *н.* ула́хак (песецъ) = ukaleq (заяцъ). Но съ другой стороны, онъ соотвѣтствуетъ какому то особенному l, существующему въ гренландскомъ и нѣкоторыхъ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ и выражаемому г. Ринкомъ буквами *dl*. По его словамъ (стр. 41), *dl* произносится какъ англ. *tl* въ словѣ «softly»: «это только болѣе обостренный l послѣ согласнаго» [is merely an l sharpened after a consonant). Такое описаніе акустическаго свойства звука безъ наблюденія его артикуляціи слишкомъ недостаточно, и мы не можемъ себѣ составить о немъ надлежащаго понятія: можетъ быть, подобный l имѣемъ въ кавказскихъ языкахъ въ звукѣ нѣсколько напоминающемъ *tl* и представляющемъ цѣльный звукъ, а не группу. Какъ бы ни произносился гренландскій *dl* можно констатировать фактъ, что въ анадырскихъ нарѣчіяхъ ему соотвѣтствуетъ л́; срав.: *в.* та́млика (подбородокъ), *у.* тамл́у́ка, *н.* та́мл́у = tavdloq; *в.* ку́млика, *у.* кумл́у́ка, *н.* кумл́у́ (большой палецъ) = kuvdloq; *н.* махл́а́к, *н.* макл́а́к (лахтакъ) = magdliaq*; *в.* л́у (домъ) = igdlo; *у.* кохли́ѓих (штаны) = qardlik; *у.* *н.* кахл́у́к (громъ) = kagdleq; *у.* *н.* тали́мат (пять) = tadlimat. Можетъ быть, особый л́ подобный гренландскому скрывается въ транскрипціи г. Гон-

датти подъ буквами *тл* въ словахъ: *в.* утлинчика́ (щека) = uluaq; *в.* ӯтла́ (языкъ), срав. *у.* ула̄ка, *н.* улӑӯ, Ws. ulu, ulju; *в.* е́катлих (рыба) = eqaluk.

Переходимъ къ звуку j, отсутствующему въ транскрипціи г. Гондатти. Анадырскій j соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *в.* jух (человѣкъ), *у. н.* jук = Wn. juk; *у.* уjӯрахка (братъ младшій) *н.* уjурӑ = LCM. ujoruk; *у.* уjако́к (шея), *н.* уjáконка, *в.* уjе́кака = M. ujak; *у.* н́ӯjака, *н.* нӯjат (волосы) = nujaq; *у.* уjира́к, *н.* уjиха́к (камень) = ujarak; *у. н.* пина̂jут (три) = pingajoq, pingajuat. Предположеніе возможнаго чередованія *j* съ *н* сдѣлано нами выше. Въ нӯуканскихъ словахъ: укjӯак (осень) и укjумә (зима) звукъ j, повидимому, отвѣчаетъ ć въ нарѣчіи уныынъ: укса́к (осень), уксӯк (зима); сравн. также *в.* и́пjих (дождь) съ *у.* нэпсӯк. Подтвердить это чередованіе можно аналогіей лабрадорскаго діалекта, въ которомъ, по словамъ Ринка (стр. 44) «j соотвѣтствуетъ не только гренландскому j, но и звуку ss (т. е. *ш*) нѣсколько смягченному».

Ограничивая этимъ свои наблюденія надъ отдѣльными звуками трехъ разсматриваемыхъ эскимосскихъ нарѣчій, скажемъ нѣсколько словъ объ исходахъ и началахъ словъ, насколько они уясняются матеріалами г. Гондатти. Относительно гренландскаго языка г. Ринкъ замѣчаетъ, что въ немъ не допускается группа согласныхъ ни въ началѣ, ни въ исходѣ слова. Относительно исхода этотъ законъ вполнѣ прилагается къ словамъ всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій: на группу согласныхъ въ исходѣ мы не нашли ни одного примѣра. Что касается начала словъ, то здѣсь мы встрѣтили исключенія, но въ самомъ ничтожномъ числѣ. Считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть всѣ случаи: начальная группа *тл* встрѣтилась въ вутээнскомъ названіи «землянокъ, въ которыхъ прежде жили», «тлӑӯбыхъ»; если въ этомъ словѣ слогъ *лӑу* = слову *в.* лӑу (домъ), то въ т можно видѣть какую нибудь приставку, нарушившую законъ; начальная группа *пр* встрѣчается только въ заимствованныхъ названіяхъ табакерки: *в* проткобо́сха, *у.* прӯтку, *н.* про́ткук, срав. чукот. проткобо́схин, чѣмъ и объясняется нарушеніе закона; въ начальныхъ *мм у. мм*ык (вода, море), срав. *н.* имма́к, находимъ собственно не группу изъ двухъ разныхъ согласныхъ, но геминацію м, вызванную, повидимому, отпаденіемъ *и*; группа *мн* въ словѣ мна (я) во фразѣ: мна тамре́некси = «я ѣмъ» вѣроятно объясняется выпаденіемъ гласнаго между *м* и *н*: срав. мн. ч. мыкыта́ = «мы»; такое же выпаденіе гласнаго можно предположить въ словахъ *в.*

*тры*кусáк, *у. тре*кусáк (звѣрь), если сопоставить ихъ съ *н.* тарык, и вѣроятно въ вутэзнскомъ странномъ начальномъ трифтонгѣ (!) слово «трхэхых» (песецъ), если оно передано точно. Наконецъ для объясненія послѣдняго исключенія, отмѣченнаго нами, начальнаго *нр* въ *у.* нрлáна (ѣмъ), гдѣ имѣемъ, какъ будто, второй случай начальнаго трифтонга, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ: можетъ быть и здѣсь вопросъ разъяснился бы болѣе точной передачей. Впрочемъ, нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что въ обоихъ случаяхъ начальныхъ трифтонговъ за первымъ согласнымъ слѣдуетъ плавный р (можетъ быть слоговой ?) [1].

Далѣе, въ гренландскомъ, по словамъ Ринка, слово не можетъ начинаться согласными l, r, g, v, rng или ng (ñ), всѣ же прочіе согласные и всѣ гласные допускаются въ началѣ слова. Изъ этого закона въ нашихъ нарѣчіяхъ мы находимъ исключенія, но въ ничтожномъ числѣ, именно, есть нѣсколько словъ, начинающихся согласными *л́*, *р* и *в*. Разсмотримъ эти случаи. Звукомъ л́ начинаются: *в.* л́у (домъ), но форма этого слова въ другихъ нарѣчіяхъ igdlo показываетъ, что оно раньше начиналось гласнымъ i; на отпаденіе гласнаго въ *в.* словахъ: л́анá (онъ), л́акэ́ (они), повидимому, указываютъ формы этихъ мѣстоименій въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.*: эл́тна, эл́снит; можетъ быть, отпаденіемъ слога объясняется начальный л́ въ *в.* лöх-тыбал́ах (толстый), если это слово родственно съ *у.* слúх-ыл́рэ и *н.* ситл́уѓ-óк. Этими словами, и притомъ принадлежащими т о л ь к о нарѣчію в у т э э н ъ, ограничиваются случаи начальнаго л́. Начальный р имѣемъ въ нѣкоторыхъ словахъ, заимствованныхъ съ чукотскаго, каковы: *в.* *н.* раул́эна (бѣлка), *у.* рáулэн, срав. чукот. рáулэн; *н.* рэсэтвуал́á (ножъ мужской), ср. чукот. рэсэ́твуал́; *у.* рыпа, *н.* рыпэ (молотокъ), чук. репэ́на; *в.* рэл́ѓыква (кольцо), чукот. рэл́ѓыквун; *н.* Рамáѓыл́а (сидячій чукча), чукот. Рамáл́ѓан; *у.* Русиманјú, *н.* Рýсиѓмит (Русскій). Можетъ быть, заимствованное и слово *у.* ратамирáк (ситцевая кухлянка). Наконецъ послѣднее извѣстное намъ слово съ начальнымъ *р* названіе «передовой собаки въ нартѣ» рал́ил́ѓáвы въ нарѣчіи нуукань. Въ виду того, что слова на р почти всѣ заимствованныя, можно думать, что такое начало было прежде чуждо анадырскимъ нарѣчіямъ, какъ и американскимъ эскимосскимъ. Для начальнаго *в* имѣемъ только три случая: *в* вуáл́кал́úрѓыка (борода), срав. ч у к о т. вуал́кал́хырѓыт, *в.* вутл́áхтах (нитка) и *в.* вул́ѓынáл́ѓа (шкура (пыжика голаго), срав. чукот. вул́ѓынáл́ѓын, всѣ три только въ нарѣчіи

---

[1]) Въ у. слúхыл́рэ (толстый) начальная группа объясняется позднимъ выпаденіемъ гласнаго послѣ с; срав. н. сит́л́угóк.

вутээнъ и въ заимствованныхъ словахъ. Итакъ обще-эскимосскій законъ начала словъ былъ обязателенъ и для анадырскихъ нарѣчій. Что касается исхода словъ, то, кромѣ гласныхъ, въ немъ допускаются, по словамъ Ринка, только глухіе согласные q, k, p и t (стр. 43). Въ подавляющемъ большинствѣ словъ находимъ тоже и въ анадырскихъ нарѣчіяхъ, но существуютъ и исключенія: такъ, мы выше видѣли, что въ нарѣчіи *в.* нерѣдко является конечный *х*, вмѣсто *к*. другихъ нарѣчій, которымъ также въ отдѣльныхъ случаяхъ не чуждъ исходъ на х : напр. *у.* ла́хла́х (гусь-назарка), *н.* ла́клак [нѣтъ ли тутъ описки или ослышки у г. Гондатти?); *у.* ако́тах (весло рулевое) *в.* ако́тах [въ *у.* мы ожидали бы акотак]; *у.* ијӳјахкотах (весло носовое), *у.* анја́вуах (вельботъ); *у.* апсина́х (мышь), *в.* апсина́х [въ *у.* ожидали бы апсинак]. Эти примѣры уныйнскаго конечнаго *х* представляются намъ сомнительными. Въ нарѣчіи *н.* имѣемъ конечный х только въ заимствованномъ съ чукотскаго слова эчве́ѓјах (важенка дикая) = чук. эчве́ѓјах. Затѣмъ встрѣчается, хотя не часто, исходъ на носовые *м* и *н*. Исходъ на *р* встрѣтился намъ только въ *н.* и́лир (островъ), заимствованномъ съ чукотскаго «ила́р»; исходъ на *г* въ *н.* јаки́раг (аутка), гдѣ можно подозрѣвать описку изъ ѓ. Такимъ образомъ и законъ исхода словъ, если не вполнѣ, то большей частью выдержанъ въ анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

Мы уже сказали выше, что для заключеній о мормологіи матеріалы г. Гондатти почти не даютъ данныхъ. Отмѣтимъ то немногое, чѣмъ можно воспользоваться. Признакомъ множ. ч., по Ринку (стр. 50), служитъ согласный t. Тотъ же суффиксъ, для точнаго опредѣленія котораго у насъ нѣтъ данныхъ, является повидимому въ анадырскихъ нарѣчіяхъ: напр., *н.* каблӯтъ (брови) = C. kabloot (brows); *н.* вутэ́т (зубы), *в.* кыкта = Wa. chutit; *н.* нынра́т (кости) = Ws. nunokut, nenoet (bones); *у.* кума́ѓыт (оводъ оленій) ср. *н.* кума́к (един. ч. ?); *н.* уны́т (усы), *у.* Анја́хпаѓыт (американецъ) ср. *в.* Анја́хпаѓый (един. ч. ?) и друг.

Личныя мѣстоименія 1-го лица значительно расходятся въ трехъ нарѣчіяхъ: *в.* мна (я), *у.* хуана́, *н.* уй (м. б. уји ?); изъ этихъ формъ вторую (*у.* хуана) не трудно сблизить съ гренланд. uvanga. Во множ. числѣ въ этихъ формахъ является, повидимому, суфф. *т* съ какими то добавленіями: *в.* мыкыта́ (мы), *у.* хуанкута́, *н.* уанкута. Мѣст. 2-го лица почти тождественно во всѣхъ анадырскихъ діалектахъ, *в.* элпы́ (ты), *у.* элпы́к, *н.* элпы́к (въ гренландск. ivdlit); множ. образуется суффиксомъ—*си* : *в. у. н.* элписи́ (вы). Для 3-го лица служитъ указат. мѣ-

стоименіе: *в.* ӆана́ (онъ), *у. н.* эӆтна́; причемъ во множ. въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.* находимъ обычный суф. т: *у. н.* эӆсни́т (они), въ нарѣчіи же *в.* какой то другой суффиксъ: *в.* ӆакә́ (они).

Что касается спряженія, то въ таблицѣ г. Ринка (стр. 51) для 1-го лица ед. ч. изъявительнаго наклоненія показанъ исходъ — unga, которому, можетъ быть, соотвѣтствуетъ — ана (изъ н̃а) въ нарѣчіи *у.*: хуана́ нрӆа́на (я ѣмъ); исходъ этого лица въ обоихъ другихъ нарѣчіяхъ не представляетъ ничего сходнаго. Исходу — ugut для 1-го л. мн. ч. соотвѣтствуетъ въ нарѣчіи *у.*—укат, въ *н.*—укут. Гренландскому исходу 2-го л. ед. ч. изъяв накл.—utit, можетъ быть, отвѣчаетъ въ *в.* — ыты (или—тыты?). Исходъ того же лица во мн. ч. въ трехъ нарѣчіяхъ почти тожественъ: *в. у.*—ыси, *н.*—иси: въ гренл.—use. Исходу 3 л. ед. ч.—oq соотвѣтствуютъ: *в.*—ых, *у.*—ук, *н.*— ок; исходу множ. ч. 3 л. гренланд.—ut отвѣчаютъ: *у.*—ут, *н.*—ут; въ нарѣчіи *в.* совершенно другой исходъ.

Вообще изъ немногихъ морфологическихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, что нарѣчіе вутээнъ значительно расходится съ обоими другими, которыя довольно близки между собою.

Переходимъ къ вопросу о взаимномъ отношеніи анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчій.

Просматривая списокъ словъ г. Гондатти, мы немедленно убѣждаемся, что въ словарномъ отношеніи нарѣчія у. и н. ближе между собою, чѣмъ оба они съ нарѣчіемъ в. Около 40 словъ въ обоихъ нарѣчіяхъ тожественны[1]; а въ значительномъ числѣ случаевъ различіе между ними только въ удареніи. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ: *у.* ҫаки́ка *н.* ҫакыка́ (тесть), *у.* кахка́ка, *н.* кахкака́ (макушка), *у.* нано́к, *н.* на́нок (бѣлый медвѣдь), *у.* а́хбок, н. ахбо́к (китъ), у. ӆахӆа́х, *н.* ӆа́кӆак (гусь-назарка), *у.* а́нјак, *н.* анја́к (байдара), *у.* хо́хкак, н. хохка́к (свинецъ), *у.* чаби́к, *н.* ча́бик (ножъ), *у.* чу́нак, *н.* чуна́к (бусы), *у.* си́кок, *н.* сико́к (игла), *у.* кә́йпак, *н.* кэйпа́к (нитка), *у.* ты́как, *н.* тыка́к (наперстокъ), *у.* амә́к, *н.* а́мэк (шкура стараго оленя), *у.* ано́ка

[1]) Сравн. въ таблицахъ г. Гондатти слова: человѣкъ, женщина, мужъ, дѣвочка, мальчикъ, племянникъ, зять, молоко, нога, носъ, олень, быкъ дикій, важенка, собака, нерпа-мандарка, рыба, горбуша, морская капуста, дрова, лахтачья кожа, громъ, калъ, огонь, корень, ночь, жупанъ, весна, Ратманова остр., Лаврентія остр., хорошо, ты, онъ, вы, они, одинъ, два, три, пять.

н. аноко́ (вѣтеръ), *у* нунна́, *н.* ну́нна (земля) и друг. Въ большинствѣ случаевъ, какъ будто, н. предпочитаетъ удареніе на конечномъ слогѣ. Затѣмъ въ значительномъ числѣ случаевъ (до 30) однозначащія слова нарѣчій *у.* и *н.* родственны между собою по корню и по звуковому составу ближе между собой, чѣмъ со словами нарѣчія *в.* Но при этихъ чертахъ спеціальнаго родства нельзя не напомнить и нѣкоторыхъ фонетическихъ отличій обоихъ нарѣчій. Ограничимся лишь наиболѣе выдающимися, отмѣченными нами выше: а) случаи, гдѣ унынскому *с* соотвѣтствуетъ въ нарѣчіи *н.* звукъ х, иногда исчезающій: срав. *у.* таслиха *н.* тахлика; *у.* каслика *н.* калик; б) случаи, гдѣ унынскому *и* соотвѣтствуетъ въ нуукамск э: *у.* уми́лик (начальникъ), *н.* ума́лэк; *у.* кик *н.* кэк (лѣто); *у.* ил̆у́лика, *н.* ил̆у́лэк (куклянка нижняя); *у.* унахси́к, *н.* уна́хсэк (наносный лѣсъ); в) случаи, гдѣ въ у. является *с* въ соотвѣтствіи съ нууканскимъ *ч*: *у.* ас́а́ѓа *н.* ачика́ (тетка), *у.* саки́мака *н.* чайнка (грудь), *у.* си́мна *н.* чемнак (быкъ домашній), *у.* кол̆ми́си *н.* хул̆у́мчи (котелъ), *у.* ста́мат, *н.* чита́мат (четыре) и друг. Въ словообразованіи отмѣтимъ, что въ нѣсколькихъ случаяхъ въ нарѣчіи *у.* находимъ суффиксъ-ка, отсутствующій въ *н.*: *у.* аппа́ка *н.* апи́ (дѣдъ), *и.* аттака́ *н.* атти́ (отецъ), *у.* ул̆у́ка, *н.* ул̆у́ (языкъ), *у.* тамл̆у́ка *н.* та́мл̆у (подбородокъ), *у.* ту́с́ка *н.* ту́јe (плечо), *у.* кумл̆у́ка *н.* кумл̆у́ (большой палецъ) и друг.

Что касается нарѣчія Вутээнъ, то въ лексическомъ отношеніи оно, повидимому, ближе къ нарѣчію Уныынъ, чѣмъ къ нарѣчію Нууканъ. Мы нашли бо́льшее сходство нарѣчія *в.* съ *у.* въ слишкомъ 30 словахъ [1]), между тѣмъ, какъ съ нарѣчіемъ *н.* оно сближается только въ 5—6 словахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя равно заимствованы съ чукотскаго. На нѣкоторыя спеціальныя фонетическія особенности вутээнскаго нарѣчія (напр. х вмѣсто к) было указано выше. Во всякомъ случаѣ *в.*, *у* и *н.* не могутъ считаться только говорами одного нарѣчія. Это—говоры, уже настолько разошедшіеся въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніи, что къ нимъ можетъ быть примѣненъ терминъ нарѣчій или діалектовъ одного языка. Если мы примемъ во вниманіе, что число словъ, записанныхъ г. Гондатти (кромѣ числительныхъ)

[1]) Срав. въ таблицахъ г. Гондатти слова: старикъ, ребенокъ, дѣдушка, бабушка, мать, дочь, грудь, груди женскія, брови, щека, звѣрь, дикій баранъ, мышь, птица, весло носовое, пароходъ, пологъ, аутка, моржовая кожа, штаны оленьи, кожаные торбасы, оленьи торбасы, мука, спички, чай, вода, волна, мысъ, островъ, озеро, нѣтъ, американецъ.

не превышаетъ 360, что слова эти наиболѣе употребительныя бытовыя и что во множествѣ случаевъ корневого родства слова трехъ нарѣчій значительно различаются въ суффиксахъ, что, наконецъ, есть немало однозначащихъ словъ неродственныхъ другъ другу во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ, то убѣдимся въ правдивости утвержденія г. Гондатти, что вутэенцы не понимаютъ нарѣчія уныынцевъ, а послѣдніе нууканцевъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о замѣтномъ вліяніи чукотскаго языка на анадырскія эскимосскія нарѣчія. Вліяніе это объясняется численнымъ преобладаніемъ чукчей надъ эскимосами въ Анадырскомъ округѣ и, повидимому, бо́льшей культурностью первыхъ. Мы привели выше показанія г. Гондатти, что для взаимныхъ сношеній анадырскіе эскимосы разныхъ поселковъ пользуются чукотскимъ языкомъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ могли войти въ оборотъ эскимосовъ чукотскія слова и даже цѣлыя фразы изъ повседневныхъ сношеній. Такъ, напримѣръ, во всѣ эскимосскія нарѣчія вошли чукотскія обиходныя обращенія: «прощай», «благодарю»: ч. «таѓа́м» и «вуили́нкакун». Общихъ всѣмъ тремъ нарѣчіямъ чукотскихъ словъ, по нашему счету, оказывается 16. Интересно, что, кромѣ названій нѣкоторыхъ культурныхъ предметовъ, каковы: молотокъ, остолъ, гребень, трубка, табакерка, сахаръ, табакъ, и нѣкоторыхъ названій животныхъ (олень - быкъ домашній, бѣлка, куница, рѣчной бобръ), эскимосы заимствовали у чукчей даже нѣкоторыя названія родства, каковы: внукъ (*ч.* элтлувокай, *в.* элтыка, *у.* элтуво́ка, *н.* элтоѓака), свояки (*ч.* така́лѓин, *в.* така́лѓын, *н.* така́лѓыка). Бо́льшее число чукотскихъ заимствованныхъ словъ находимъ въ нарѣчіи вутэенцевъ (по нашему счету 37) наименьшее число въ нарѣчіи уныынцевъ (21). Число чукотскихъ словъ въ трехъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ доходитъ до 60.

Резюмируя выводы по главнымъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ нами въ изслѣдованіи, можемъ выставить слѣдующія положенія:

1. Эскимосскія нарѣчія Анадырскаго округа представляютъ спеціальное родство съ эскимосскими нарѣчіями западной Америки (Аляски).
2. Говоры Вутэенъ, Уныынъ и Нууканъ настолько различаются

другъ отъ друга въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношенiи, что могутъ быть названы нарѣчiями.

3. Изъ этихъ нарѣчiй Уныынское и Нууканское болѣе близки между собой, чѣмъ каждое изъ нихъ съ нарѣчiемъ Вутээнскимъ.
4. Въ лексическомъ отношенiи на всѣ три нарѣчiя (особенно на нарѣчiе в.) оказалъ значительное влiянiе чукотскiй языкъ.

Всев. Миллеръ.

Гунгербургъ.
25 iюня 1897 года.

Отчетъ члена-сотрудника С. Рыбакова о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества.

Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современымъ бытомъ киргизъ.

По порученію Императорскаго Географическаго общества, я весною 1896 года отправился въ киргизскую степь съ цѣлью собиранія памятниковъ поэтическаго и музыкальнаго творчества киргизъ. Въ началѣ мая я пріѣхалъ въ Оренбургъ. Я былъ на рубежѣ Европы и Азіи, и самая физіономія города говорила, что здѣсь встрѣчаются два міра.

I. Предварительныя впечатлѣнія.

Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Оренбургъ, мнѣ пришлось побывать на сѣверѣ Россіи — въ г. Вологдѣ. Изъ этого края путешественникъ выноситъ цѣльное впечатлѣніе: коренная, старинная Русь царитъ всюду, ничѣмъ не нарушаемая; постройки однообразныя, деревянныя, какъ издавна по всей Руси; среди нихъ церкви и церкви разнообразной, нерѣдко красивой архитектуры, — ничего другого, никакихъ постороннихъ чужихъ впечатлѣній... Деревянная и святая Русь господствуетъ здѣсь безраздѣльно.

Иной рядъ впечатлѣній сообщаетъ путешественнику г. Оренбургъ. Отъ желѣзнодорожнаго вокзала шоссированная дорога проводитъ въ улицы города, и путникъ встрѣчаетъ здѣсь новые каменные дома, сады направо и налѣво, широкія улицы, усаженныя аллеями. Впечатлѣніе новаго города, по своему происхожденію относящагося къ недалекой эпохѣ, — путникъ получаетъ тотчасъ же: одни казенныя огромныя зданія, напр., пятиэтажные кадетскіе корпуса, предназначенные для военныхъ воспитанниковъ всей средней Азіи, говорятъ о современной почти эпохѣ.

О господствующей христіанской націи свидѣтельствуютъ церкви,

но не столь уже многочисленныя и не такія древнія, какъ напр., въ Вологдѣ, почему съ ними не связано почти никакихъ преданій.

Но что сообщаетъ особенную характерность городу, вноситъ совершенно новый, оригинальный тонъ въ сумму впечатлѣній отъ него, — это стройно высящіеся башни или минареты мечетей съ гордо поднятой луной.

Когда дорога отъ вокзала, проходя мимо расположенныхъ направо и налѣво тѣнистыхъ садовъ — Караванъ-Сарая, душистаго парка, губернаторскаго сада, приближается къ новому красивому православному собору, взоръ невольно приковывается неожиданнымъ зрѣлищемъ: налѣво отъ дороги гордо и изящно возвышается надъ садами тонкая бѣлоснѣжная колона минарета Караvансарайской мечети, — лучшей въ городѣ, и однимъ своеобразнымъ видомъ своимъ открываетъ передъ свѣжими чувствами цѣлый новый міръ, міръ мусульманской Азіи, которая отсюда начинается,—міръ полный особаго содержанія, настроенія, грезъ и поэзіи. Этотъ изящный, своею луною теряющійся въ небесахъ минаретъ, какъ бы исполненъ меланхолической мечты или думы, въ которой сквозитъ скорбь о настоящемъ и надежда на будущее.

Черезъ нѣсколько саженей далѣе передъ взорами раскрывается покойный, величавый, превосходной архитектуры, православный соборъ, — представитель другого міра, съ которымъ столь непримиримъ и отъ котораго такъ сильно отличенъ міръ мусульманства.

Населеніе города не менѣе смѣшанно; здѣсь встрѣчаются и русскіе и татары и башкиры и киргизы и мордва и пр.

Здѣсь, на Оренбургской площади, путникъ воочію видитъ встрѣчу двухъ міровъ — міра Европы, христіанства и міра азіатскаго ислама, — и это совпадаетъ и съ географическимъ сосѣдствомъ Европы и Азіи: городъ лежитъ на правой сторонѣ р. Урала, а тотчасъ за рѣкой, на лѣвой сторонѣ, географически уже начинается Азія.

Запасшись необходимыми справками въ Оренбургѣ въ Тургайскомъ Областномъ Правленіи, я въ сопровожденіи переводчика-ученика Оренбургской киргизской учительской школы (Юсупова) въ 20-хъ числахъ мая выѣхалъ въ Тургайскую и Уральскую Области къ киргизамъ.

Киргизскій народъ занимаетъ громадную территорію Азіатскаго материка приблизительно между 55° и 40° сѣв. широты и 20° и 56° восточной долготы, которая составляетъ такъ называемую Арало-каспійскую впадину, извѣстную у Персовъ подъ названіемъ Турана.

Границами этой территоріи можно принять: на сѣверѣ — часть Алтайскихъ горъ, рѣку Иртышъ приблизительно до Омска, отсюда

линію до р. Тобола (при Звѣриноголовской станицѣ Оренб. губ.), на западѣ — Тоболь, рѣки Уй и Уралъ въ Оренб. губ. почти до Оренбурга (до Нѣжинскаго поселка въ 18 в. отъ Оренбурга), отсюда граница переходитъ р. Уралъ и идетъ по рѣчкамъ Бердянкѣ, Курали, Илеку до устья послѣдняго и затѣмъ опять по р. Уралу до Каспійскаго моря; на югѣ съ киргизами граничатъ Аральское море, земли Туркменъ, Хивинцевъ, Бухара, Коканъ, на востокѣ — Китайскія владѣнія. На югѣ и юго-востокѣ Киргизскія земли обрамляютъ слѣдующіе горные хребты: Алтайскія горы, хребты Нарымскій, Таргоботайскій, горы Ала-Тау, хребты Тянь-Шань, Кашгаръ-Даванъ и къ сѣверу отъ р. Сыръ-Дарьи — хребты Каратау и Александровскій.

Вся Киргизская территорія въ административномъ отношеніи входитъ въ составъ слѣдующихъ областей: Уральской, Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской.

Тургайская и Уральская области въ частности занимаютъ площади — первая въ 400,830 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 386,300 душъ; вторая въ 460,000 кв. верстъ, съ населеніемъ до 500,000 душъ. Тургайская область почти исключительно населена киргизами-кочевниками, осѣдлыхъ русскихъ числится только 29,502 души. Въ Уральской области кромѣ киргизъ живутъ русскіе крестьяне и казаки.

Киргизы называютъ себя: «казакъ» и это очень странно слышать русскому человѣку, привыкшему думать, что названіе казаки существуетъ только у русскихъ, тогда какъ цѣлое огромное племя съ поконъ вѣка называетъ себя этимъ именемъ и мы, русскіе, неправильно называемъ ихъ киргизы, взявъ это имя отъ одного племени, составляющаго лишь часть киргизскаго народа, живущаго близь Алтайскихъ горъ у Китайской границы и называемаго Кара-Киргизы или Буруты.

Мой путь среди киргизъ имѣлъ слѣдующее направленіе: изъ Оренбурга я выѣхалъ на Илецкую Защиту, знаменитую соляными копями, отправился на юго-востокъ въ гор. Актюбинскъ Тургайской области; проживъ, нѣсколько дней въ этомъ послѣднемъ, я направился на югъ въ г. Темиръ, Уральской области, извѣстный обширной ярмаркой для киргизъ. Изъ Темира я поѣхалъ на востокъ къ Мугоджарскимъ горамъ, считающимся продолженіемъ Уральскаго хребта въ Азіатскихъ степяхъ. Начиная отъ Темира я уже простился съ дорогами и ѣхалъ прямо степью, пролагая свой путь; приблизительно верстъ 150 пришлось ѣхать до Мугоджарскихъ горъ, путешествовать въ нихъ въ разныхъ направленіяхъ, и затѣмъ продолжать путь изъ Мугоджаръ на сѣверо-востокъ все тѣмъ же полемъ безъ дорогъ по направленію къ селенію Карабутакъ, лежащему

на почтовомъ трактѣ къ Ташкенту. Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ обыкновенно никто не проѣзжаетъ, то въ направленіи пути пришлось быть въ зависимости отъ киргизъ, которые изъ своихъ соображеній удлиняли путь и вмѣсто 80—100 верстъ отъ Мугоджаръ къ Карабутаку провезли меня верстъ 150.

Изъ Карабутака я ѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ по киргизскимъ кочевкамъ на рѣкѣ Иргизѣ и соленыхъ озерахъ.

По возвращеніи въ Карабутакъ направился по тракту къ Актюбинску и останавливался въ разныхъ аулахъ въ сторонѣ отъ дороги.

Провелъ вторично нѣсколько дней въ этомъ городѣ, затѣмъ на обратномъ пути къ Илецкой Защитѣ останавливался какъ вдоль тракта, такъ и въ сторонѣ. Между прочимъ, въ окрестностяхъ Илецкой Защиты знакомился съ бытомъ киргизъ, находящихся уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, что выражается въ хорошемъ знаніи русскаго языка, появленіи въ домашнемъ обиходѣ вещей русскаго издѣлія, напр., вилокъ, тарелокъ, знаніи русскихъ пѣсенъ и мелодій, употребленіи некиргизскихъ музыкальныхъ инструментовъ: гитары, скрипки, гармоніи и т. п.

Въ Оренбургъ возвратился отъ села Григорьевки русскими хуторами и нѣмецкими колоніями.

II. Русская власть въ степи.

Когда я весною выѣзжалъ изъ Оренбурга въ киргизскія степи, я думалъ, что въ ихъ необъятномъ просторѣ затеряется вскорѣ вліяніе русской власти и я останусь внѣ ея покровительства, а знойное степное солнце испечетъ меня.

Но я ошибался.

На всемъ пространствѣ степей, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ, не переставало ощущаться присутствіе власти, крѣпкой, сильной и правильной административной организаціи; области раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на волости; высшіе представители власти въ степи — уѣздные начальники — генералъ-губернаторы въ миніатюрѣ и облечены большими полномочіями: они и уѣздные исправники и головы, и завѣдуютъ хозяйственною частью и имѣютъ право ареста до 7 дней.

Уѣздный начальникъ для киргизъ — власть, съ которой шутить нельзя и къ которой они относятся съ почтеніемъ; въ волостяхъ существуютъ должности волостного управителя и при немъ волостного писаря, въ аулахъ—аульные старшины; должности волостного управителя (бо-

лысъ, •какъ произносятъ киргизы) и аульныхъ старшинъ занимаютъ киргизы по выборамъ; волостными писарями бываютъ обыкновенно русскіе, при чемъ въ Тургайской области въ волостяхъ ближе къ центру управленія—Оренбургъ и вообще въ тѣхъ, въ которыхъ русское населеніе значительно, — волостные писаря нанимаются самыми волостными управителями; въ далекихъ же горныхъ волостяхъ въ Иргизскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ волостные писаря назначаются и получаютъ жалованіе отъ казны и имѣютъ полномочія и даже нѣкоторое политическое значеніе: въ этихъ, совершенно лишенныхъ русскаго населенія волостяхъ съ дикимъ, незнающимъ удержу населеніемъ, волостные писаря представляютъ единственную русскую власть; безъ нихъ русское вліяніе совершенно замерло бы въ такихъ далекихъ и дикихъ мѣстахъ степи. Но, конечно, въ такихъ глухихъ мѣстахъ не безъ того, что писаря злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ и эксплоатируютъ населеніе.

Съ водвореніемъ русской власти послѣдовало умиротвореніе киргизской степи, въ которой волненіе не прекращались въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія со времени принятія киргизами русскаго подданства.

Въ 1732 г. киргизы такъ называемой Малой Орды, по почину ихъ хана Абулъ-Хаира, а вслѣдъ за ними въ 1740 г. киргизы Средней Орды приняли русское подданство. Это принятіе было въ сущности дѣломъ расчета Абулъ-Хаира: такимъ путемъ онъ надѣялся упрочить ханское достоинство въ своемъ родѣ на вѣчное время; и дѣйствительно, русскіе въ теченіе цѣлаго столѣтія выбирали хановъ изъ рода Абулъ-Хаира, поступая въ этомъ случаѣ вопреки народнымъ обычаямъ. Ханы и ихъ органы—султаны были очень непопулярны среди народа за поборы и злоупотребленіе властью.

Особенно усиливалось неудовольствіе въ народѣ на правителей съ тѣхъ поръ, какъ въ 1824 году ханское достоинство среди Оренбургскихъ киргизъ было уничтожено; степь была раздѣлена на три части; управленіе каждой частью было ввѣрено особому старшему султану, иначе султану-правителю. Султанамъ дана неограниченная власть и право наказывать подвѣдомственныхъ имъ киргизовъ за грабежи на линіи, для чего каждому изъ нихъ былъ приданъ отрядъ въ 200 казаковъ. Этотъ отрядъ далъ возможность султанамъ только преслѣдовать своихъ личныхъ враговъ, нисколько не обезпечивая нашихъ границъ и не водворяя спокойствія въ степи (Л. Костенко. Средняя Азія. Спб. 1870, стр. 111).

Султаны на глазахъ народа становились все болѣе непопулярными и не имѣли никакого авторитета, возбуждая лишь смуты своимъ корыстолюбіемъ и честолюбіемъ; противоположность между султанами и на-

родомъ сказалась и въ томъ, что все населеніе дѣлилось у нихъ на два разряда: на бѣлую кость, къ которой принадлежали ханы и султаны, и черную кость—простой народъ. Лишь немногіе выдающіеся и радѣвшіе о народныхъ интересахъ султаны благодарно вспоминались народной памятью; одинъ за другимъ возникали бунты и появлялись мятежники, напр., въ 1837 г. султанъ Каипъ, къ которому вскорѣ присоединились два батыря: Исетай и Джуламанъ со своими шайками, въ 1838 г. и далѣе въ 40-хъ годахъ султанъ Касымъ и особенно сынъ его Кенесары.

Неспокойствіе въ степи продолжалось до времени введенія въ дѣйствіе «Временнаго положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» 1866 г., когда управленіе степью перешло непосредственно въ русскія руки, и ненавистное для народа правленіе султановъ было отмѣнено.

Съ 70-хъ годовъ въ степи водворилось полное спокойствіе, послѣ того, какъ киргизы увидѣли, что русскіе внесли лучшее управленіе, порядокъ, прекратили взаимныя распри ихъ изъ-за честолюбія правителей, положили конецъ поборамъ властей и обезпечили для каждаго спокойное существованіе,—словомъ, проявили тѣ качества, благодаря которымъ они въ связи со своею военною силою пользуются такимъ престижемъ во всей средней Азіи.

Поэтому-то къ каждому русскому въ степи киргизы чувствуютъ особое почтеніе какъ представителю высшаго, лучшаго порядка вещей, а если проѣзжающій заручится предписаніемъ отъ уѣзднаго начальника, то можетъ расчитывать прямо на почетный и широкій пріемъ; предписаніе или открытый листъ отъ губернатора менѣе дѣйствительны: я имѣлъ открытые листы и отъ Императорскаго Географическаго Общества изъ Петербурга и отъ Тургайскаго губернатора, но они не производили такого дѣйствія, какъ предписанія уѣздныхъ начальниковъ, близкой и осязательной для киргизъ власти.

Такимъ образомъ крѣпкая русская власть уже водворилась среди кочевниковъ.

III. Характеръ степи лѣтомъ 1896 года.

Отправляясь въ степь, я съ нѣкоторою опасливостью относился къ лѣтнему степному солнцу, наслышавшись и начитавшись о его знойности.

Но исключительное лѣто 1896 года, изобильное дождями спасало

меня отъ знойности южнаго солнца, а богатый травяной покровъ, вопреки обыкновенію все почти лѣто державшійся на поляхъ, сообщалъ степи оживленіе и избавлялъ путешественника отъ тѣхъ унылыхъ и тяжелыхъ впечатлѣній, какія выносятся изъ степи въ сухія, знойныя лѣта, когда всякая травяная растительность выгораетъ, земля чернѣетъ, и остается лишь высокій жесткій ковылъ, а раскаленное солнце немилосердно палитъ, и негдѣ скрыться отъ него и нечѣмъ умѣрить его огненное дыханіе.

Благодаря многоснѣжной зимѣ и обильнымъ дождямъ на рѣкахъ было большое половодье, и во второй еще половинѣ мая я переправлялся на паромѣ черезъ рѣку Илекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ бродомъ. Изъ Оренбурга я выѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ и сдѣлалъ ошибку, какъ послѣ увидѣлъ, что не запасся собственнымъ экипажемъ. Пока ѣхалъ я по почтовымъ трактамъ (до гор. Актюбинска, Тургайской обл. и гор. Темира Уральской обл.), на которыхъ установлены станціи съ 3-мя парами лошадей, однимъ тарантасомъ и одной телѣгой, я еще кое-какъ могъ получать экипажъ, да и то не всегда: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ моимъ пріѣздомъ проходила почта и увозила тарантасъ, такъ что или приходилось ѣхать въ телѣгѣ или дожидаться возвращенія экипажа. Но когда отъ города Темира я взялъ направленіе на востокъ къ Мугоджарскимъ горамъ и приходилось ѣхать прямо полемъ, гдѣ не предстояло встрѣтить никакихъ станцій, мнѣ посовѣтовали въ городѣ непремѣнно пріобрѣсти экипажъ. Съ трудомъ розыскалъ я и купилъ послѣдній у одного Оренбургскаго татарина, пріѣхавшаго въ гор. Темиръ на ярмарку, запасся и своею упряжью и не сожалѣлъ: въ южныхъ волостяхъ Тургайской и Уральской областей киргизы до сихъ поръ не усвоили никакого способа передвиженія, какъ только верхомъ, и ни экипажей, ни упряжи, ни объѣзжанныхъ лошадей тамъ и въ поминѣ нѣтъ.

Въ первое время, когда я ѣхалъ отъ Оренбурга въ открытыхъ почтовыхъ экипажахъ, я чувствовалъ удручающее вліяніе степного солнца: лицо сильно краснѣло, кожа трескалась, чувствовалось общее ослабленіе организма и тяжесть въ головѣ; безъ покрытія головы и лица чѣмъ нибудь бѣлымъ нельзя было и думать ѣхать: солнце начинало къ полудню прямо жечь.

Но когда я продолжалъ путешествіе въ собственномъ крытомъ экипажѣ, тогда условія путешествія перемѣнились: бѣлый парусинный верхъ своебразнаго татарскаго экипажа и въ самый полдень обезпечивалъ тѣнь и укрывалъ отъ солнца, не лишая благъ вѣтерка; впро-

чемъ и самое солнце истекшаго лѣта 1896 года не было такъ жгуче, какъ обыкновенно, и перепадавшіе дожди смѣняли полдневную духоту живительной прохладой, при чемъ какъ-то случалось такъ, что дожди чаще всего бывали по сторонамъ нашего пути, и намъ представлялись случаи любоваться живописными картинами степного неба во время дождя: большія дождевыя облака то направо, то налѣво, то впереди ходятъ по простору степного неба, во всей своей цѣлости раскрытаго для взора, и оживаютъ и точно разукрашиваются при блистаніи молній и раскатахъ грома. А дождь полосами такъ и льетъ по сторонамъ.

IV. Станціи — кибитки.

Что прежде всего бросается въ глаза ѣдущему изъ Оренбурга, когда онъ оставляетъ предѣлы Оренбургской губерніи около Илецкой Защиты и вступаетъ въ настоящія земли киргизъ, — это своеобразныя станціи на трактахъ — тѣ же киргизскія кибитки, отличающіяся лишь тѣмъ, что внутри ихъ ставятся стулъ и столъ для проѣзжающихъ. Кромѣ станціонной кибитки и развѣ еще навѣса для лошадей и экипажей на такихъ станціяхъ ничего нѣтъ, и онѣ одиноко стоятъ въ степи. Тракты и станціи учреждены стараніями, конечно, русской администраціи. Дороги въ степи прекрасныя, ровныя, конечно, не оттого, что ихъ устраиваютъ, а оттого, что поверхность ровная и грунтъ твердый.

Проѣздъ въ киргизскихъ областяхъ дешевый — $1^1/_2$ коп. съ версты и лошади, что особенно замѣтно по сравненію съ сосѣдней Оренбургской губерніи, гдѣ берутъ по 4 коп. съ версты. Это на томъ основаніи, что въ киргизскихъ степяхъ прокормъ лошадей дешевый, тогда какъ въ сосѣднихъ русскихъ губерніяхъ кормъ, напр., овесъ дорогой; но говорятъ, что это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и въ Оренбургской губерніи могли бы возить дешевле.

Илецкая Защита (въ 60 в. отъ Оренбурга) — послѣдняя русская станція; слѣдующая станція по тракту въ гор. Актюбинскъ въ 21 верстѣ — Кызылъ-Жаръ (Красный Яръ) уже киргизская и представляетъ одну, двѣ кибитки въ степи. Такимъ образомъ станціи первыя знакомятъ путешественника съ обычнымъ жилищемъ киргиза — кибиткой, которую они называютъ ӳй (домъ) и которая не разъ была описана другими путешественниками. Скажу только, что кибитка, тоже, что у башкиръ кошъ, представляетъ легкую куполообразную (уык-куполъ) по-

стройку изъ деревянныхъ рѣшетокъ (керегé), покрытыхъ войлокомъ или кошмами (туырлы́къ), съ одною дверью (е́сык) изъ войлока и наверху съ отверстіемъ (шанграк-кругъ на верху); противъ двери находятся сундуки (сандык) съ имуществомъ, а около нихъ почетныя мѣста для гостей на разосланныхъ коврахъ (клем); по сторонамъ отъ входа — всякаго рода утварь, между прочимъ, принадлежности для приготовленія кумыса, а также кровати; послѣднія распространены почти повсемѣстно въ степи. Между тѣмъ А. Левшинъ, напечатавшій въ 1832 г. «Описаніе киргизъ — казачьихъ ордъ и степей» въ трехъ частяхъ, описывая кибитку, о кроватяхъ не упоминаетъ, а говоритъ только: «На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, сто́ятъ большія чаши, котлы, деревянныя изголовья, на которыя кладутъ подушки, и особаго рода ящики (съ разными украшеніями), въ коихъ держатъ мѣшки, наполненные кумысомъ». (Часть 3-я, стр. 21).

Такимъ образомъ до 30-хъ годовъ кроватей у киргизъ не было, а существовали только изголовья, слѣдовательно, распространеніе кроватей у киргизъ надо отнести ко времени послѣ 30-хъ годовъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ русскихъ. Также къ нововведеніямъ послѣдняго времени относится появленіе даже швейныхъ машинъ въ киргизскихъ кибиткахъ, но правда, только въ волостяхъ, недалекихъ отъ Оренбурга и другихъ русскихъ городовъ.

Киргизская кибитка — это подобіе той же степи и небеснаго купола, высящагося надъ ней; такое сравненіе само собою напрашивается и особенно рѣзко бросилось оно мнѣ въ глаза, когда я при первыхъ знакомствахъ съ киргизской жизнью вышелъ однажды ночью изъ кибитки наружу и взглянулъ на блиставшее звѣздами небо и ровную какъ полъ кибитки темную степь, надъ которой возвышался такой величавый куполъ, какъ небесный сводъ; кибитка — подобіе вселенной, какъ она раскрывается въ степи, и можетъ быть кочевники создали ее, подражая міозданію, которое постоянно было передъ ихъ глазами.

Подобіе увеличивается, когда въ старой кибиткѣ дырявая крыша ея блещетъ звѣздами, и когда дождь идетъ и внутри самой кибитки, какъ это пришлось мнѣ испытать на одной станціи ночью.

V. Киргизскія орды и роды.

Мое путешествіе имѣло мѣсто въ земляхъ такъ наз. бывшихъ Малой и Средней киргизскихъ ордъ. Дѣло въ томъ, что киргизы раздѣлялись до водворенія русскихъ порядковъ на три орды: Большую,

Среднюю и Малую; первая занимала восточное положеніе и граничала съ Китаемъ, Коканомъ, Ташкентомъ и Бухарою; Средняя орда размѣщала свои кочевья отъ Аральскаго моря на сѣверъ къ рѣкамъ Ишиму и Тоболу; Малая орда занимала земли между Мугоджарскими горами, Каспійскимъ моремъ, рѣкою Ураломъ и Оренбургомъ. Будучи ближе, чѣмъ другія орды, къ русскимъ, она больше всего имѣла сношенія съ послѣдними и подвергалась ихъ вліянію, особенно въ новѣйшее время.

Орды киргизскія раздѣлялись на роды, и родовое начало у киргизъ очень сильно до настоящаго времени: хотя русское правительство старается ослабить его, но и теперь еще случаются большія волненія, ссоры между родами; даже изъ-за частныхъ ссоръ цѣлые роды считаютъ своею обязанностью вступиться за своего обиженнаго или замѣшаннаго въ ссорѣ сочлена и устраиваютъ иногда цѣлыя сраженія, при чемъ бываетъ много убитыхъ.

Киргизъ — вольный сынъ степей и до сихъ поръ не знаетъ еще удержу своимъ порывамъ особенно въ волостяхъ, далекихъ отъ русской власти. Киргизъ во всемъ обязанъ степи, ею живетъ и движется, поэтому не знаетъ и не хочетъ знать другой зависимости.

VI. Скотоводство.

Главный источникъ существованія для него — скотоводство, которое существуетъ впрочемъ почти безъ всякихъ заботъ со стороны киргиза; скотъ самъ множится, самъ питаетъ себя не только лѣтомъ, но и зимою, самъ оберегаетъ себя, на сколько можетъ, отъ лютости вьюгъ, все даетъ киргизу и ничего не требуетъ отъ него.

Въ стадахъ все богатство киргиза, поэтому весь строй его жизни приноровленъ къ условіямъ существованія скота; между прочимъ послѣдній долженъ пастись, переходить съ мѣста на мѣсто, отъ этого-то киргизъ создалъ себѣ такое легкое удобопереносимое жилище, какъ кибитка.

Для поддержанія благосостоянія необходимо, чтобы киргизъ могъ пользоваться приплодомъ, какъ процентами съ основного капитала, если же онъ начнетъ расходовать самыя стада, основной капиталъ, онъ быстро будетъ бѣднѣть, скотъ скоро исчезнетъ, и киргизу останется итти въ вѣчную кабалу къ какому нибудь богачу.

Такъ какъ киргизъ не заботится о скотѣ, то у послѣдняго является много враговъ, которые могли бы быть менѣе страшны, если бы че-

ловѣкъ прилагалъ какое нибудь стараніе объ источникѣ своего существованія.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ скотоводства среди киргизъ являются суровыя зимы и мятели или бураны.

Такъ какъ климатъ въ киргизскихъ степяхъ континентальный, то при нестерпимомъ зноѣ лѣтомъ, особенно въ горныхъ частяхъ, зимы бываютъ нерѣдко суровы, многоснѣжны и буранны.

Всѣ пастбища покрываются твердымъ глубокимъ снѣгомъ, который плотно придавливаетъ къ землѣ обледенѣлыя травы и такимъ образомъ лишаетъ скотъ возможности «тебеневать». Въ поясненіе этого слова надо сказать, что скотъ самъ добываетъ себѣ пищу зимою, выбивая копытомъ изъ-подъ снѣга траву. Пастба скота на снѣжныхъ поляхъ и называется тебеневкой.

Напрасно лошади, разгребая снѣгъ, стучатъ копытами, — ледяной покровъ не поддается,... говоритъ г. Полферовъ въ книгѣ «Земледѣліе въ Тургайской области». Потери скота въ это время достигаютъ иногда ужасающихъ размѣровъ. Такъ по отчету Тургайскаго военнаго Губернатора, въ зиму 1870—1880 гг. въ тургайскихъ степяхъ отъ гололедицы, булановъ и глубокихъ снѣговъ погибло 1.528,679 головъ разнаго скота изъ общаго количества 3,652,737, т. е. почти 50%.

Лишь въ послѣднее время стараніями Тургайскаго областного правленія въ области стали производиться обязательныя заготовки сѣна, и положеніе скотоводства теперь болѣе обезпечено; вмѣстѣ съ тѣмъ для скота начали дѣлать изгороди и прикрытія отъ булановъ. Надо сказать, что до настоящаго столѣтія киргизы даже для себя не устраивали зимовокъ и землянокъ, въ которыхъ они живутъ теперь зимою, а круглый годъ кочевали все въ тѣхъ же легкихъ и доступныхъ для булановъ кибиткахъ, и зимою лишь прикрывали ихъ двойнымъ рядомъ войлока и засыпали снѣгомъ; но случалось, что порывы бурана сносили кибитку съ мѣста, и все населеніе ея съ малыми ребятами оставалось въ открытой степи на произволъ жестокаго вѣтра.

Кибитка вообще не выноситъ сильнаго вѣтра, и мнѣ лѣтомъ приходилось видѣть тревогу киргизъ, когда надвигались огромныя грозовыя тучи и налетали предвѣстники бури: киргизы въ торопяхъ бѣгали вокругъ кибитокъ и прикрѣпляли ихъ веревками къ запаснымъ коламъ вокругъ.

Стада для киргизъ такимъ образомъ въ смыслѣ заботъ обходятся почти ни во что, и въ степи говорятъ, что одинаково стоитъ содержать одну лошадь или цѣлый табунъ, т. е. ничего не стоитъ, пока

раздольная степь одинаково въ состоянiи обезпечить и одну лошадь и цѣлые табуны.

Киргизы содержатъ и разводятъ слѣдующихъ животныхъ: лошадей, крупный рогатый скотъ, верблюдовъ, овецъ и козъ. Лошадь и верблюдъ оказываютъ наиболѣе услугъ киргизу, они доставляютъ ему главныя перевозочныя средства; лошади неважной породы, но выносливы. Порода не улучшается оттого, что киргизы слишкомъ рано, на 3-мъ году, начинаютъ ими пользоваться, ѣздить верхомъ, возить тяжести.

Лошадь по уму ставится обыкновенно выше, чѣмъ верблюдъ, послѣднее животное считается глупымъ увальнемъ. Но если лошадь умнѣе, то верблюдъ безспорно способнѣе: въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь выбьется изъ силъ, отказывается служить, верблюдъ преспокойно продолжаетъ работу или везетъ на себѣ и въ телѣгѣ огромныя тяжести какъ ни въ чемъ не бывало, и такъ послушно, спокойно идетъ себѣ по степи часто безводной, гордо и высоко неся свою голову и посматривая по сторонамъ взоромъ, исполненнымъ нѣкоторой трагичности. Собственно особенной глупости верблюдъ не обнаруживаетъ, и только то, что онъ вообще порядочный увалень, хотя въ экстренныхъ случаяхъ можетъ бѣжать и очень быстро, и что онъ такъ всецѣло предалъ себя къ услугамъ человѣка и такъ послушно исполняетъ всѣ его требованiя, что онъ менѣе опрятенъ и благообразенъ, чѣмъ лошадь, — эти обстоятельства, вѣроятно и составили ему репутацiю болѣе глупаго животнаго сравнительно съ лошадью. Между тѣмъ верблюдъ въ степи незамѣнимый спутникъ человѣка.

О скотоводствѣ въ Тургайской области составлена цѣлая обстоятельная книга г. А. И. Добромысловымъ и издана въ Оренбургѣ Тургайскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1895 г.

Такъ киргизъ главныя средства существованiя получаетъ отъ скота, но нисколько не трудясь для этого, а все получая даромъ, живетъ жизнью праздной.

VII. Земледѣлiе.

Другой источникъ существованiя у киргизъ — это земледѣлiе, но имъ занимается лишь нѣкоторая часть киргизскаго племени преимущественно въ сѣверныхъ волостяхъ Тургайской и другихъ областей, тамъ, гдѣ оказывается плодородная земля.

Въ Прiаральскихъ и Прикаспiйскихъ пескахъ едва ли когда будутъ

заниматься киргизы земледѣліемъ, и кочевой образъ жизни надолго останется для нихъ единственно подходящимъ образомъ жизни. Но вообще говоря, киргизы, какъ это ни будетъ неожиданно, можетъ быть, для многихъ, не смотря на то, что кочевники, уже давно занимаются земледѣліемъ и обнаруживаютъ къ этому занятію большія склонности.

Возникновеніе земледѣлія среди киргизъ Тургайской области имѣетъ двоякій источникъ: земледѣліе появилось, во-первыхъ, подъ вліяніемъ, русскихъ, во-вторыхъ, по собственному почину киргизъ тамъ, гдѣ о русскомъ вліяніи не могло быть и рѣчи.

Подъ русскими вліяніями, со времени водворенія въ тургайскихъ степяхъ русскихъ поселенцевъ, земледѣльческая дѣятельность между кочевниками стала замѣтно развиваться въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ области—Актюбинскомъ и Кустанайскомъ, гдѣ мѣстныя условія ей благопріятствовали.

Тургайская область 50-ю параллелью дѣлится на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на сѣверную съ двумя уѣздами—Актюбинскимъ и Кустанайскимъ, и южную — съ уѣздами Тургайскимъ и Иргизскимъ.

Сѣверная часть области, благодаря отрогамъ Урала, носящимъ здѣсь названіе Муголжарскихъ и Губерлинскихъ горъ, представляется возвышенной, съ большимъ числомъ рѣчекъ и озеръ, берега которыхъ покрыты тальникомъ или камышемъ. Общій видъ ея не такъ однообразенъ, какъ въ другихъ мѣстахъ средне-азіатскихъ степей: почва состоитъ преимущественно изъ глины и песку, покрытыхъ пластомъ чернозема, который ближе къ Оренбургской губ., составляющей сѣверо-западную границу области, дѣлается толще, и по мѣрѣ приближенія къ югу совсѣмъ исчезаетъ.

Съ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. со времени появленія русскихъ поселенцевъ, и начинается собственно развитіе въ степи земледѣльческой промышленности. Русскіе скоро разсѣялись по ауламъ и, выбирая болѣе удобныя для земледѣлія мѣста, стали производить усиленныя распашки земель, вызывая подражаніе со стороны киргизъ. И киргизы съ такимъ усердіемъ занялись новой промышленностью, что являются теперь даже болѣе значительными землепашцами по количеству засѣваемой земли, чѣмъ русскіе.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Тургайскаго губернатора за 1894 г. можно видѣть, что въ этомъ году собрано хлѣба на пашняхъ русскихъ 2.258,241 пудъ, а на киргизскихъ пашняхъ 6.051,363 пуда, т. е. почти въ три раза болѣе, хотя это не говоритъ еще объ обезпеченіи хлѣбомъ всего киргизскаго населенія, такъ какъ на одну русскую семью прихо-

дится пудовъ собраннаго хлѣба 383, а на кибитку киргизскую 86,1 пуда, тѣмъ не менѣе въ Кустанайскомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ самые крупные земледѣльцы-киргизы, и лучшею пшеницею считается киргизская. Въ интересахъ истины надо сказать, что киргизы не самостоятельно обрабатываютъ пашни, а съ помощью все тѣхъ же русскихъ поселенцевъ, которые изъ-за нужды идутъ къ нимъ часто въ работники или обрабатываютъ землю изъ-полу, при чемъ зерно обыкновенно киргизское, а трудъ— русскій. Надобно къ этому добавить, что сильно эксплоатируютъ киргизы-богачи нужду и бѣдность русскихъ поселенцевъ.

Въ южной части области земледѣліе, напротивъ, возникло самостоятельно, по почину киргизъ.

По этому поводу разсказываютъ трогательную исторію, какъ одинъ киргизъ по имени Сеитъ-Кулъ претерпѣлъ большія страданія изъ-за идеи водворить земледѣліе среди соплеменниковъ (см. статью Сейдалина 2-го въ «Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императ. Географ. Общ.», 1870 г.).

Киргизъ Сеитъ-Кулъ изъ Кипчагскаго рода, жившій отъ 1770 г. по 1830 г. былъ настоящимъ піонеромъ хлѣбопашества между киргизами въ бассейнѣ рѣки Тургая. По преданію онъ отличался умомъ и предпріимчивостью и съ дѣтства поражалъ своею изобрѣтательностью. Онъ не мирился съ зависимостью своего племени отъ чужеземнаго народа и задался мыслью сдѣлать свой народъ независимымъ. Когда онъ искалъ въ глубинѣ Азіи свободныхъ мѣстъ для своего народа, онъ былъ пораженъ благосостояніемъ осѣдлыхъ жителей посѣщенныхъ имъ странъ благодаря занятію главнымъ образомъ земледѣліемъ, которое онъ и рѣшилъ ввести среди своихъ соплеменниковъ. Первые опыты увѣнчались успѣхомъ. Сеитъ-Кулъ основалъ нѣчто въ родѣ земледѣльческой колоніи и бодро отстаивалъ ее отъ нападенія кочевниковъ, занимавшихся взаимнымъ грабежемъ. Число его послѣдователей увеличивалось, а чтобы положить прочное основаніе осѣдлости, въ которой Сеитъ-Кулъ видѣлъ залогъ благополучія для киргизъ, онъ задумалъ устроить поселеніе въ видѣ торговаго рынка для сбыта продуктовъ земледѣлія. Но преждевременная смерть помѣшала ему исполнить этотъ планъ. Сеитъ-Кулъ былъ убитъ мятежниками во время намаза, молитвы. Онъ могъ избѣжать опасности, но не хотѣлъ нарушить молитву, считая такой поступокъ малодушнымъ. Вотъ какой замѣчательный человѣкъ, носитель культуры появлялся среди киргизъ.

Его послѣдователи мысль о поселеніи оставили, но земледѣліемъ продолжали заниматься, и оно не прекращается въ бассейнѣ р. Тургая и до настоящаго времени, хотя, по первобытности своей и ограниченности мѣстностей удобныхъ для хлѣбопашества, нуждается во многихъ улуч-

шеніяхъ. Но безспорно, оно возникло и существуетъ внѣ всякихъ русскихъ вліяній.

О земледѣліи у киргизъ упоминаетъ и Левшинъ въ соч. «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 1832. (Ч. 3-я, стр. 199), не отмѣчая при этомъ никакихъ русскихъ вліяній. Хотя онъ говоритъ, что хлѣбопашествомъ занимается весьма малая часть сего народа, но вмѣстѣ прибавляетъ, что въ Большой ордѣ земледѣльцевъ много, особенно въ той ея части, которая кочуетъ около Ташкента и Туркестана.

VIII. Къ вопросу о русскихъ вліяніяхъ въ земледѣліи киргизъ.

Тотъ же авторъ приводитъ другое свидѣтельство, что въ XVIII стол. у киргизъ было земледѣліе,—свидѣтельство, устанавливающее уже русское вліяніе. Онъ сообщаетъ, что около 1764 г. «Султанъ (впослѣдствіи ханъ) Средней киргизской орды Аблай просилъ правительство русское о присылкѣ къ нему 10 человѣкъ хлѣбопашцевъ, которые бы могли выучить земледѣлію его киргизовъ. Екатерина повелѣла сію просьбу исполнить, взявъ однакожъ отъ Аблая надежныхъ аманатовъ, которые бы могли обезпечивать свободу посланныхъ къ нему Россіянъ» (Тамъ же часть 2-я, стр. 243).

Такимъ образомъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ киргизскихъ степей земледѣліе развивалось подъ вліяніемъ средне-азіатскихъ народовъ: сартовъ, таджиковъ, хивинцевъ и др. и съ точки зрѣнія русскихъ имѣло самостоятельное происхожденіе, въ сѣверныхъ уѣздахъ получило толчекъ и жизненную силу подъ русскими вліяніями.

Для тѣхъ, кто склонны отрицать положительное значеніе русскихъ вліяній въ этихъ мѣстностяхъ и признавать за киргизскимъ земледѣліемъ лишь ественно-историческое, органическое развитіе, можно привести рядъ фактовъ, которые значительно ослабляютъ правдоподобность этой точки зрѣнія.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области еще недавно, 25 или 30 лѣтъ тому назадъ, киргизы не знали никакихъ сельско-хозяйственныхъ работъ; но въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія появились первые русскіе поселенцы въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области, и съ этимъ временемъ совпадаетъ начало земледѣлія у киргизъ; если указываютъ на то, что киргизское земледѣліе развивается преимущественно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ нѣтъ русскихъ поселенцевъ, то это не отрицаетъ вліянія русскихъ переселенцевъ, потому что все это совершается

въ одной и той же мѣстности; нѣкоторые утверждаютъ, что русскіе переселенцы не могли оказывать положительнаго вліянія на земледѣліе киргизъ, потому что вносили только хищническіе пріемы обработки земли, безпорядочно засѣвали участки земли тамъ и сямъ, не заботились объ удобреніи ихъ, истощали въ конецъ и затѣмъ бросали и такимъ образомъ дѣлали безплодными большія площади земли; эти же пріемы обработки усваивались будто бы и киргизами; но и это обстоятельство не имѣетъ убѣдительной силы по занимающему насъ вопросу: ведя хищническое хозяйство, переселенцы во всякомъ случаѣ приносили съ собой знаніе лучшихъ пріемовъ и способовъ обработки земли, которые отсутствовали у киргизъ; затѣмъ хищничество въ земледѣльческомъ хозяйствѣ нельзя ставить всецѣло въ вину переселенцамъ,— оно въ значительной степени обусловливается характеромъ края, столь изобилующаго хорошими свободными землями, такъ что каждый могъ пахать, гдѣ и сколько хотѣлъ: какая надобность переселенцамъ удобрять землю, когда она и безъ того хорошо родитъ и когда всякій участокъ земли можно замѣнять другимъ, свѣжимъ? Хищническими инстинктами въ хозяйствѣ увлекаются здѣсь не только русскіе крестьяне, но и праславленные культуртрегеры-нѣмцы: мнѣ извѣстны около нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Оренбургской губ. заимки нѣмцевъ-докторовъ, которые, засѣвая 200 и болѣе десятинъ, и не думали заниматься удобреніемъ земли, а лѣтъ через 4 — 5 мѣняли заимки на новыя; также нѣмцы-колонисты вблизи Оренбурга и Тургайской области, переселившіеся туда изъ Херсонской губ. и купившіе большое число десятинъ земли въ собственность, говорили мнѣ (лѣтомъ 1896 г), что не удобряютъ земли, хотя она ихъ собственная: зачѣмъ-де удобрять землю, когда она и такъ родитъ, да и нѣтъ возможности удобрять ее при большомъ числѣ засѣваемыхъ десятинъ.

Такимъ образомъ обвиненіе русскихъ поселенцевъ въ хищничествѣ при воздѣлываніи степей Тургайской области въ значительной степени ослабляется, и самое хищничество несомнѣнно исчезнетъ, когда будетъ осуществлено въ этомъ краѣ надлежащееe поземельное устройство, тѣмъ болѣе, что хищническіе инстинкты не коренятся въ самой природѣ русскихъ переселенцевъ, а вызываются условіями страны.

Подъемъ киргизскаго земледѣлія объясняютъ вліяніемъ голодныхъ годовъ — такъ наз. куянжиловъ, повторяющихся каждые 11 — 12 лѣтъ; по общимъ наблюденіямъ (между прочимъ, по свидѣтельству Тургайскаго военнаго губернатора въ «Обзорѣ за 1882 г.) земледѣліе стало развиваться быстрыми шагами со времени гибельныхъ для

киргизскаго скотоводства 1879 и 1880 г.; на этомъ основаніи нѣкоторые прямо признаютъ, что только куянжилъ 1879—1880 г. вліялъ на развитіе земледѣлія у киргизъ независимо отъ русскихъ вліяній, но забываютъ при этомъ, что куянжилы были постоянно и прежде, но до появленія въ краѣ русскихъ земледѣльцевъ не содѣйствовали возникновенію и усиленію киргизскаго земледѣлія; прежде эти куянжилы не убѣждали киргизъ въ шаткости благосостоянія, основаннаго на скотоводствѣ, но именно примѣръ русскихъ поселенцевъ могъ показать обѣднѣвшимъ послѣ голоднаго года киргизамъ, что и при ничтожномъ количествѣ скота, съ двумя-тремя лошадьми или быками можно еще существовать, если обратиться къ земледѣлію; напротивъ, оставаясь съ такимъ числомъ скота при скотоводческомъ образѣ жизни, приходилось переходить въ разрядъ бѣдняковъ — байгушей или джатаковъ. Куянжилъ 1879—80 гг., мнѣ кажется, могъ явиться побужденіемъ къ занятію земледѣліемъ только въ связи съ примѣромъ земледѣльческаго образа жизни русскихъ поселенцевъ.

Русское вліяніе связывается также въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ удостовѣряетъ Военный Губернаторъ Тургайской области (Обзоръ за 1885 г), киргизы Илецкаго (Актюбинскаго) уѣзда избытокъ хлѣба, особенно проса, доставляютъ на продажу въ Оренбургъ и прилинейныя селенія». Земледѣліе у киргизъ этого сосѣдняго съ Оренбургомъ уѣзда, далеко превышая личную потребность киргизъ въ хлѣбѣ, развилось благодаря близости такого крупнаго мѣста сбыта, какъ Оренбургъ. Вообще замѣчено, что земледѣліе стоитъ на бо́льшей высотѣ у киргизъ тѣхъ волостей, которыя сосѣдятъ съ русскими волостями, напр., по западной границѣ Кустанайскаго уѣзда, прилегающей къ Казачьимъ землямъ Оренбургской губ.

Вліянія русскихъ поселенцевъ нельзя не признать и въ томъ, что киргизы почти повсемѣстно пашутъ уже не старыми киргизскими плугами (тисъ), а тѣми же сабанами, какими пашетъ окрестное русское населеніе, хотя при этомъ нельзя забывать, что много содѣйствовала распространенію среди киргизъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій сама областная администрація, которая въ 1890 г. пріобрѣла на остатки отъ земскаго сбора сѣнокосилку для ознакомленія киргизъ съ этого рода машинами; этотъ опытъ имѣлъ блестящій успѣхъ: уже въ началѣ 1893 г. у киргизъ Буртинской волости (близъ Оренбурга) было до 30 собственныхъ сѣнокосилокъ; кромѣ того 28 сѣнокосилокъ приходилось на другія волости Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ; въ томъ же году Областное Правленіе пріобрѣло для

раздачи киргизамъ еще 43 сѣнокосилки на средства Особаго Комитета.

Киргизы привыкаютъ постепенно приготовлять землю къ посѣву съ осени; начали сѣять высокіе сорта хлѣба, напр., полтавскую пшеницу, тогда какъ раньше они сѣяли только просо; качество и наливъ киргизской пшеницы улучшился замѣтно со времени переселенія въ область русскихъ, которые принесли съ собою лучшіе сорта хлѣбовъ—полтавскую пшеницу, кубанку; богатые киргизы охотно покупаютъ разнаго рода сельско-хозяйственныя машины: плуги, молотилки и т. п.

Этихъ и подобныхъ данныхъ, которые можно найти въ «Обзорахъ» Тургайской области (прилож. ко Всеподданн. отчетамъ Тург. военн. Губернатора за разные годы), — достаточно, мнѣ кажется, для того, чтобы признать, что возникновеніе и развитіе киргизскаго земледѣлія въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области происходило подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ русскихъ и въ томъ числѣ переселенцевъ, а теорію естественно-историческаго, органическаго развитія земледѣлія у киргизъ можно повидимому, безъ ущерба замѣнить теоріей вліяній—среднеазіатскихъ въ южныхъ частяхъ киргизской степи и — русскихъ въ сѣверныхъ.

IX. Перерожденіе кочеваго быта подъ вліяніемъ земледѣлія.

Развитіе земледѣлія у киргизъ явно влечетъ за собою значительныя измѣненія въ формахъ ихъ быта: по мѣрѣ усиленія земледѣльческихъ занятій сокращаются кочевые навыки и обыкновенія.

Увеличеніе площади посѣвовъ неизбѣжно стѣсняетъ свободу скотоводства и установляетъ извѣстныя границы для пастбищъ. Скотъ, бывшій прежде безъ призора, поручается теперь пастухамъ.

Наличность пашни или сѣнокосныхъ угодій, находящихся большею частію около зимовочныхъ стойбищъ (кстау), волей-неволей привязываетъ киргиза къ данному мѣсту и не позволяетъ ему совершать дальнія перекочевки: въ іюлѣ — августѣ ему надо снимать посѣвъ, а если онъ откочуетъ на дальнее разстояніе, то онъ не успѣетъ вернуться къ жнитву.

Постепенно увеличивающаяся прикрѣпленность къ опредѣленному мѣсту выдвигаетъ вопросъ о землепользованіи и установленіи границъ владѣнія землею,—явленіе, относящееся уже къ области земледѣльческаго быта, которое сопровождается нерѣдко тяжбами, драками и ссо-

рами между владѣльцами и посторонними киргизами; раньше была въ обычаѣ даровая пастба скота на чужихъ земляхъ, а въ настоящее время происходятъ изъ-за этого постоянныя недоразумѣнія, особенно въ неурожайные годы, и ведутъ къ вмѣшательству администраціи (Добромысловъ. Скотоводство въ Тургайской области Оренб. 1895 г. стр. 20).

Съ развитіемъ земледѣлія кочевки теряютъ свой первоначальный характеръ, и киргизы-земледѣльцы уже не кочуютъ далѣе 40—50 верстъ отъ своихъ кстау (зимовокъ). Въ Иргизскомъ, напр., уѣздѣ сами киргизы открещиваются отъ названія кочевниковъ и не разъ говорили мнѣ, что кочевники — это тѣ, которые прикочевываютъ въ ихъ мѣста верстъ изъ-за 500 — 600 изъ Сыръ-Дарьинской области, Хивы и пр., а они-де сами—осѣдлые, дальше 10—15 верстъ не уходятъ отъ своихъ зимовокъ.

Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло вліяніе на сокращеніе численности скота у киргизъ: прежнихъ обширныхъ пастбищъ уже не могло быть при наличности пашенъ и невозможности откочевывать далеко отъ зимовокъ, поневолѣ приходится сокращать скотъ и вмѣстѣ въ большей степени заботиться о его пропитаніи, чѣмъ раньше, когда онъ самъ кормился на просторѣ зимнихъ полей, выкапывалъ изъ-подъ снѣгу траву, «тебеневалъ»; эти заботы о пропитаніи повели къ развитію сѣнокошенія, которое появилось у киргизъ въ значительныхъ размѣрахъ недавно, — около 15 — 20 лѣтъ тому назадъ, и очень привилось у нихъ, какъ я выше упоминалъ объ этомъ. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться сѣнокошеніе, тѣмъ больше будетъ возможности киргизу держать скотъ зимою около своихъ жилищъ и тѣмъ сильнѣе станетъ сокращаться значеніе тебеневокъ.

Такимъ образомъ киргизы постепенно осѣдаютъ и прикрѣпляются къ землѣ, и этотъ процессъ совершается тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе занимаются земледѣліемъ киргизы.

Въ настоящее время киргизы являются и земледѣльцами, и скотоводами, но съ теченіемъ времени земледѣльческій элементъ въ ихъ бытѣ несомнѣнно получитъ перевѣсъ.

Киргизы обнаруживаютъ явную способность къ земледѣлію, и во всякомъ случаѣ гораздо большую склонность, чѣмъ, напр., башкиры, которые жили дольше и въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, но до сихъ поръ почти не занимаются земледѣліемъ.

При наличности этой склонности они могутъ менѣе болѣзненно перейти въ послѣдствіи отъ кочеваго быта къ осѣдлому и цѣликомъ усвоить себѣ земледѣльческую культуру. Что киргизы могутъ быть хорошими земле-

дѣльцами, это показываетъ опытъ нашихъ миссій, при которыхъ крещеные киргизы съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ.

Извѣстный путешественникъ г. Носиловъ, лѣтомъ 1895 г. бывшій въ киргизской степи (въ Акмолинской области) и написавшій въ «Новомъ Времени» № 7163 статью «Киргизская сельско-хозяйственная школа изъ поѣздки на Алтай», высказываетъ мысль, что уже наступила пора, когда киргизу приходится оставлять кочевой образъ жизни и приспособляться къ осѣдлому подъ вліяніемъ главнымъ образомъ переселенческаго движенія русскихъ на востокъ; онъ говоритъ: «Киргизъ все больше и больше съ приходомъ сюда русскихъ выбивается изъ скотоводства въ бѣдняки, все больше и больше нуждается въ осѣдлости, чтобы пропитать себя коровой, полемъ, огородомъ. Онъ массой идетъ въ работники; онъ цѣлыми зимовками живетъ около каждаго казачьяго поселка, дожидаясь работы; у него нѣтъ ни земли, ни стада, никакихъ средствъ къ жизни; онъ составляетъ жалкій опасный пролетаріатъ, рядомъ съ богатствомъ русскаго поселенца».

Г. Носиловъ слишкомъ обобщаетъ это явленіе, и для Тургайской области по крайней мѣрѣ не наступило еще изображаемой имъ поры: русскіе поселенцы заняли только сѣверныя сравнительно небольшія площади области; не киргизы находятся у нихъ въ кабалѣ, а они скорѣе, они именно живутъ около аула и ждутъ отъ киргиза работы; затѣмъ въ южныя волости Тургайской и Прикаспійскіе пески Уральской области, русскій поселенецъ, вѣроятно, вовсе не пойдетъ, между тѣмъ киргизы огромными массами могутъ по прежнему спокойно кочевать въ необъятыхъ пескахъ, уже давно приспособившись жить въ нихъ.

Но вообще говоря, Тургайская и Уральская области способны къ земледѣльческой культурѣ въ большей степени, по нѣкоторымъ признакамъ, чѣмъ это думаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей.

X. Торговля.

Торговля среди киргизъ пока не имѣетъ значительныхъ размѣровъ и сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ татаръ, которые въ безчисленномъ количествѣ распространяются въ степи въ качествѣ мелкихъ кочующихъ торговцевъ. Разъѣзжая въ своеобразныхъ экипажахъ — они занимаются попутно и магометанской пропагандой. Татары извѣстны у киргизъ подъ именемъ Ногай и не пользуются особеннымъ расположеніемъ за частые обманы и надувательства покупщиковъ.

Торговля въ степи бываетъ трехъ родовъ: постоянная въ городахъ и осѣдлыхъ пунктахъ; временная, по преимуществу мѣновая, въ киргизскихъ аулахъ и періодическая или ярмарочная.

Мѣновая торговля въ мѣстахъ расположенія ауловъ производится отчасти бухарскими евреями и главнымъ образомъ мелкими торговцами изъ татаръ Оренбургскихъ, Уфимскихъ и Казанскихъ.

По словамъ г. военнаго губернатора Тургайской области во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1894 г., торгующіе со степью торговцы привозятъ въ степь различные русскіе и азіатскіе товары низкаго качества, какъ-то: халаты, азіатскія матеріи, сушеные фрукты и ягоды, дрянной чай, сахаръ, ситецъ, различныя желѣзныя и чугунныя издѣлія и другіе предметы киргизской потребности.

Основанія подобной торговли заключается въ промѣнѣ русскихъ и азіатскихъ товаровъ по дорогой цѣнѣ на обезцѣненный киргизскій товаръ — скотъ, продукты скотоводства и киргизскія издѣлія съ кредитомъ на различные сроки.

Имѣя въ виду съ одной стороны простоту и довѣрчивость киргизовъ, а съ другой — алчность пристрастныхъ въ дѣлѣ наживы торговцевъ, становится понятнымъ: сколь выгодна подобная торговля для послѣднихъ и сколь убыточна и даже раззорительна она для первыхъ» (стр. 27).

Таковъ оффиціальный отзывъ о торговцахъ татарахъ.

Мошенническими продѣлками они отличаются на каждомъ шагу, и мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ трусили татары, когда я, напр., указывалъ имъ, что они вѣшаютъ товары на безмѣнахъ, употребленіе которыхъ въ степи запрещено податными инспекторами, — и какъ просили не выдавать ихъ; или встрѣтившись однажды съ такими кочующими торговцами, я захотѣлъ сфотографировать видъ на ихъ походную телѣгу — лавку и пока занимался этимъ, татары, по словамъ моего спутника, дрожали и не смѣли тронуться съ мѣста: причиной этого было то, что они приняли меня за ветеринарнаго врача, а на ихъ лавкѣ снаружи были развѣшаны сырыя кожи, что строго запрещается санитарными правилами; они вообразили, что я остановился, чтобы оштрафовать ихъ, а когда этого не оказалось, они съ нескрываемою радостью простились со мною, выражая горячія пожеланія благополучнаго пути, и поспѣшно поѣхали дальше.

Въ предѣлахъ посѣщенныхъ мною областей существуетъ нѣсколько ярмарокъ мѣстнаго значенія, но одна ярмарка, въ г. Темирѣ Уральской области, по своимъ оборотамъ, доходящимъ до одного милліона рублей, заслуживаетъ болѣе общаго вниманія.

Она ведетъ свое происхожденіе съ 1879 г. и возникла на мѣстѣ торга или базара, образовавшагося само собою, вслѣдствіе потребности киргизъ въ русскихъ товарахъ.

Ярмарка находится за чертой города и производитъ крайне оригинальное впечатлѣніе. Новый посѣтитель невольно останавливается передъ обширностью ея дворовъ и своеобразіемъ лавокъ, представляющихъ тѣ-же куполообразныя киргизскія кибитки; число лавочныхъ помѣщеній доходитъ до 325.

Ярмарка имѣетъ чисто-восточную физіономію, и если бы не русскій флагъ и не русскія главныя власти, почти ничто не говорило бы о русскомъ элементѣ.

Лавки-кибитки тянутся по четыремъ сторонамъ площадей, а по линіи налѣво отъ главнаго входа пріютились харчевни, въ которыхъ киргизы — посѣтители находятъ пищу и даже ночлегъ, и вечеромъ, когда лавки закрыты и ярмарочныя площади пустѣютъ, харчевни принимаютъ оживленный своеобразный видъ, и въ нихъ только сосредоточивается въ это время жизнь ярмарки: среди наступившей кругомъ пустынности изъ оконъ харчевенъ привѣтливо свѣтитъ огонь, а внутри кипятъ готовые самовары, предлагаются кумысъ, кушанья и особенно пельмени; киргизы кучками отъ 3 до 5 и болѣе человѣкъ занимаютъ отдѣленьица харчевенъ, располагаются прямо на полу вокругъ самоваровъ и въ непринужденной, полулежачей азіатской позѣ сдержанно разговариваютъ между собою: шумнаго говора, а тѣмъ болѣе крика я почти не слышалъ Въ это время совершаются торговыя сдѣлки на слѣдующіе дни.

Главные посѣтители ярмарки — киргизы, а главные торговцы, конечно, — татары; число лицъ, торговавшихъ на ярмаркѣ въ 1895 г., выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: русскихъ — 52 чел., татаръ — 157 чел., киргизъ — 51 чел., хивинскихъ и др. подданныхъ — 24, всего 284 человѣка.

Численностью перевѣсъ приходится на долю татаръ, и они и здѣсь держатъ въ своихъ рукахъ торговлю.

Первенствующимъ товаромъ на ярмаркѣ являются продукты скотоводства, поставляемые киргизами.

Въ будущемъ ярмарку ожидаетъ значительное развитіе, и остается пожелать, чтобы русское купечество не пренебрегало этой ярмаркой, какъ до сихъ поръ, и вообще не чуждалось степи, въ которой оно совсѣмъ отсутствуетъ, а открывъ тамъ свои торговыя операціи, составило бы противовѣсъ татарскимъ вліяніямъ и торговлѣ и этимъ содѣйство-

вало бы расширенію непосредственныхъ сношеній русской народности съ киргизами и водворенію среди нихъ русскихъ благотворныхъ началъ, напр.; склонности къ земледѣлію. Киргизы почти не имѣютъ хлѣба, но между тѣмъ считаютъ его за лакомство, и русскіе купцы имѣли бы успѣхъ и оказали бы не малую услугу русскому дѣлу, начавъ торговать въ степи хлѣбомъ. На сколько мало хлѣба и на сколько онъ надобенъ тамъ, можно судить по тому, что въ 1895 г., по отчету податнаго инспектора, въ Темирскомъ уѣздѣ на человѣка ржи и пшена приходилось 0,37 пуда, т. е. меньше полпуда.

XI. Народный характеръ киргизъ.

Получая отъ стадъ полное обезпеченіе своего существованія и будучи необременены работой, киргизы лѣтомъ показались мнѣ народомъ добродушнымъ, веселымъ и беззаботнымъ, и я попробую сказать нѣсколько словъ о ихъ народномъ характерѣ. Сначала коснусь ихъ наружности. Киргизы или, какъ они сами называютъ себя, казаки кажутся здоровымъ, сильнымъ и рослымъ народомъ. Ихъ здоровость, мускульная крѣпость и внѣшняя свѣжесть бросаются въ глаза сравнительно, напр., съ вялостью и дряблостью башкиръ, хотя ихъ тѣло имѣетъ очень мало упражненій; въ связи съ этимъ находится ихъ подвижность, и на базарахъ, напр., самымъ подвижнымъ элементомъ являются киргизы, которые быстро являются, быстро рѣшаютъ дѣла и быстро же удаляются; въ тоже время башкиры сидятъ-сидятъ, говорятъ-говорятъ на базарѣ, и конца не предвидится. Татары же ведутъ себя всѣхъ степеннѣе и основательнѣе и спокойно — разсудительно обрабатываютъ иногда большіе гешефты.

Всѣ киргизы почти поголовно имѣютъ черные волосы и черные глаза, исключенія бываютъ очень рѣдки, и выразительность послѣднихъ, т. е. глазъ, рѣзко обращаетъ на себя вниманіе сравнительно съ нерѣдкой мутностью и безцвѣтностью сѣрыхъ и голубоватыхъ глазъ русскихъ.

Въ степи разсказывали, что въ извѣстномъ направленіи подается довольно много киргизъ съ голубыми глазами, и это направленіе совпадаетъ съ путемъ русскихъ войскъ, когда они проходили степи для завоеванія Хивы.

Волосы киргизы часто отращиваютъ и не брѣютъ, также не всегда носятъ тюбетейки.

Черты лица рѣдко бываютъ правильныя, а еще рѣже красивыя, обыкновенно же киргизы имѣютъ выдающіяся скулы, широкій приплюснутый или ввидѣ треугольника носъ, бѣлые зубы, жидкую бороду, лишь иногда аксаколы (т. е. старики, бѣлыя бороды) бываютъ украшены большой сѣдой бородой.

Ноги у киргизъ въ большинствѣ случаевъ кривыя вслѣдствіе частой ѣзды на лошадяхъ, и ходятъ киргизы, надо сказать, плохо, неувѣренно, какъ-то переваливаясь со стороны на сторону; ѣздятъ они несравненно лучше; отличаются общей сутуловатостью и неуклюжестью сравнительно, напр., съ русскими казаками, которыхъ киргизы называютъ атъ-казакъ (т. е. конные казаки), столь ловкими и проворными благодаря гимнастическимъ упражненіямъ.

Цвѣтъ кожи у киргизъ загорѣлый, красный, иногда даже темный; самая кожа отличается плотностью и часто лоснится отъ жира, особенно у богатыхъ киргизъ, сильно тучнѣющихъ отъ постояннаго употребленія кумыса и мяса.

Киргизы показались мнѣ очень привѣтливымъ, ласковымъ народомъ, можетъ быть, при этомъ имѣли значеніе мои рекомендаціи отъ властей, о гостепріимствѣ ихъ говорить нечего. Въ кибиткахъ своихъ они отводили мнѣ всегда почетное мѣсто, устланное лучшими коврами и такъ ласково и почтительно обращались ко мнѣ; правда, они знали, что я пріѣхалъ изъ Петербурга, а это обстоятельство производитъ на инородцевъ всегда особое впечатлѣніе.

Киргизы угощали меня всѣмъ лучшимъ, чѣмъ могли, и почти всюду рѣзали барашка для обѣда или ужина, устраивали мнѣ ночлегъ, и никогда не спрашивали денегъ за угощеніе, такъ что я по собственной волѣ давалъ деньги за хлопоты, но случалось, что вовсе отказывались брать.

Честность киргизъ показалась мнѣ безукоризненной: во все время путешествія у меня не пропало ничего, хотя я вообще не берегъ очень своихъ вещей, оставлялъ ихъ въ кибиткѣ, въ экипажѣ, а самъ уходилъ; можетъ быть, здѣсь играетъ роль восточное правило, что гость и его вещи въ кибиткѣ хозяина неприкосновенны.

Мнѣ разсказывали, что единственно на что покушаются киргизы у путешественника, — это на хлѣбъ; послѣдній считается лакомствомъ и его такъ мало въ степи, что киргизы иногда не могутъ удержаться, чтобы не похитить его.

Я взялъ съ собою въ степь два съ $^1/_2$ пуда сухарей, какъ это дѣлаютъ всѣ, кто ѣдетъ въ степь. Во время чаепитія я пользовался этими

сухарями, и они были большою приманкою для киргизъ, которые всегда составляли для меня большую компанію въ чаепитіи, при чемъ никакого приглашенія не надо было дѣлать, такъ какъ киргизы сами приглашали другъ друга къ моему чаю.

У киргизъ всегда ровное, добродушное настроеніе духа, видно, что они ничѣмъ не обременены, ничто ихъ не заботитъ, особенно, степь, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, обезпечиваетъ ихъ, и они веселы и такъ легко, здорово смѣются и особенно шутятъ между собой; шутки ихъ принимаютъ иногда странный и на нашъ взглядъ неприличный характеръ, напр., отпускаютъ разныя шутки по адресу хозяина и его жены, хозяинъ только отшучивается и старается отвѣтить тѣмъ же, а жена лишь потупляетъ взоры; впрочемъ такія шутки допускаются только между равными.

Киргизы владѣютъ громкими голосами, которые они обнаруживаютъ когда что нибудь особенно ихъ занимаетъ, напр., перепряжка лошадей для моего экипажа всегда вызывала необыкновенное оживленіе, и громкіе возгласы среди киргизъ, они начинали суетиться около лошадей, указывать, давать совѣты и сильно окрикивать другъ друга, такъ что съ непривычки мнѣ казалось, что случилось что нибудь особенное, между тѣмъ вскорѣ же раздавался самый уравновѣшенный, веселый и дружный смѣхъ, который невольно и меня заражалъ.

Старики у киргизовъ еще добродушнѣе: у нихъ всегда спокойное, ровное настроеніе, свѣжесть не по лѣтамъ, способность къ движеніямъ и занятіямъ, такъ что нерѣдко не уступали они и болѣе молодымъ; у нихъ также шутливость, веселость, лишь болѣе смягченная и незлобивая.

Привѣтливость киргизъ получаетъ иногда слѣдующее выраженіе: когда я въ началѣ іюня подъѣзжалъ въ знойный день къ г. Темиру и когда вслѣдствіе жары чувствовалось утомленіе въ организмѣ и удрученное нѣсколько настроеніе, мою тяготу разсѣялъ попавшійся на дорогѣ киргизъ, котораго мы обогнали: поровнявшись съ нами, онъ сказалъ что-то, я спросилъ переводчика, что онъ произнесъ; оказалось, что киргизъ сказалъ: «сапáр хáирлы бýлсын», т. е. пусть будетъ счастливо ваше путешествіе. Подобное доброе привѣтствіе было такъ неожиданно отъ совершенно чуждаго киргиза, что не могло не тронуть и не вызвать хорошихъ чувствъ и думъ объ этомъ народѣ, который такъ внимателенъ къ путникамъ, какъ и русскій человѣкъ не бываетъ внимателенъ.

Что касается гостепріимства, то охарактеризовать его можетъ слѣдующій случай, бывшій со мной.

Такъ какъ нерѣдко киргизы затягивали ужинъ къ полночи и даже далѣе, можетъ быть, желая этимъ придать особенную торжественность пріему, а я между тѣмъ съ дороги хотѣлъ поскорѣе спать, то въ одномъ мѣстѣ я думалъ отказаться отъ роли гостя и просто купить мяса и велѣть поскорѣе его сварить. Хозяина не было дома, когда мы пріѣхали. По его возвращеніи ему сообщили о моемъ желаніи. Онъ тогда довольно грубо и крикливо сталъ меня спрашивать, такъ ли я хочу мяса или за деньги и добавлялъ, что дешево онъ не продастъ. Мнѣ очень не понравился этотъ грубый хозяинъ и его пріемъ, но я сдержанно говорилъ ему, что дамъ денегъ, сколько слѣдуетъ. Тогда хозяинъ, помолчавъ немного, сказалъ: «Нѣтъ, денегъ не возьму, я тебя ради гостепріимства такъ угощу». Я удивился его перемѣнѣ и объяснилъ себѣ ее только во время слѣдовавшаго затѣмъ чаепитія; хозяинъ за чаемъ спрашивалъ меня обиженнымъ тономъ, зачѣмъ я потребовалъ мяса, а не молчалъ; оказывалось, по киргизскому обычаю, пріѣзжающій долженъ молчать относительно пищи, а хозяинъ самъ подумаетъ, чтобы угостить гостя. Такимъ образомъ я нарушилъ исконный обычай киргизъ. Послѣ съ хозяиномъ мы разстались друзьями.

XII. Киргизская женщина.

Скажу нѣсколько словъ о киргизской женщинѣ. Она, какъ извѣстно, поставлена въ иныя гораздо болѣе свободныя условія, чѣмъ женщина у другихъ мусульманъ, напр., у башкиръ, а особенно у татаръ. Въ то время, какъ у послѣднихъ женщина весь вѣкъ проводитъ въ домѣ, семьѣ, и ей не позволяется не только появляться въ обществѣ мущинъ, но даже и смотрѣть на нихъ и открывать лицо свое, у киргизъ женщина пользуется полною свободою въ общежитіи, никогда не закрываетъ своего лица, постоянно присутствуетъ и разговариваетъ въ кругу мущинъ и даже занимается иногда торговыми дѣлами и появляется на базарахъ, обращая вниманіе своимъ своебразнымъ высокимъ головнымъ уборомъ изъ бѣлыхъ полотенцевъ (въ родѣ папахи), называемымъ жаулыхъ.

Киргизка обладаетъ вообще физическою крѣпостью и здоровьемъ, но не отличается красотою, за рѣдкими исключеніями, напр., въ дни молодости.

Но при внѣшней свободѣ положеніе киргизской женщины, надо сказать, вообще забитое. Въ молодости, когда она еще невѣста, она

свободна и беззаботна, какъ вольная птица, работъ, кромѣ легкихъ рукодѣлій не знаетъ, за скотомъ почти не ухаживаетъ, и вѣетъ отъ отъ нея свѣжестью, здоровьемъ, румянецъ играетъ на щекахъ ея, веселье не оставляетъ ея тогда и она достигаетъ если не красоты, то нѣкоторой миловидности. Уже въ то время она появляется въ общихъ собраніяхъ и безъ принужденія разговариваетъ и шутитъ съ мущинами, будутъ ли то старики или молодые парни.

Путешественнику бросается въ глаза, что киргизскія дѣвушки имѣютъ спеціальную обязанность устраивать чаепитіе и разливать чай въ кругу всего собранія. Только сами онѣ не пьютъ чай, а лишь разливаютъ его другимъ и наблюдаютъ, кому онъ надобенъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни у башкиръ, ни у татаръ, у которыхъ женщина такая дикая, застѣнчивая, неразговорчивая, и проявляетъ лишь одно качество, что усиленно прячется или въ уголъ, или за занавѣской.

Если пріѣзжаетъ особенный гость, то киргизская дѣвушка къ чаепитію наряжается въ праздничную цвѣтную одежду съ позументами и шапочку съ перомъ, подбитую мѣхомъ, называемую бёрк; эта шапочка придаетъ киргизкѣ довольно эффектный видъ. За чаепитіемъ бываютъ оживленные разговоры и шутки, при чемъ дѣвицы сначала молчатъ, а потомъ и сами принимаютъ участіе; иногда шутки становятся щекотливыми съ нашей точки зрѣнія. Случается, что киргизки въ полѣ прогуливаются въ кругу мущинъ.

Но когда киргизка выходитъ замужъ, красное ея житье кончается. На ея долю падаютъ всѣ работы по хозяйству, такъ какъ сами киргизы буквально ничего не дѣлаютъ и ни въ чемъ не принимаютъ участія, разъѣзжаютъ лишь по гостямъ и на празднества.

Киргизка-хозяйка съ ранняго утра, еще до восхода солнца, начинаетъ возиться со скотомъ, привязываетъ и отвязываетъ козъ, барановъ, доитъ коровъ и верблюдицъ, прогоняетъ ихъ пастись, ведетъ счетъ скоту, тогда какъ киргизъ имѣетъ смутныя понятія о количествѣ своего скота. Затѣмъ киргизка надоенное молоко выливаетъ въ кадочки для кумыса и приготовляетъ кумысъ; занимается стряпней, очищаетъ и приготовляетъ шкуры отъ зарѣзаннаго скота, выбиваетъ и просушиваетъ мѣха, прядетъ, занимается тканьемъ и валеніемъ войлока или кошмъ; между прочимъ киргизки приготовляютъ иногда красивыя кошмы съ нашитыми узорами, наз. текемет; вечеромъ опять возится со скотомъ, доитъ, отдѣляетъ часть его, которая должна остаться при кибиткѣ, отъ той, которая идетъ пастись на ночь.

Такимъ образомъ весь день киргизки проходитъ въ трудахъ, и ея положеніе вѣчной работницы и слуги для мужа ярко подчеркивается вечеромъ, когда ея ничего не дѣлающій мужъ, отходя ко сну, призываетъ ее къ себѣ и велитъ ей снять съ него сапоги (етык).

Благодаря такой вѣчной работѣ киргизка скоро теряетъ свою свѣжесть и въ среднихъ лѣтахъ смотритъ испитой, сморщенной, страшной полустарухой съ почти мужскими движеніями и голосомъ. Сходство съ мужчиной и некрасивый видъ увеличиваются еще оттого, что киргизки-хозяйки ради удобства въ работахъ, особенно во время ухода за скотомъ, надѣваютъ штаны (дамбал) и принимаютъ какой то странный видъ: не то женщины, не то мужчины. Но впрочемъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр., въ Тургайскомъ уѣздѣ) считается неприличнымъ, если женщина надѣваетъ штаны.

Но это не мѣшаетъ имъ пользоваться свободой, и въ добавленіе слѣдуетъ сказать, что женщины иногда поютъ въ присутствіи мужчинъ, какъ и мнѣ удалось слышать пѣніе дѣвушекъ и записать ихъ мелодіи.

Суроваго обращенія мужей съ женами я не встрѣчалъ и, кажется, оно рѣдко случается, также мягко обращаются они съ дѣтьми: я нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы отцы или матери колотили дѣтей или давали имъ подзатыльники, какъ это часто водится въ русскихъ семьяхъ, и ребятишки поэтому выглядываютъ бойкими, смышлеными и просто себя держатъ.

Красивой женой киргизъ, напротивъ, склоненъ хвалиться. Одинъ киргизъ-игрокъ на домбрѣ, ни слова не знавшій по-русски, приглашалъ меня въ гости и при этомъ добавлялъ, что жена у него очень хороша (катын бик якшы), а когда я увидѣлъ его жену, молодую и не лишенную миловидности, киргизъ послѣ не разъ упоминалъ о ней и при этомъ употреблялъ единственное извѣстное ему русское слово, «сла́дка, сла́дка».

Молодыя киргизки обнаруживаютъ любознательность; когда я пріѣхалъ однажды на большое собраніе киргизъ въ Мугоджарскихъ горахъ (совершали поминки по богатомъ киргизѣ,—наз. ас), то на второй день моего пребыванія, меня вызвали изъ кибитки и сказали, что одна киргизка желаетъ меня видѣть; выхожу: стоятъ двѣ киргизки, одна помоложе, другая постарше и застѣнчиво улыбаются; я спрашиваю, что имъ надобно; онѣ отвѣтили, что услышали о пріѣздѣ русскаго и захотѣли посмотрѣть на него; дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ русскихъ никогда почти не бываетъ; я пригласилъ ихъ зайти въ кабитку; киргизки смутились было сначала обществомъ киргизъ:

но вскорѣ оправились и объяснили причину своего появленія; затѣмъ говорили мнѣ, что онѣ такъ много наслышались о русскихъ, знаютъ, что все хорошее исходитъ отъ русскихъ, поэтому захотѣли непремѣнно повидать русскаго и сами думаютъ черезъ годъ поѣхать въ русскіе города, посмотрѣть, какъ живутъ русскіе; я предполагалъ снять фотографіи съ нихъ и съ группы дѣвушекъ, бывшихъ на поминкахъ, но молодые парни воспротивились, кажется, ревновали. Болѣе пожилыя киргизки заявляютъ себя консерваторами, защитницами старыхъ устоевъ жизни и противницами русскихъ новшествъ. Когда я проѣзжалъ по ауламъ въ сопровожденіи учениковъ Оренбургской киргизской учительской школы, то пожилыя женщины не разъ обнаруживали къ нимъ враждебность и даже ругали ихъ, если они разговаривали со мною и между собою по-русски: «вы совсѣмъ русскіе стали», — говорили имъ киргизки, — «скоро вѣру свою перемѣните; прежде никто не учился русской грамотѣ, а вотъ какіе почтенные люди выходили, не то, что вы», и при этомъ киргизка указывала на одного изъ присутствовавшихъ. Выраженіе. «ты совсѣмъ русскій сталъ» получало даже характеръ брани.

Киргизски въ данномъ случаѣ были представительницами той народной оппозиціи противъ владычества русскихъ, которая, конечно, все больше вымираетъ, но слѣды которой еще существуютъ и теперь: такъ, въ одной волости (Бистамакской, Актюбинскаго уѣзда) волостной писарь русскій, прекрасно владѣвшій киргизскимъ языкомъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ самъ, какъ киргизы иногда въ зимніе вечера поютъ пѣсни, въ которыхъ жалуются на то, зачѣмъ это Аллахъ сдѣлалъ такъ, что ими владѣютъ русскіе.

Съ водвореніемъ русской власти началось юридическое уравненіе правъ мужчины и женщины среди киргизъ. Но на сколько еще дики киргизы и киргизки и къ какимъ своеобразнымъ и курьезнымъ происшествіямъ ведетъ проникновеніе новыхъ русскихъ началъ въ старую вѣковую киргизскую среду, показываютъ, напр., слѣдующіе случаи, о которыхъ мнѣ разсказывали на мѣстѣ.

Огромная часть киргизской территоріи въ томъ числѣ та, гдѣ я былъ,—районъ Мугоджарскихъ горъ, совершенно лишены путей сообщенія, русскихъ поселеній совсѣмъ нѣтъ, и киргизы ѣздятъ исключительно верхомъ; между тѣмъ властямъ и путешественникамъ приходится пускаться въ эти непроѣздныя мѣста; въ этихъ случаяхъ и возникаютъ для нихъ разнаго рода трудности и приключенія при добываніи лошадей.

Лѣтомъ 1895 г. Темирскій уѣздный начальникъ Уральской области (М. И. Дубровинъ) проѣзжалъ съ лѣсничимъ на Мугоджары. На урочищѣ Кумъ-Сай, на рѣкѣ Эмбѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Мугоджарскихъ горъ, понадобилось перемѣнить лошадей, и взяли одну лошадь у киргизки-вдовы, которая одѣта была, по мѣстному обыкновенію, въ штаны; она заохала, затараторила, стала говорить, что ее, вдову, обижаютъ, отнимаютъ послѣднюю лошадь, а у нея мужа нѣтъ, некому ее защитить; когда эти причитанія и упрямство не подѣйствовали, она спустила съ себя штаны и обнажила себя въ присутствіи уѣзднаго начальника; хорошенько не могли понять, что̀ хотѣла она выразить этимъ,— презрѣніе-ли къ присутствующимъ или дать доказательство, что она женщина, слабое существо, вѣрнѣе послѣднее; только уѣздный начальникъ тотчасъ составилъ протоколъ и наказалъ ее 15-ти дневнымъ арестомъ, для чего она доставлена была въ гор. Темиръ. Киргизка, конечно, не ожидала такихъ послѣдствій, такъ какъ до сихъ поръ всюду водилось и по шаригату установлено, что за проступки женщинъ отвѣчали мущины.

Но русская власть стала привлекать къ отвѣтственности и киргизокъ. Въ 1896 г. были привлечены къ суду въ Темирскомъ уѣздѣ двѣ киргизки по обвиненію въ сопротивленіи властямъ.

Эти киргизки оказали сопротивленіе уряднику, когда послѣдній пріѣхалъ въ одинъ аулъ для производства переписи или сбора недоимокъ, чего-то въ этомъ родѣ. Бабы выбѣжали изъ кибитки съ палками и набросились на урядника, который былъ принужденъ отступить. Когда киргизокъ привлекли къ отвѣтственности, ихъ убѣждали по правдѣ разсказать, почему онѣ напали на урядника. Онѣ рѣшительно заявляли, что невиноваты, что исполняли только волю своего мужа-старика, который, когда приходилъ урядникъ, лежалъ въ своей кибиткѣ и кричалъ имъ оттуда: «гоните этого урядника, что̀ онъ тутъ шатается»? Ослушаться мужа имъ, бабамъ, нельзя, и онѣ должны были недопустить урядника въ ихъ кибитку.

Сопротивленіе власти было оказано, и киргизки подлежали всей строгости законовъ, должны были быть приговоренными къ арестантскимъ ротамъ, и только по Всемилостивѣйшему коронаціонному манифесту онѣ были освобождены отъ наказанія.

Но вообще киргизской женщинѣ не трудно приспособиться къ новымъ началамъ, вносимымъ русскими, залогомъ чего служитъ, между прочимъ та свобода, какою пользуется женщина у киргизъ и которая такъ выгодно отличаетъ ее и даетъ ей преимущества передъ женщиной татаръ и народностей Средней Азіи, обреченной на вѣчное отчужденіе

отъ общественной жизни; причину, свободнаго положенія женщинъ у киргизъ надобно видѣть въ томъ, что мусульманство съ своимъ шариатомъ еще не успѣло ассимилировать киргизъ, проникнуть въ глубь ихъ народныхъ понятій и привить имъ свой условный и угнетающій взглядъ на женщинъ.

Всѣ впечатлѣнія передавать было бы слишкомъ долго; коснусь въ настоящій разъ только наиболѣе значительныхъ и разскажу, что я, между прочимъ, встрѣчалъ особый типъ киргизъ, изъ котораго вырабатывались, по словамъ киргизъ, до русскаго владычества такъ называемые бáтыри, могучіе духомъ и тѣломъ богатыри, коноводы, предводители народныхъ полчищъ, неустрашимые и находчивые во всякихъ обстоятельствахъ, которые и воспѣвались въ народной поэзіи, въ столь многочисленныхъ у киргизъ эпическихъ произведеніяхъ. Такой киргизъ-батырь былъ моимъ проводникомъ.

XIII. Типъ батыря.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ гор. Темирѣ Уральской обл. во время ярмарки, когда я увидѣлъ, что киргизы были черезчуръ заняты какъ ею, такъ и чрезвычайнымъ междуобластнымъ судебнымъ съѣздомъ, на который собралось множество киргизскихъ судій, такъ называемыхъ біевъ, — я выѣхалъ 8 іюня на востокъ по направленію къ Мугоджарскимъ горамъ, населеннымъ, какъ мнѣ говорили, совсѣмъ дикими и еще не знавшими русскихъ вліяній киргизами, — въ сопровожденіи цѣлой свиты.

Темирскій уѣздный начальникъ командировалъ въ Мугоджарскія горы въ распоряженіе занимавшагося тамъ размежеваніемъ казенныхъ лѣсовъ топографа—двухъ киргизъ: кандидата на должность волостнаго управителя Эмбо-Темирской волости Маштія Жалимбетева и старшину 7-го аула той же волости Дарбая Жанысбаева. Эти представители волостной власти хотя должны были не отлучаться изъ волости, пока топографъ производилъ свои работы въ горахъ, но соблазнившись открывшейся въ то время Темирской ярмаркой, пріѣхали на нее въ городъ, оставивъ топографа безъ своего содѣйствія.

Уѣздный начальникъ (М. И. Дубровинъ) строго приказалъ имъ ѣхать обратно къ топографу и быть при немъ неотлучно, какъ они ни

умоляли его позволить остаться на ярмаркѣ для окончанія начатыхъ уже торговыхъ дѣлъ.

Сказавъ, что ихъ дѣла на ярмаркѣ окончатъ родственники, уѣздный начальникъ поручилъ имъ также сопровождать меня, такъ какъ я собирался ѣхать въ томъ же самомъ направленіи къ высшей вершинѣ Мугоджаръ — горѣ Айрыку.

Къ намъ присоединились еще нѣсколько киргизъ, между прочимъ, кончившій курсъ Оренбургской киргизской учительской школы Кужахметъ-Исенгуловъ и старшина ближайшей волости, по которой намъ предстояло проѣзжать: по распоряженію уѣзднаго начальника, въ каждой волости насъ долженъ былъ сопровождать мѣстный волостной старшина и указывать путь, такъ какъ мы ѣхали въ мѣстности, лишенныя всякихъ путей сообщенія, въ которыхъ могли не заблудиться лишь тамошніе киргизы.

И вотъ рано утромъ въ 7 ч., 8 іюня, мои спутники явились въ домъ уѣзднаго управленія, гдѣ я имѣлъ помѣщеніе, а въ $11^1/_2$ часовъ мы выѣхали: я съ переводчикомъ своимъ изъ Оренбурга (ученикомъ киргизской школы Юсуповымъ) въ купленномъ мною наканунѣ на ярмаркѣ экипажѣ, а остальные — верхомъ на лошадяхъ.

Образовался такимъ образомъ цѣлый поѣздъ: центръ составлялъ нашъ экипажъ, а впереди и сзади или съ боковъ ѣхали всадники.

Главою поѣзда явился упомянутый кандидатъ Маштій Джалимбетевъ дородный, могучій киргизъ, 65 лѣтъ, съ сиплымъ громкимъ басомъ, суровой и пожалуй свирѣпой, морщинистой, крупной физіономіей и спокойнымъ острымъ взглядомъ.

Когда онъ сидѣлъ на лошади въ своей остроконечной шапкѣ называемой тумакъ) и слегка откидывался широкой спиной назадъ, то онъ казался великаномъ, а когда ѣхалъ, держалъ себя прямо и отважно, по предводительски; къ нему незамѣтно перешла первенствующая роль, а командовалъ онъ властно, рѣшительно, и взоръ его глазъ исполненъ былъ силы.

На дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ общеніи со мной, оказался добродушнымъ киргизомъ.

Считая себя вожакомъ поѣзда (уѣздный начальникъ поручилъ ему доставлять мнѣ на пути лошадей), онъ считалъ своею задачею услужить «таксыру», т. е. господину, поэтому на стоянкахъ въ аулахъ, при перемѣнѣ лошадей вѣско ругался, торопилъ, грозилъ сослать въ Сибирь и обнаруживалъ при этомъ даръ юмора, успѣшно смѣша киргизъ, которые весело хохотали; вообще онъ былъ мастеръ смѣшить толпу, а самъ

почти не смѣялся. Въ отвѣтъ ему говорили: «вѣдь сватъ тебя хозяинъ (лошадей), что ты его очень пугаешь?» Онъ возражалъ, что хоть загнать лошадей, а таксыр'а не задерживать.

Маштій, котораго киргизы называли «кандилятъ» или уменьшительно Машикъ и котораго они побаивались, но и уважали, несомнѣнно отличался расторопностью и распорядительностью и по справедливости былъ награжденъ отъ начальства серебряной медалью для ношенія на Станиславской лентѣ. Онъ въ отношеніи добыванія лошадей былъ незамѣнимъ для насъ, такъ какъ въ этой мѣстности (около Мугоджарскихъ горъ) даже власти встрѣчаютъ при проѣздѣ затрудненія, такъ какъ отъ г. Темира до Мугоджарскихъ горъ и далѣе ни дорогъ, ни станцій нѣтъ, а переѣзжаютъ отъ аула къ аулу и при посредствѣ старшинъ мѣняютъ лошадей; но киргизы упрямятся давать лошадей въ лѣтнюю пору, уходя въ стороны отъ мѣстъ проѣзда; если проѣзжающій не представляетъ изъ себя власти, то онъ много натерпится отъ киргизскаго отлыниванья. Даже уѣздный начальникъ испытываетъ иногда задержки. Во избѣжаніе подобныхъ задержекъ для лицъ оффиціальныхъ или со спеціальными цѣлями посылаютъ впередь такъ называемаго чабара (разсыльнаго) заготовлять на мѣстахъ остановокъ лошадей. На первой остановкѣ, на урочищѣ Аша́ (вилка, при сліяніи двухъ рѣкъ Темира и Кульдененъ-Темира, похожемъ на вилку), въ 20 верстахъ отъ города, мы не встрѣтили никакой задержки въ лошадяхъ: въ полѣ смѣнили намъ лошадей, и мы поѣхали далѣе; помѣхой нашему путешествію оказалась неисправность экипажа: татары, продавая его, скрыли, что ослабѣли гайки у колесъ, и вотъ во время пути переднее колесо стало спадать; это обстоятельство причиняло намъ столько хлопотъ, что доѣхавъ коекакъ до второй остановки въ аулѣ одного султана въ мѣстности Чотай, въ 40 верстахъ отъ г. Темира), я рѣшилъ послать экипажъ назадъ въ городъ для исправленій; благодаря этому мы пробыли въ этомъ аулѣ до 6 час. веч. слѣдующаго дня (9 іюня).

Въ аулѣ султана для насъ была приготовлена отдѣльная кибитка по-киргизски ӳй), о чемъ заранѣе позаботился «кандидатъ»; пріятно было войти въ чисто, хорошо-убранную сплошь коврами (клем) кибитку и сѣсть въ почетномъ мѣстѣ па новыя еще бухарскія одѣяла (кӧрпе́). По поводу нашего пріѣзда былъ зарѣзанъ баранъ, и мы видѣли, какъ дымились два костра, па которыхъ варилась баранина. Я ходилъ между прочимъ, въ стадѣ барановъ и верблюдовъ; бараны видѣли, вѣроятно, въ первый разъ человѣка, не похожаго на киргизъ, потому что они

робко, но съ большимъ любопытствомъ протягивали головы, обнюхивали меня и ходили вслѣдъ за мною.

Время проходило въ угощеніяхъ и разговорахъ; на другой день послѣ обѣда разговаривали и шутили; присутствовалъ хозяинъ съ женою, и кандидатъ не преминулъ обнаружить свою манеру острить; я спросилъ, сколько лѣтъ султану; сказали, что ему 65 лѣтъ; тогда кандидатъ выбранился, зачѣмъ много сказалъ, сказалъ бы меньше; султанъ отвѣтилъ, что Маштій, т. е. кандидатъ, бранится потому, что ровесникъ съ нимъ и хочетъ лѣта свои скрывать: у него-де, султана, бѣлая борода по краямъ, а у кандидата черная оттого, что бѣлые волосы онъ выщипываетъ; всѣ засмѣялись; на эту шутку кандидатъ отвѣтилъ довольно своеобразно: смѣясь, онъ сказалъ, что жена султана (которая сидѣла здѣсь же) занимается прелюбодѣяніемъ; всѣ громко засмѣялись, въ томъ числѣ и султанъ, а я думалъ, что слова кандидата будутъ приняты за дерзость, и произойдетъ ссора; но это была шутка въ киргизскомъ вкусѣ, и при общемъ смѣхѣ султанъ отвѣтилъ лишь своей шуткой, сказавъ: «кандилятъ ходитъ по трактирамъ (т. е. публичнымъ домамъ)»; всѣ обратились къ «кандидату» и стали на его счетъ хохотать; но кандидатъ не остался въ долгу и отвѣтилъ: «Султанъ сдурѣлъ» (сошелъ съума).

Я спросилъ неужели не обижаются на такія шутки:—«нисколько», отвѣтили мнѣ, — «такъ вѣдь и русскіе шутятъ»; — «нѣтъ, такія шутки не позволительны у русскихъ», отвѣтилъ я. тогда мой собесѣдникъ, киргизъ, кончившій курсъ въ Оренбургской киргизской учительской школѣ, отвѣтилъ мнѣ:—«какъ непозволительны? я самъ видѣлъ въ Оренбургѣ, въ Темирѣ, какъ мужчины бѣгаютъ за чужими женами, берутъ ихъ за платье»... Я сказалъ, что это считается неприличнымъ; — «а у насъ это ничего, это вѣдь шутка», объяснилъ собесѣдникъ.

Но подобныя шутки допускаются лишь между ровесниками, въ противномъ случаѣ онѣ принимаются за оскорбленіе.

Вечеромъ этого дня въ 6 ч. мы поѣхали далѣе, когда изъ города доставили мой экипажъ въ исправленномъ видѣ.

Я требовалъ, чтобы везли на оврагъ или рѣчку Кумжарганъ, какъ то значилось по маршруту, взятому мною изъ города; тогда киргизы много толковали между собою, какъ прямѣе поѣхать, а также обсуждали, сколько верстъ считать для этого переѣзда, и не могло ничего сказать, пока я самъ не назначилъ разстоянія въ 25 в., какъ примѣрно говорили мнѣ въ городѣ.

Разстояній между остановками киргизы точно не знаютъ и говорятъ

наугадъ, также и русскіе власти не знаютъ, сколько верстъ считать отъ г. Темира до Мугоджаръ; киргизы довольствуются платой за такое число верстъ, какое имъ говорятъ.

Ѣзда по степи безъ дорогъ, не смотря на относительную ровность степи, оказываются порядочно тряской.

Вообще край этотъ почти во всѣхъ отношеніяхъ неустроенный, первобытный. Одно здѣсь хорошо, это — прекрасный воздухъ, степь съ душистыми травами, климатъ умѣренно-жаркій и отличный кумысъ и баранина.

Нашъ поѣздъ въ прежнемъ своемъ составѣ тронулся въ путь.

«Кандидатъ» по прежнему игралъ первенствующую роль и важно сидѣлъ на лошади, то уѣзжая впередъ экипажа, то отставая сзади.

Вскорѣ мы поднялись на невысокую возвышенность Маметъ, съ которой въ первый разъ увидѣли высшую вершину Мугоджаръ – гору Айрыкъ (что значитъ вилообразная, такъ какъ она раздвояется, имѣетъ двѣ главы), мнѣ сказали, что мы находимся на разстояніи верстъ 60-ти отъ горъ, которыя лежатъ заразъ по ту сторону рѣки Эмбы.

Айрыкъ, разъ показавшись, сталъ служить для моихъ спутниковъ среди ровной степи—маякомъ, и мои киргизы объявили, что будутъ ѣхать все время прямо на Айрыкъ, не упуская его изъ глазъ: зачѣмъ-де ѣхать не по прямой линіи.

Проѣхавъ менѣе десяти верстъ, киргизы, хотѣли было, неизвѣстно почему, смѣнить лошадей во встрѣчномъ аулѣ, ссылаясь на то, что лошади устали, но я сказалъ, что раньше Кумжаргана (намѣченнаго для стоянки пункта) я не соглашусь на смѣну лошадей и не дамъ прогоновъ. Тогда киргизы, которые только что говорили объ усталости лошадей, усердно погнали ихъ во главѣ съ «кандидатомъ», стали гикать и хлестать нагайками (камчé по-киргизски), точто лошади успѣли освѣжиться, и мы быстро поѣхали по степи, только экипажъ изрядно встряхивало на неровностяхъ и кочкахъ, такъ что часто приходилось говорить ямщику «акырын» (осторожно).

«Кандидатъ» опять заявилъ себя какъ человѣка, не затрудняющагося въ выборѣ средствъ, чтобы достичь намѣченной цѣли.

Мой спутникъ переводчикъ разсказывалъ мнѣ, что «кандидатъ», чтобы произвести бóльшее впечатлѣніе на киргизъ и чтобы они не задерживали лошадей, говорилъ имъ обо мнѣ, что я ѣду изъ Петербурга и что я чуть ли не родной братъ Государя Императора, а если не родной братъ, то близкій знакомый; я спросилъ моего спутника, вѣрятъ ли ему киргизы:—«вѣрятъ, конечно», отвѣтилъ онъ;—«а самъ то онъ

шутитъ или серьезно говоритъ?» спросилъ я, — «да онъ самъ, конечно, ничего не знаетъ, только говоритъ съ увѣренностью, а киргизы вѣрятъ: киргизы вѣдь думаютъ, что если кто изъ Петербурга, значитъ знакомъ съ Государемъ Императоромъ».

Хотѣли было еще разъ киргизы мѣнять лошадей, не доѣзжая намѣченнаго пункта (Кумжаргана), но я объявилъ, чтобы везли дальше; очевидно, киргизы были рады почаще останавливаться ради времепрепровожденія и яденія баранины; такъ какъ они сопровождали «туря», т. е. чиновника, то это было достаточнымъ основаніемъ заставлять на каждой остановкѣ рѣзать барана и угощаться; въ виду этихъ обстоятельствъ къ нашему поѣзду присоединилось добровольно не мало киргизъ, которые говорили, что ѣдутъ по дѣлу, тогда какъ у степняка вообще не бываетъ дѣла, такъ что я ѣхалъ уже въ сопровожденіи 15 — 18 всадниковъ.

Наконецъ, часу въ 9-мъ вечера мы пріѣхали на стоянку Кумжарганъ; съ нами былъ новый волостной старшина, такъ какъ старшины провожали насъ только до конца своего участка.

Былъ тихій, ясный вечеръ, солнце уже сѣло за пригоркомъ и горѣла заря; на ясномъ фонѣ ея въ полумракѣ вырисовывались три, четыре кибитки аула киргиза Урманкула (9-го аула); собаки встрѣтили насъ хриплымъ лаемъ.

Мы остались ночевать, такъ какъ ночью ѣхать было неловко и лошадей негдѣ было достать.

Для насъ, по распоряженію «кандидата», готовили кибитку; это былъ бѣдный аулъ, поэтому и кибитка оказалась гораздо хуже и грязнѣе, чѣмъ у Султана на Чотаѣ.

Стали вырабатывать дальнѣйшій нашъ маршрутъ; рѣшили ѣхать утромъ прямымъ путемъ на Айрыкъ, но затѣмъ «кандидатъ» обратился ко мнѣ съ пространною рѣчью слѣдующаго содержанія. Онъ говорилъ, что сердечно желаетъ мнѣ услужить, что онъ старый человѣкъ, но не жалѣетъ себя, лишь бы сдѣлать все для моего путешествія лучше; но теперь пріѣхали въ такія мѣста, гдѣ ауловъ мало, киргизы упрямы и не даютъ сразу лошадей; онъ говорилъ, что ужъ принялъ мѣры къ отысканію лошадей, послалъ за пятидесятникомъ, который и долженъ привести лошадей; но ожидаетъ, что кто нибудь будетъ сопротивляться ему, не смотря на всѣ настоянія; онъ опасался, что съ такими онъ самъ пожалуй не справится, поэтому просилъ меня, такксыр'а, чтобы я согласился записывать имена такихъ упрямцевъ и сообщить о нихъ уѣздному начальнику.

Я далъ на это согласіе; оно, вѣроятно, надобно было «кандидату», чтобы имѣть въ этомъ лишнюю угрозу для киргизъ; это былъ въ своемъ родѣ манёвръ кандидата въ виду присутствовавшихъ киргизъ.

Затѣмъ «кандидатъ» сказалъ, что онъ позаботился о нашемъ ужинѣ, велѣлъ зарѣзать барана, а самъ поѣдетъ впередъ заготовлять лошадей и просилъ моего согласія; когда я на такую его самоотверженную услужливость предложилъ сначала напиться чаю, «кандидатъ» передалъ мнѣ черезъ переводчика, что онъ такой человѣкъ, что когда служба, онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ; впрочемъ, передъ отъѣздомъ онъ выпилъ три чашки кумыса; ночью онъ самъ искалъ лошадей въ 8-мъ аулѣ, а старшину и пятидесятника послалъ въ 9-й аулъ, отъ угощенья бараниной отказался и только наказалъ, что останется отъ насъ, угостить этимъ прислугу. Не оставивъ никого своими попеченіями, онъ уѣхалъ.

Было около полуночи; еще мы не улеглись совсѣмъ, какъ доставили намъ одного жеребца, но пришелъ хозяинъ его и поднялъ цѣлое препирательство, говоря, что у лошади его испорчена спина, нельзя на ней ѣхать; его урезонивали, что если онъ не дастъ лошади и позволитъ ему это, то и другіе никто не будетъ давать лошадей, если онъ будетъ упрямиться, то съ нимъ поступятъ по всей строгости закона; тогда киргизъ уступилъ лошадь.

Утромъ, на другой день, опять была исторія изъ-за лошадей, благодаря женскому упрямству. Когда уже стали запрягать лошадей, явились двѣ киргизки и подняли сильный крикъ; ихъ урезонивали киргизы внѣ кибитки; «кандидатъ» сидѣлъ въ кибиткѣ и слушалъ, но чувствуя, что дѣло на ладъ нейдетъ, онъ обратился ко мнѣ со словами, вотъ-де бабы какія вздорныя, и вышелъ къ нимъ самъ; я также полюбопытствовалъ, что такое происходитъ снаружи: двѣ киргизки стояли вблизи кибитки и одна изъ нихъ какъ будто плакала; киргизы не могли сговориться съ ними, а «кандидатъ» однимъ своимъ появленіемъ и голосомъ, не допускающимъ возраженій, устроилъ дѣло,— онъ просто, какъ говорится отрѣзалъ имъ: «вы хоть вдвое больше ревите, лошадей не отдадимъ».

Слова кандидата успокоили ихъ, и онѣ, потараторивъ, ушли, и только, когда мы отъѣзжали, онѣ кучкой сидѣли на травѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и такъ недружелюбно смотрѣли на нашъ отъѣздъ.

Бабы, какъ мнѣ объяснили, являются лишь подставными лицами своихъ мужей, которые научаютъ ихъ поднимать кляузу, боясь сами отвѣтственности и будучи увѣрены, что бабамъ ничего не сдѣлаютъ,

такъ какъ по ихъ обычаю и по шаригату женщина не отвѣтственна за свои поступки; однако они ошибаются въ своихъ разсчетахъ: въ послѣднее время русская власть привлекаетъ къ отвѣтственности и киргизскихъ женщинъ.

Было жарко, когда мы поѣхали далѣе на Эмбу къ Мугоджарскимъ горамъ. Въ это время случился эпизодъ, имѣвшій связь съ заботой «кандидата» обезпечить насъ лошадьми.

Въ сторонѣ отъ нашего пути паслись чьи то лошади; одну изъ нихъ, по приказанію «кандидата», захватилъ киргизъ изъ нашего поѣзда и поскакалъ съ нею къ намъ; въ догоню за похитителемъ мчался по полю во весь духъ пастухъ на перерѣзъ намъ; мой кучеръ и переводчикъ, увидѣвъ это, хохотали между собой и передали мнѣ о происшествіи, мы стали слѣдить, что будетъ далѣе, верховой подскакалъ, нѣкоторое время стоялъ и затѣмъ спокойно отъѣхалъ отъ нашихъ спутниковъ, которые были значительно впереди насъ, вѣроятно «кандидатъ» по обыкновенію далъ такой внушительный отвѣтъ, въ родѣ того, что если будешь-де прекословить, въ Сибирь законопачу тебя, что киргизу ничего не оставалось, какъ покориться и отъѣхать.

Ради жары киргизы упросили меня остановиться во встрѣчномъ аулѣ, около высохшаго озера Башынкуля, напиться чаю, но дѣло опять не обошлось безъ баранины.

Такимъ образомъ киргизы не разъ дѣлали, какъ потомъ оказывалось, лишнія, ненужныя остановки.

Во время чаепитія киндидатъ проявлялъ обычный свой юморъ, и толпа охотно смѣялась; такъ какъ онъ былъ грузенъ, то мѣнялъ лошадей, на которыхъ ѣхалъ верхомъ, причемъ не очень церемонился съ хозяевами лошадей; когда онъ на этой остановкѣ заявилъ претензію на одну лошадь, хозяинъ хотѣлъ отдѣлаться отъ «кандидата» и сказалъ, что лошадь его хромаетъ; тогда кандидатъ заявилъ, что тѣмъ лучше, что онъ на хромой лошади дремать не будетъ, зная, конечно, что лошадь исправная; а когда мы отъѣзжали кучеръ изъ предыдущаго аула потребовалъ назадъ веревку, которую у него взяли для нашего поѣзда; «кандидатъ» съ напускной строгостью отвѣтилъ ему: «а ты моли Бога, чтобы мы тебя не взяли съ собой дальше, а не то, что веревку спрашивать». Дружный хохотъ и говоръ слышался всюду, гдѣ принималъ то или другое участіе «кандидатъ», и никто изъ киргизъ не могъ отговариваться противъ словъ его; они были подъ обаяніемъ его личности изъ почтительности и ласковыхъ чувствъ къ нему нерѣдко величали то «кандилятъ», то уменьшительнымъ Машикъ.

Мы имѣли еще остановку, прежде чѣмъ доѣхать до Мугоджарскихъ горъ, на урочищѣ или рѣчкѣ Кумъ-Сай.

Здѣсь кандидатъ позаботился взять съ собою человѣкъ 5 киргизъ на случай, если топографу, къ стоянкѣ котораго въ горахъ мы ѣхали, понадобятся рабочіе.

Во время пребыванія здѣсь «кандидатъ» отпускалъ шутки на счетъ киргизской дѣвушки, занимавшейся разливаніемъ чая, разсказывая о себѣ, какой онъ былъ молодецъ не промахъ въ своей молодости, смѣшилъ окружавшихъ, но самъ не смѣялся.

Наша свита увеличилась, и мы поѣхали къ Мугоджарамъ, мѣстность замѣтно повысилась, составляя первую террасу къ Мугоджарскимъ горамъ.

Мы добрались до верховьевъ горъ знаменитой въ Прикаспійскихъ степяхъ рѣки Эмбы и переѣхали ее бродомъ; по берегамъ росла густая трава и составляла большой контрастъ съ окружавшими желтѣвшими подъ палящимъ солнцемъ полями.

Вскорѣ раскрылась предъ нами синѣющая гряда Мугоджаръ и мы цѣликомъ увидѣли царящую надъ ними гору Айрыкъ, къ которой нашъ поѣздъ и направлялся.

Черезъ нѣсколько времени, проѣхавъ предгорья Мугоджаръ, мы наконецъ въѣхали и въ самыя горы; это были не очень высокія, пустынныя, лишенныя лѣснаго покрова горы; только густая трава покрывала, да въ ложбинахъ попадался мелкій кустарникъ, ютясь вдоль горныхъ ручьевъ. Мугоджары будутъ, вѣроятно, удобны для земледѣльческой культуры; предполагается въ нихъ присутствіе золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней; въ этомъ направленіи производила развѣдки въ горахъ лѣтомъ 1896 г. одна золотопромышленная компанія.

Аулы попадались рѣже, чѣмъ мы ожидали, потому что много киргизъ откочевало ближе къ Темирской ярмаркѣ.

Вскорѣ мы увидѣли въ одной лощинѣ кибитку топографа; «кандидатъ» и другіе киргизы уѣхали нѣсколько впередъ, и когда я подъѣзжалъ, наши спутники образовали уже около кибитки цѣлый станъ, и голоса ихъ оживляли безмолвныя долины.

Топографа не оказалось дома. Я былъ встрѣченъ дружными жалобами какъ моихъ киргизъ, такъ и работавшихъ у топографа, которые успѣли уже сговориться, — на его строптивость, придирчивость и плохой характеръ: все-де не такъ, все бранитъ, а вчера-де вечеромъ взялъ сварилъ свинины и налилъ супу изъ нея во всѣ сосуды: котелъ, ведро, чашки: — «Фу, кой (слово брезгливости у киргизъ) жаманъ ксы

(дурной человѣкъ), теперь намъ ѣсть не въ чемъ, варить мяса не въ чемъ», такъ говорили киргизы и просили меня дать имъ для приготвленія чая дорожный чайникъ, такъ какъ топографъ даже и въ самоваръ (будто бы) налилъ свиного супа.

Свининой киргизы, какъ магометане, до чрезвычайности брезгаютъ, и образъ поведенія топографа, если все это было вѣрно, оказывался страннымъ; вообще чиновники въ степи слишкомъ много себѣ подъ часъ позволяютъ и слишкомъ господствуетъ тамъ кокарда, подъ знаменемъ который кто только не глумится подъ часъ надъ инородцами, что̀ вовсе не въ нашихъ интересахъ, подрывая то уваженіе и довѣріе къ намъ, какія мы пріобрѣли себѣ въ Азіи.

Съѣздивъ на двуглавую вершину горы Айрыкъ, повидавшись съ топографомъ, который дѣйствительно пренебрежительно отзывался о киргизахъ: «охъ ужъ бытъ»! махалъ онъ рукою, — и переночевавъ въ этой горной долинѣ па открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ полной луны, мы на другой день, 12 іюня утромъ, направились изъ предѣловъ горъ къ рѣчкѣ Кундждну, гдѣ мы расчитывали встрѣтить, между прочимъ, киргизскихъ музыкантовъ.

Насъ приняли въ аулѣ, хотя и бѣдномъ, радушно, и весь народъ заранѣе высыпалъ встрѣтить насъ.

Вотъ мы стали лежать въ аулѣ въ ожиданіи слѣдующаго дня (когда должны были начаться поминки (ас) по богатомъ киргизѣ и на которыя мы рѣшили ѣхать), предаваясь разговорамъ, яденію баранины, купанью и пр.; отъ жары клонило сильно ко сну, и порядочно спали.

«Кандидатъ» и въ чужомъ аулѣ чувствовалъ себя по обыкновенію хозяиномъ; послѣ чая и ѣды, собравшись спать и снявъ обувь, онъ обратился къ находившемуся въ кибиткѣ киргизенку со словами! «эй, бала, кель манда!» (малый, подойди сюда), показалъ ему на свои ноги и велѣлъ чесать ихъ. Малый безпрекословно подошелъ и началъ тереть и жать ноги кандидата, который, закрывши глаза, вкушалъ удовольствіе и не оставлялъ при этомъ руководить малаго. Когда я невольно засмѣялся отъ такой неожиданности, кандидатъ, открывши глаза, полукосо и какъ бы недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

Жаръ па́лилъ, на воздухѣ было знойно, въ кибитѣ душно и темно; достаточно было выйти на 5 минутъ, чтобы почувствовать почти о́бжогъ на лицѣ и шеѣ; платье быстро нагрѣвалось; животныя, лошади, коровы, сбились отъ жары въ кучки, головами внутрь, и понуро стояли, обмахиваясь хвостами. Лишь къ вечеру купанье и чаепитіе облегчило жару.

Вечеромъ, когда въ кибиткѣ было уже темно, огня не зажигали и просвѣчивалъ лишь свѣтъ взошедшей луны, я и кандидатъ лежа разговаривали.

Своеобразная и крупная физіономія «кандидата», Маштія занимала меня и невольно хотѣлось проникнуть во внутренній душевный строй его.

Видя, что Маштій, киргизъ 64 лѣтъ, безъ видимаго обремененія совершаетъ верхомъ довольно большое путешествіе, веселъ и нерѣдко смѣется, терпѣливо выжидаетъ времени нашего выѣзда изъ аула, я спросилъ его черезъ переводчика:

— Кандидатъ, бываетъ ли тебѣ когда нибудь скучно?

— Зачѣмъ скучно? — отвѣтилъ онъ, намъ скучно не бываетъ, у насъ вѣдь заботы есть, скота у меня много.

— А не бываетъ ли тебѣ тоскливо когда нибудь?

— Зачѣмъ тосковать? Слава Богу, скотъ у меня есть, чего же мнѣ больше?

— А если бы у тебя скота не было, тосковалъ ли бы тогда?

— Тогда тосковалъ бы.

— А если бы у тебя былъ скотъ, жена, а дѣтей не было, тосковалъ ли бы?

— Тосковалъ бы; какъ безъ дѣтей? когда дѣти есть, весело бываетъ жить и смотрѣть на нихъ.

— А если бы у тебя былъ скотъ, были дѣти, а не было бы жены, тосковалъ ли бы ты?

— Нѣтъ не тосковалъ бы, — коротко отвѣтилъ онъ, — зачѣмъ мнѣ баба, если она дѣтей не рожаетъ? Такую бабу мнѣ даромъ не надо.

По поводу его преклонныхъ лѣтъ я спросилъ Маштія:

— А скоро ли собираешься умирать, кандидатъ?

— Помру, когда Богъ смерть пошлетъ; когда помру, этого не знаю.

— Страшно помирать?

— Страшно, какъ не страшно, не знаешь, куда попадешь.

— Часто ты думаешь о смерти?

— Старый человѣкъ только и думаетъ о смерти, и днемъ и ночью думаетъ о ней. Что ты спрашиваешь меня, когда я помру? развѣ русскіе знаютъ, когда придется помирать? Развѣ не Богъ посылаетъ смерть, когда захочетъ?

— И они не знаютъ, когда смерть придетъ, отвѣтилъ я, въ нашихъ книгахъ прямо сказано, чтобы мы бодрствовали постоянно, потому что неизвѣстно, когда Богъ придетъ и пошлетъ смерть?

— Друсъ (т. е. вѣрно), отвѣтилъ мнѣ кандидатъ. Послѣдовало продолжительное молчаніе. Мы по прежнему лежали и каждый думали свое. Въ дверь и сквозь кибиточныя рѣшетки виднѣлись поле и горы, освѣщенныя прозрачнымъ свѣтомъ луны.

— Вотъ русскіе, неожиданно прервалъ молчаніе кандидатъ,—такой умный народъ, такъ много сдѣлали всякихъ изобрѣтеній, улучшеній, такъ хорошо живутъ, а что же до сихъ поръ не признали пророка Магомета?

Подобное заключеніе предъидущаго разговора было такъ неожиданно и своеобразно, что я засмѣялся и только послѣ этого отвѣтилъ:

— Зная раньше христіанство, нельзя принять магометанство.

Вопросъ моего собесѣдника весьма характеристиченъ и показываетъ, въ какой степени успѣло вкорениться въ киргизахъ магометанство. Впрочемъ, это — невозмутимость невѣдующихъ, а не то фанатичное, слѣпое упорство, съ какимъ отстаиваютъ и проповѣдуютъ свою религію татары.

Такая увѣренность въ превосходствѣ своей религіи у киргизъ—дѣло татарской пропаганды.

— Магометъ послѣдній пророкъ и Богъ сказалъ съ нимъ свою послѣднюю волю, какъ его не признаете? тономъ, не допускающимъ возраженія, сказалъ «кандидатъ», хотя онъ былъ совершенно неграмотный киргизъ; послѣ этого повернулся на бокъ и заснулъ.

Ни сомнѣній, ни терзаній, ни скуки жизни,—все было уравновѣшено въ этой могучей, рожденной властвовать и повелѣвать, натурѣ.

Мнѣ тогда же разсказывали, какъ однажды Маштій прекратилъ ссору между нѣсколькими волостями изъ-за земли: спорившіе раздѣлились на два лагеря и готовы были перейти въ междоусобіе; помощникъ уѣзднаго начальника ничего не могъ сдѣлать и обратился къ Маштію, славившемуся искусствомъ разрѣшать споры. Маштій явился къ собранію спорившихъ, разспросилъ, въ чемъ дѣло, и быстро сообразивъ, началъ такую рѣчь: на той сторонѣ, которая не соглашается на уступки, коноводы тѣ-то и тѣ-то; одинъ изъ нихъ сынъ такого-то киргиза, сосланнаго за убійство въ Сибирь, у другого отецъ сидѣлъ въ острогѣ за воровство, отецъ третьяго уличенъ въ мошенничествѣ; поэтому предлагаю составить протоколъ, что они смущаютъ больше всѣхъ народъ и и что они дѣти такихъ-то, и представить начальству».

Толпа, а особенно тѣ, родословную которыхъ «кандидатъ» разоблачилъ, какъ только услышали такое предложеніе, немедленно же закричалъ «нѣтъ, не надо протокола», и согласились на всѣ уступки; когда Маштій нѣкоторое время настаивалъ на своемъ, изобличенныя

имъ лица даже плакали, прося его отказаться отъ протокола; такъ Маштій уладилъ дѣло къ удовольствію властей.

У рѣчки Кунджду мы были привлечены большимъ собраніемъ киргизъ, по другую сторону Мугоджаръ ожидались поминки (такъ наз асъ) по богатомъ киргизѣ Иргискаго уѣзда.

«Кандидатъ» хотѣлъ было проститься здѣсь со мною, такъ какъ онъ исполнилъ приказаніе Темирскаго уѣзднаго начальника, доставилъ меня до горы Айрыкъ, и я заплатилъ ему уже за труды и далъ свою карточку на память; но кандидатъ передумалъ, сказалъ, что скоро ему разставаться со мною, что хочетъ передать меня въ надежныя руки, и поѣхалъ на поминки, хотя стѣснялся своей дорожной, а не праздничной одеждой.

Мы переѣзжали Мугоджарскія горы, и навстрѣчу намъ попадались красивыя, горныя вечернія картины.

Послѣ двухъ, трехъ часовъ ѣзды мы перевалили горы и спрашивали во встрѣчныхъ аулахъ, гдѣ мѣсто поминокъ. Намъ указали, и поѣздъ нашъ понесся еще скорѣе, чтобы съ шикомъ подъѣхать къ мѣсту, гдѣ мы должны были встрѣтить множество киргизъ.

Мы подкатили къ кибиткѣ на небольшой горѣ; кругомъ тѣснилось много конныхъ киргизъ, и у входа я поздоровался съ двумя высокими, съ длинными бородами, пожилыми киргизами, богато одѣтыми,—это были распорядители поминокъ.

Съ пригорка вокругъ раскрывалось весьма красивое зрѣлище: въ долинѣ полукругомъ были поставлены до 125 кибитокъ, на берегу протекавшей рѣчки ярко свѣтились въ наступившей полутемнотѣ болѣе 30 костровъ, на которыхъ варились кушанья; все пространство было оживлено народомъ и стадами. Собралось киргизъ до 2000 человѣкъ.

Для насъ, какъ почетныхъ гостей, устроили вечернее угощеніе; пришелъ и распорядитель поминокъ—богатый киргизъ Чуланъ Карагуловъ.

Начались по обычаю оживленные разговоры и часто обращались съ фразами къ „кандидату“, но послѣдній держалъ себя въ этотъ разъ необычно: онъ былъ серьезенъ, отвѣчалъ солидно, видно было, что стѣснялся своей простой одежды, тогда какъ онъ такой уважаемый киргизъ и располагаетъ достаткомъ.

Спустя нѣкоторое время, распорядитель Чуланъ Карагуловъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „вотъ этотъ Маштій—почтенный человѣкъ, у насъ прежде бывали батыри, которыхъ зналъ и уважалъ весь народъ и которые большія дѣла совершали; — и онъ былъ бы у насъ батырь, если бы не русскіе „владѣли нами“.

— Вѣрно, вѣрно, подтвердили эти слова всѣ присутствовавшіе и хвалили Маштія.

Послѣдній оставался скроменъ, какъ подобаетъ истинному величію.

Ему и на этихъ поминкахъ выпалъ случай доказать свое искусство примирять враждующихъ.

Когда мы послѣ этого лежали въ кибиткѣ и вели разговоры, спасаясь отъ жары (въ числѣ гостей были писарь Усыль-Каринской волости Актюбинскаго уѣзда и одинъ обрусѣвшій кирзисъ), вдругъ послышались крики среди кибитокъ; мы поднялись и пошли смотрѣть, въ чемъ дѣло; говорили, что случилась драка среди киргизъ и дѣйствительно, съ высоты холма мы увидѣли въ центрѣ кибитокъ большую толпу конныхъ киргизъ; въ большомъ смятеніи двигавшуюся туда и и сюда. Произошла ссора между наѣхавшими гостями, какъ расказывали, изъ-за чашки мяса.

Два киргиза заспорили изъ-за чашки и подрались, за каждаго изъ нихъ вступились родственники, а за тѣмъ и дальнѣйшіе родичи; вначалѣ киргизы дрались нагайками, а когда мы стали смотрѣть съ высоты холма, они раздѣлились на три партіи и, какъ бы приготовляясь къ сраженію, разъѣхались въ разныя стороны; зрѣлище было эффектное; одна сторона хлынула вонъ изъ круга кибитокъ на тотъ холмъ, гдѣ мы стояли и азартно стала тараторить между собою; но вотъ послышались голоса, требовавшіе въ третейскіе судьи моего проводника, моего «кандидата».

Маштій съ самодовольной усмѣшкой сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ центръ кибитокъ; за нимъ тронулась вся партія киргизъ, выѣхавшихъ на холмъ.

Маштій скрылся въ толпѣ киргизъ и долгое время не возвращался.

По состоянію картины, по ослабленію возбужденія можно было предполагать, что драки не будетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени возвратился Маштій и говорилъ, что примирилъ споривших, хотя другіе почему то отрицали его заслугу въ данномъ случаѣ, разсказывали, что киргизы сами собой примирились, когда сосчитавъ численность партій, увидѣли, что онѣ почти равны и что игра свѣчъ не стоитъ: никто изъ нихъ не взялъ бы верха и поэтому не стоило начинать драки. Возбужденіе опало, и киргизы разсѣялись по кибиткамъ продолжать угощаться. Тѣмъ не менѣе кандидатъ и здѣсь явился третейскимъ судьей.

Говорятъ, что подобныя схватки случаются нерѣдко среди дикихъ киргизъ разныхъ волостей и оканчиваются нерѣдко убійствами.

Разстался я съ „кандидатомъ» на третій день поминокъ рано утромъ; задолго до разсвѣта разбудилъ онъ меня и сообщилъ, что уѣзжаетъ.

Еще наканунѣ онъ былъ скученъ, продолжительное путешествіе верхомъ на лошади и разлука съ своимъ ауломъ утомили этого батыря по рожденію и побуждали стремиться назадъ; при лучахъ ранняго разсвѣта сердечно простились мы съ нимъ и обѣщали помнить другъ друга; съ просьбой написать уѣздному начальнику о томъ, какъ провожалъ онъ меня, скрылся изъ моихъ глазъ этотъ батырь, который въ другое время предводительствовалъ бы народными полчищами и былъ бы воспѣтъ въ поэмахъ, а теперь безпрекословно, какъ нижній полицейскій чинъ, исполнялъ велѣнія русскаго уѣзднаго начальника, подъ часъ, можетъ быть, прихотливыя.

XIV. Народное здравіе.

Теперь скажу нѣсколько словъ о народномъ здравіи. Киргизы вообще народъ здоровый, и болѣзни не распространены среди нихъ. Есть только болѣзни, обусловливаемыя ихъ бытомъ, а именно: лихорадка, чесотка и отчасти сифилисъ.

Лихорадкой киргизы хвораютъ иногда массами, какъ я убѣдился въ этомъ самъ; распространеніе лихорадки зависитъ отъ рѣзкихъ колебаній климата весной и осенью, когда послѣ дневнаго жара наступаютъ очень холодныя ночи, также отъ кочеваній въ болотистыхъ мѣстахъ, такъ какъ болотныя озера попадаются въ области нерѣдко, и отъ другихъ причинъ; отъ рѣдкаго обмыванія тѣла киргизы весьма страдаютъ чесоткой, отъ которой они не знаютъ иногда куда дѣваться; киргизы, живущіе вблизи русскихъ поселеній, менѣе страдаютъ этой болѣзнью, потому что знаютъ, что лучшее средство отъ нея — горячая и частая баня. Хотя киргизы по могаметанскому обычаю и дѣлаютъ 5 разъ въ день омовенія, но эти омовенія холодной водой ни къ чему не ведутъ.

Въ слѣдствіе сосѣдства съ русскими селеніями и значительной свободы поведенія киргизской женщины у киргизъ встрѣчается и сифилисъ, къ тому же молодые мужья считаютъ за удальство хвастаться невѣрностью передъ женами.

Имѣя высокія представленія о русскихъ, киргизы отъ каждаго проѣзжающаго ждутъ вообще всякаго рода объясненій, а также и меди-

цинской помощи, признавая въ русскомъ соединеніе всякихъ спеціальностей; и русскій, если не удовлетворитъ ихъ ожиданій, рискуетъ пасть въ ихъ мнѣніи; поэтому можно рекомендовать всякому собирающемуся ѣхать къ киргизамъ и вообще инородцамъ запасаться главными медикаментами противъ общераспространенныхъ болѣзней; и сдѣлавъ это, онъ не будетъ раскаяваться, потому что не разъ удастся оказать этимъ бѣднымъ инородцамъ дѣйствительную помощь; киргизы если что и просятъ отъ русскаго, такъ это именно—лѣкарствъ (даре́).

Тургайская администрація уже озаботилась устройствомъ фельдшерскихъ пунктовъ въ степи, которые, встрѣтивъ сначала противодѣйствіе, теперь прочно привились, и какъ въ началѣ киргизы упорно отказывались прививать оспу, такъ теперь толпами приходятъ за этимъ къ фельдшерскимъ пунктамъ, представляющимъ изъ себя туже кибитку киргизскую и кочующимъ вмѣстѣ съ ауломъ.

Но у киргизъ существовали издавна и существуютъ собственные лѣкари-знахари, изъ которыхъ одни лѣчатъ обыкновенными средствами, другіе — съ помощью призыванія духовъ; эти послѣдніе лѣкари называются баксы и представляетъ такое любопытное явленіе въ киргизской жизни, что о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

XV. Баксы.

Баксы́-кудесники, волхвующіе по стариннымъ языческимъ обычаямъ.

Это — тѣ же шаманы нашихъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ: остяковъ, доманoвъ, юраковъ и самоѣдовъ, какъ извѣстно, обладающіе даромъ непосредственнаго общенія съ духами.

Они гадаютъ, лѣчатъ, ухаживаютъ за сумасшедшими и производятъ различныя чудеса; процвѣтали особенно раньше, когда не было докторовъ.

Много необыкновенныхъ и почти сказочныхъ разсказовъ существуетъ о нихъ, между прочимъ, и въ литературѣ о киргизахъ, но я передамъ только тѣ изъ нихъ, которые пришлось самому слышать на мѣстѣ.

Чтобы производить чудеса, баксы долженъ привести себя въ возбужденіе, ради чего онъ играетъ на кобызѣ, двухструнномъ, смычковомъ инструментѣ (о немъ я буду говорить далѣе) и постепенно болѣе и болѣе оживляется; при этомъ онъ пѣніемъ призываетъ на помощь пророка и всѣхъ святыхъ.

Здѣсь мы видимъ смѣшеніе двухъ вліяній: съ одной стороны баксы—явленіе языческаго быта, съ другой стороны они подъ вліяніемъ мусульманства призываютъ пророка и святыхъ.

Когда онъ приходитъ въ неистовство, то можетъ гадать и волховать, лизать раскаленное желѣзо безъ вреда; можетъ будто бы вонзать въ свое тѣло ножъ и вынимать съ другой стороны, напр. воткнетъ въ одинъ бокъ, а вынетъ вмѣстѣ съ рукояткой изъ другого; но онъ и другихъ заставляетъ вбивать ножъ въ свою грудь; показавшуюся кровь онъ проглатываетъ; нѣкоторое время онъ ходитъ съ ножомъ въ груди, конецъ котораго виднѣется на спинѣ, затѣмъ вынимаетъ его; можетъ взбираться на самый верхъ кибитки и свѣситься оттуда внизъ головой, держась только пальцемъ ноги; иногда возьметъ опояшется одинъ разъ веревкой и концы ея даетъ тянуть изъ всѣхъ силъ нѣсколькимъ человѣкамъ; эти послѣдніе затянутъ такъ сильно, что талія кудесника дѣлается не толще кисти руки, а баксѣ ничего не дѣлается, или раскалятъ до красна желѣзную плиту и онъ станетъ на нее босыми ногами, ноги зашипятъ подъ нимъ, точно жарятся, а баксѣ ничего не дѣлается.

Однажды въ присутствіи киргизскаго уѣзднаго начальника баксы воткнулъ себѣ въ ротъ ножъ, такъ что конецъ его былъ виденъ съ другой стороны, на шеѣ; полилась въ небольшомъ количествѣ кровь, народъ (русскіе), особенно женщины, въ страхѣ разбѣжались; уѣздный начальникъ, давши 15 руб., приказалъ ему прекратить зрѣлище; тогда баксы вынулъ ножъ обратно; въ подобныхъ случаяхъ у баксы кровь течетъ слегка, и стоитъ ему только вытереть рукой мѣсто, откуда течетъ кровь, какъ она пріостанавливается.

Баксы все время остается въ разсудкѣ и отвѣчаетъ на всѣ вопросы постороннихъ; въ возбужденномъ состояніи онъ разсказываетъ въ подробностяхъ ходъ болѣзни, отчего она, какое будетъ ея теченіе, какъ кончится, излѣчима она или нѣтъ, какія средства надо употреблять и т. п., иногда самъ даетъ средства.

Въ такомъ состояніи глаза баксы́ дѣлаются страшными и смотрятъ такъ пронзительно, что нельзя вынести ихъ взгляда и хочется смотрѣть въ сторону.

Иногда баксы́ заговариваетъ самый кобызъ и заставляетъ его стоять прямо, на доскѣ, хотя форма кобыза (его кузовъ) не позволяетъ этого.

Былъ будто бы случай, когда баксы́ очаровалъ присутствовавшихъ и заставилъ ихъ видѣть въ срединѣ себя озеро, въ которомъ плавали золотыя рыбки; баксы́ велѣлъ каждому поймать по рыбкѣ; когда они поймали, озеро и рыбки пропали, а въ рукахъ присутствовавшихъ оказалась зола.

Откуда такія чудодѣйственныя силы у баксы́, киргизы объясняютъ тѣмъ, что ему помогаетъ нечистая сила, діаволъ (джинъ-бѣсъ или шайтанъ-сатана), большею частью такъ называемый ак шайтан (бѣлый сатана); есть и кара́-шайтан (черный сатана), но этотъ шайтанъ не помогаетъ.

Чтобы быть баксъ, необходимо, по ихъ словамъ, чтобы въ человѣка вселилось 1000 духовъ (джиновъ). Иногда баксы явно шарлатанятъ и насилуютъ женщинъ во время лѣченія.

Число баксы сократилось въ настоящее время: съ одной стороны законъ запрещаетъ заниматься шаманствомъ со времени изданія новаго степнаго положенія для киргизъ 1868 г., и появившіеся въ степи доктора особенно возстаютъ противъ баксъ; съ другой стороны муллы проповѣдуютъ, что шаригатъ (духовный законъ мусульманъ) запрещаетъ гадать, и прямо говорятъ, что грѣшно обращаться къ баксамъ за помощью, и киргизы эти гаданія и чудеса баксъ считаютъ за грѣхъ: Богъ де запрещаетъ узнавать будущее, будущее знали только пророки, которыхъ больше нѣтъ и не будетъ, остальнымъ людямъ знать будущее не слѣдуетъ, поэтому если баксы́ предсказываютъ будущее, то это съ помощью нечистой силы.

Теперь баксы́ проживаютъ гдѣ нибудь вдали отъ властей и тайно занимаются своимъ искусствомъ. Это тѣ же наши волхвы, гадальщики и т. п. Имъ не вѣрятъ теперь и сами старики киргизы и гоняютъ ихъ изъ своихъ ауловъ: законъ не велитъ, шаригатъ запрещаетъ.

Въ Бистамакской волости Актюбинскаго уѣзда Тургайской области, въ 1882 г. одинъ баксы́ подвергся поруганію и всеобщему осмѣянію.

Одинъ киргизъ, не вѣря баксѣ и желая испытать его, притворился больнымъ, велѣлъ женѣ постелить себѣ въ кибиткѣ постель какъ больному, заохалъ, застоналъ, поставилъ около себя чашки съ водою, какъ бы для утоленія жажды и велѣлъ женѣ позвать баксы́. Баксы́, молодой киргизъ, красивый изъ себя, пришелъ, сталъ играть на кобызѣ и, придя въ возбужденное состояніе, приступилъ къ осмотру больного: началъ ощупывать ему руки, гдѣ пульсъ, икры ногъ, бока и др. части тѣла, ощупывалъ и недоумѣніе не сходило съ его лица: — «что это, какъ будто у тебя нѣтъ никакой болѣзни?» сдѣлалъ вопросъ баксы́; больной заохалъ еще сильнѣе, баксы́ опять сталъ его осматривать и опять сказалъ: «никакой болѣзни въ тебѣ нѣтъ», больной продолжалъ охать; тогда баксы́ еще поигралъ на кобызѣ и объявилъ: «нѣтъ, маленькая болѣзнь въ немъ есть, надо его полѣчить;» только лишь онъ принялся за лѣченіе, какъ мнимый больной вскочилъ и, закричавъ баксѣ: «обманщикъ»,

началъ жестоко бить его ногайкой (камчѐ), толкая вонъ изъ кибитки, самый кобызъ его схватилъ и изломалъ въ кусочки; поруганный баксы съ тѣхъ поръ такъ и пропалъ куда-то.

Много говорилъ народъ по этому случаю и смѣялся.

Такъ слабѣетъ въ немъ вѣра въ силу баксы.

Многое изъ того, что разсказываютъ о баксахъ, кажется маловѣроятнымъ, но лица, передававшія мнѣ, увѣряли рѣшительно, что всѣ эти разсказы дѣйствительность; въ числѣ этихъ лицъ были русскіе, заслуживавшіе довѣрія, въ томъ числѣ, напр. уѣздный начальникъ. Несомнѣнно, что здѣсь имѣютъ мѣсто разнаго рода мало изслѣдованные способы психическаго воздѣйствія и изслѣдовать послѣдніе, насколько они присущи баксамъ, было бы интересной задачей.

Я очень хотѣлъ увидѣться съ баксы, но это мнѣ не удавалось, такъ какъ ихъ теперь уже мало; я былъ радъ, когда нашелъ и купилъ музыкальный инструментъ баксы — кобызъ; а черезъ нѣсколько времени доѣхалъ было до самаго баксы (былъ въ 25 верстахъ отъ него и просилъ волостнаго управителя привести мнѣ его, но посланный черезъ сутки возвратился отъ баксы съ отвѣтомъ, что во-первыхъ, у него нѣтъ лошади, чтобы ѣхать, а потомъ, что «уже давно всѣ нечистыя силы удрали отъ него». Онъ, вѣроятно, боялся русскаго и какого-нибудь преслѣдованія и поэтому уклонился ѣхать.

Въ числѣ представленныхъ мною здѣсь фотографій есть два снимка какъ съ самаго баксы, такъ со сцены лѣченія.

XVI. Русская просвѣтительная дѣятельность въ степи.

Большая даровитость киргизъ и способность къ культурнымъ воспріятіямъ доказываются также замѣчательными успѣхами русскаго образованія среди киргизъ, о чемъ стоитъ здѣсь упомянуть.

Русскія просвѣтительныя вліянія въ киргизской степи распространяются двоякимъ путемъ: путемъ дѣятельности миссіи и путемъ организаціи школъ.

Православный миссіонерскій станъ въ Тургайской области учрежденъ недавно въ 1892 г. въ г. Кустанаѣ и вызванъ живою потребностью.

Русскіе переселенцы, все болѣе проникая въ киргизскія аулы и будучи обремены нуждою, попадали въ большую экономическую зависимость къ киргизамъ богачамъ и вмѣстѣ съ этимъ стали подвергаться и вліянію среды и мусульманства; забывали свои обычаи и даже вѣру, становились чуть не мусульманами.

Между тѣмъ въ степи уже съ прошлаго столѣтія ведется сильная татарско-магометанская пропаганда благодаря ошибкѣ русскаго правительства, допустившаго распространять исламъ среди киргизъ. Въ настоящее время эта пропаганда оказалась огромной помѣхой для русскаго культурнаго дѣла, и администраціи самымъ серьезнымъ образомъ приходится считаться съ нею, а муллы и учителя открываютъ всюду подвижныя дешевыя школы, такъ называемыя мектебé, путемъ которыхъ успѣшно утверждаютъ мусульманскую грамотность.

Ихъ пропаганда не оставила безъ вниманія и русскихъ поселенцевъ и тогда власти увидѣли необходимость имѣть на мѣстѣ миссіонера, который объѣзжалъ бы русскія семейства, въ одиночку разсѣянныя по ауламъ и утверждалъ ихъ въ правилахъ вѣры и русскихъ обычаяхъ. Въ лицѣ миссіонера свящ. о. Соколова кустанайскій станъ съ успѣхомъ исполнялъ свое назначеніе и уже насчитываетъ до 50 чел. крещеныхъ имъ киргизъ.

Проповѣдь ведется, конечно, путемъ лишь убѣжденія и въ духѣ кротости и братства къ инородцамъ, причемъ русскимъ поселенцамъ внушается чтобы они жили съ киргизами мирно, честно и въ любви, сами вели хорошій образъ жизни и чтобы черезъ нихъ святилось имя Божіе въ степи.

Здѣсь высказываются тѣ начала, благодаря которымъ русская инородческая политика всегда имѣла успѣхъ,—начала терпимости, равенства, снисхожденія къ инородцамъ, которыя были высказаны еще въ Соборномъ Уложеніи Алексѣя Михайловича 1679 г. и не разъ повторялись въ царскихъ и императорскихъ указахъ воеводамъ и губернаторамъ; если прослѣдить исторію распространенія нашихъ владѣній въ Средней Азіи, то окажется, что русское правительство постоянно держалось умѣренности, терпѣнія и снисхожденія къ инородцамъ и этимъ способомъ пріобрѣтало себѣ симпатіи народовъ, и сила вещей сама собой переходила въ руки русскихъ.

Весною 1896 г. изъ Семипалатинской или Акмолинской области бѣжали въ Китайскіе предѣлы нѣсколько сотъ кибитокъ киргизъ; по этому поводу другіе киргизы разсуждали: «Глупые наши киргизы, что бѣгутъ въ Китай. По нашей пословицѣ—народъ русскій это ременная узда (т. е. мягкій), а народъ китайскій—желѣзная узда (т. е. твердый). У насъ всякое дѣло сначала разберутъ, а потомъ только накажутъ; а у китайцевъ безъ всякаго суда снимутъ голову». («Правосл. Благовѣстникъ» 1896 г. № 9, май).

Сказанныя начала глубоко отличали нашу политику отъ англійской: проф. Красновъ изъ своего послѣдняго путешествія разсказывалъ, что въ

Инди за то, что онъ просто по человѣчески обращался съ Индусомъ, своимъ проводникомъ и однажды посадилъ его вмѣстѣ съ собою въ экипажъ, англійскіе семейные дома закрыли для него входъ къ себѣ.

Если въ нашей инородческой политикѣ были ошибки и замѣшательства, то виновны въ этомъ оказывались чаще мѣстные администраторы, а не основная наша политика.

Еще успѣшнѣе русское просвѣщеніе усваивается киргизами школьнымъ путемъ. Въ Оренбургѣ въ 1896 г. напечатана книга г. Васильева «Историч. очеркъ русск. образов. въ Тургайск. обл.», въ обстоятельномъ изложеніи сообщающая весьма интересныя свѣдѣнія объ успѣхахъ русскаго образованія въ степи.

На призывы русскихъ къ образованію киргизы отозвались щедрыми пожертвованіями въ сотняхъ тысячъ какъ на начальное, такъ и на среднее образованіе, и можно сказать, что образованіе Оренбургскаго края создано въ значительной степени на деньги киргизъ, что тѣмъ замѣчательнѣе, что другіе инородцы, напр., татары, упорно уклоняются отъ русскаго образованія, а башкиры никогда не выказывали подобной готовности на пожертвованія.

Русскимъ просвѣтительнымъ усиліемъ въ киргизской степи почти съ самаго начала пришлось вступить въ борьбу съ татарской мусульманской пропагандой.

Татары еще со второй половины прошлаго столѣтія разсѣялись по киргизской степи въ качествѣ муллъ и торговцевъ и начали дѣятельную пропаганду мусульманства среди киргизъ. Правительство не препятствовало этой пропагандѣ, что было крупною ошибкою его: киргизская степь на долго была упущена для христіанской проповѣди, которая имѣла бы несомнѣнный успѣхъ среди киргизъ-язычниковъ; вмѣсто того среди нихъ укоренилось магометанство, съ которымъ теперь серьезно приходится считаться и бороться русскому правительству какъ не только съ религіозной, но даже и политической силой.

Уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія признано было однимъ изъ самыхъ существенныхъ средствъ борьбы противъ мусульманства и укрѣпленія русскаго вліянія—распространеніе русскаго образованія въ степи.

Первымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое былъ открытъ доступъ для киргизъ, является Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, открытый въ 1825 г.

Въ 1847 г. открыта была въ Оренбургѣ фельдшерская школа, но ей не посчастливилось на первыхъ же порахъ: двое изъ поступившихъ въ школу киргизятъ заболѣли и умерли: одинъ—черезъ три, другой че-

резъ 4 мѣсяца. Вѣсть о смерти ихъ быстро разнеслась по степи и была причиною того, что не только не являлось новыхъ охотниковъ поступить въ школу, но и поступившіе уже было въ нее, выбыли то по болѣзни, то по семейнымъ обстоятельствамъ. Это было первымъ доказательствомъ малой пригодности для киргизъ городскихъ школъ съ чуждой и душной для вольнаго степняка обстановкой.

Первымъ заведеніемъ, открытымъ спеціально для киргизъ, была школа для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Коммисіи (съ 1850 г.). Въ исторіи этой школы поразительно то, что сама русская администрація считала возможнымъ допустить татарско-мусульманскія основы воспитанія и обученія киргизскихъ дѣтей.

Во главѣ школы въ первое время ея существованія былъ поставленъ татаринъ и въ русской школѣ введено было преподаваніе для киргизъ татарскаго языка.

При такомъ взглядѣ на дѣло, мулла какъ мусульманскій вѣроучитель, имѣлъ громадное вліяніе на киргизскихъ дѣтей.

Лишь съ 1879 года начинается замѣтное улучшеніе школьнаго дѣла въ области.

Въ 1877—78 годахъ Окружный Инспекторъ инородческихъ школъ Катаринскій осмотрѣвъ школы области, нашелъ и доносилъ начальству, что въ нихъ происходило ученіе татарско-магометанское подъ руководствомъ татарскихъ муллъ, или, что тоже, въ нихъ открыты медрессе.

Администрація пришла наконецъ, къ сознанію, что инородческое образованіе должно быть основано на русскихъ началахъ. Выразителемъ этого новаго направленія явился Н. Н. Ильминскій, который еще въ началѣ 70-хъ годовъ изложилъ свой планъ инородческаго образованія.

По мнѣнію Ильинскаго, противъ сильно распространившейся среди киргизъ татарско-мусульманской культуры можно дѣйствовать лишь образованіемъ, одинообразнымъ и единодушнымъ, — путемъ открытія школъ въ укрѣпленіяхъ и аулахъ и обученія въ нихъ дѣтей, по книгамъ приспособленнымъ къ ихъ пониманію, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ.

Въ школѣ долженъ и въ преподаваніи и даже въ разговорѣ господствовать языкъ киргизскій, а русскій языкъ долженъ быть предметомъ изучаемымъ; главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣетъ второстепенное, хотя важное значеніе.

Въ духѣ взглядовъ, высказанныхъ Н. Н. Ильминскимъ, и была основана въ 1882 году киргизская учительская школа въ гор. Орскѣ,

которая затѣмъ въ 1889 году была переведена въ Оренбургъ и до настоящаго времени снабжаетъ начальными учителями киргизскую степь.

Интересно участіе киргизъ въ исторіи Оренбургской гимназіи: когда возникла мысль объ учрежденіи въ Оренбургѣ гимназіи, было признано справедливымъ обратиться за пожертвованіями и къ киргизамъ наравнѣ съ прочими жителями Оренбургскаго края. Быстро облетѣла по степи вѣсть о сборѣ пожертвованій на гимназію и вызвала въ киргизахъ живое сочувствіе. Сама областная администрація не предполагала такого сильнаго притока пожертвованій; поступленіе ихъ превысило ожидаемую сумму почти въ три раза.

Къ половинѣ 1867 года, за годъ до открытія гимназіи оказалось, что общая сумма пожертвованій равнялась 55,936 руб. 78¹/₄ коп., тогда какъ помѣщеніе для гимназіи исчислено было всего въ тысячъ. Собранной суммы, какъ взноса со стороны киргизъ, не было достаточно для устройства гимназіи, но генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ отдѣлить изъ нея 25 тысячъ на устройство въ Оренбургѣ женской гимназіи, въ которой могли бы получать образованіе и дочери киргизъ. Такимъ образомъ Оренбургскія мужская и женская гимназія почти всецѣло воздвигнуты на киргизскія средства при чемъ сами киргизы сравнительно мало пользуются этими заведеніями: такъ за время съ 1869 по 1891 года мужской гимназіи учились 50 человѣкъ киргизъ, изъ которыхъ 6 человѣкъ кончили полный курсъ, а въ женскую гимназію до настоящаго времени не поступало ни одной киргизской дѣвочки.

Также и Троицкая гимназія въ Оренбургской губерніи воздвигнута при значительномъ содѣйствіи киргизъ.

Кстати два слова объ университетскомъ и гимназическомъ образованіи киргизъ. То обстоятельство, что за время съ 1869 по 1891 годъ изъ 50 человѣкъ киргизъ, обучавшихся въ Оренбургской мужской гимназіи, кончило курсъ только 6 человѣкъ, а изъ всѣхъ киргизъ не только Тургайской, но и другихъ областей, обучавшихся въ университетахъ съ 1877 г. по 1891 годъ окончило курсъ лишь 6 человѣкъ и затѣмъ большинство сдѣлались чиновниками даже внѣ киргизскихъ предѣловъ, какъ это видно изъ таблицы въ разсматриваемой книгѣ (стр. 144)—это обстоятельство указываетъ на не пригодность гимназическаго и университетскаго образованія для киргизъ; образовывая инородцевъ, мы должны имѣть цѣлью, чтобы они, получивъ образованіе, сдѣлались полезными дѣятелями и просвѣтителями среди своего же племени, а не то, чтобы превращались въ русскихъ чиновниковъ, которыхъ у насъ и безъ того много.

Вообще тотъ типъ интеллигента, который вырабатываютъ наши учебныя заведенія, мало пригоденъ къ условіямъ киргизской среды, и поэтому многіе сожалѣютъ о прежней школѣ для киргизскихъ дѣтей, закрытой со времени основанія Оренбургской гимназіи, которая во многихъ отношеніяхъ была приспособлена къ потребностямъ киргизской жизни.

XVII. Аульныя школы.

Въ исторіи русскаго образованія въ Тургайской области слѣдуетъ отмѣтить какъ самое важное явленіе организацію совершенно новаго типа школъ—аульныхъ подвижныхъ школъ, крайне отвѣчающихъ условіямъ кочевого быта. Мотивами къ созданію этого типа школъ были слѣдующія обстоятельства: 1) Сознаніе дороговизны прежнихъ школъ при уменьшившихся средствахъ на образованіе; 2) неудобство для кочеваго быта школъ, пріуроченныхъ къ одному пункту, въ силу чего киргизскія дѣти плохо привыкали къ неподходящимъ для нихъ условіямъ обученія; 3) большая распространенность въ степи татарскихъ не затѣйливыхъ школъ—мектебе, преимущество которыхъ было въ ихъ неприкрѣпленности къ одному мѣсту.

Эти туземныя школы—мектебе и послужили первообразомъ для подвижныхъ аульныхъ школъ.

Стоимость ежегоднаго содержанія такой школы исчислено въ 324 руб.

Аульныя школы быстро привились къ киргизскому быту; къ 1 января 1896 года ихъ числилось до 35, а въ теченіи настоящаго года составленъ рядъ приговоровъ сельскихъ обществъ объ открытіи новыхъ школъ.

Аульная школа представляетъ весьма любопытное зрѣлище. Внѣшне представляя туже кибитку, какъ и другія жилища киргизъ, она и внутри имѣетъ оригинальное устройство: посреди нея стоятъ одинъ или два длинныхъ низкихъ деревянныхъ стола, похожихъ на широкія скамейки; кругомъ разостланы ковры, на которыхъ около стола размѣщаются киргизскія дѣти во время ученія, опустившись на колѣни и откинувшись корпусомъ на пятки; книги лежатъ на столѣ; когда учитель-киргизъ изъ окончившихъ курсъ Оренбургской киргизской учительской школы вызываетъ ученика, послѣдній поднимается съ пятокъ, но остается на колѣняхъ и въ такомъ видѣ отвѣчаетъ; школьники не носятъ тюбетеекъ и отпускаютъ себѣ волоса, это первое отличіе инородца-ученика русской школы.

Для посторонняго посѣтителя бросается въ глаза вниманіе и усидчивость, съ какими занимаются киргизята въ аульныхъ школахъ даже лѣтомъ; естественная дисциплина въ школѣ царитъ сама собою, безъ усилій со стороны учителя; учащіеся отвѣчаютъ толково, а нѣкоторые уже правильно читаютъ по русски.

Желаніе учиться у киргизскихъ дѣтей на столько велико, что даже лѣтомъ не тяготятся они заниматься, и прежніе случаи побѣговъ киргизскихъ дѣтей съ началомъ весны изъ городскихъ и вообще не подвижныхъ школъ надобно объяснять не ихъ нерасположеніемъ къ ученію, а не приспособленностью прежнихъ школъ къ киргизскимъ навыкамъ.

Когда школа была перенесена внутрь киргизской среды, киргизы обнаружили явную приверженность къ ученію, и случаи побѣговъ изъ школы уже не повторялись. Ученье лѣтомъ въ аульныхъ школахъ происходитъ, между прочимъ, потому, что каникулярными мѣсяцами приняты для этихъ школъ апрѣль и сентябрь, когда киргизы перебираются съ зимовокъ на кочевки и обратно, и вести ученье тогда не возможно.

Аульныя школы представили изъ себя явленіе на столько удачное, что обратили на себя вниманіе въ сосѣднихъ областяхъ: такъ степной генералъ-губернаторъ фонъ-Таубе въ 1891 году просилъ военнаго губернатора Тургайской области сообщить ему подробныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ. О томъ же просилъ въ 1896 году и губернаторъ Акмолинской области.

Въ 1894 году Министерство Финансовъ возбудило вопросъ о введеніи аульныхъ школъ въ Уральской области въ виду дороговизны существующихъ тамъ школъ.

Можно съ большимъ вѣроятіемъ ожидать распространенія этого типа школъ вообще среди кочевыхъ народностей и предсказывать имъ большую будущность.

Такимъ образомъ Тургайская область въ отношеніи народнаго образованія занимаетъ передъ другими киргизскими областями передовое положеніе и нѣтъ ничего невѣроятнаго если въ недалекомъ будущемъ въ Тургайской области осуществится повсемѣстное обученіе.

XVIII. Заключеніе.

Отлагая сообщеніе о музыкѣ и пѣсняхъ киргизъ на вторую часть отчета, въ заключеніе позволяю себѣ изложить тѣ послѣднія впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ поѣздки въ степь, возвращаясь въ Оренбургъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Оставивъ киргизскую степь, я ѣхалъ послѣдніе 70 верстъ передъ Оренбургомъ русскими хуторами и нѣмецкими колоніями; на пространствѣ этихъ 70-ти верстъ въ теченіе одной ночи мнѣ пришлось видѣть и сравнить три культуры: культуру, если такъ можно сказать,—киргизскую, русскую и нѣмецкую.

Я выѣхалъ изъ послѣдней киргизской станціи подъ вечеръ. Дорога лежала среди слегка холмистой степи, среди свободныхъ еще, незанятыхъ полей; кругомъ былъ разлитъ живительный степной воздухъ; на западѣ горѣла ясная заря, а па другой сторонѣ небосклона уже показывалась луна; только звонъ колокольчика и оклики моего ямщика оглашали степное безмолвіе, да изрѣдка попадались подводы крестьянъ и казаковъ. Была теплая, ясная лунная ночь, когда мы около полуночи добрались до русскаго хутора на рѣчкѣ Донгузъ.

Среди луннаго полумрака хуторъ казался мнѣ благоустроеннымъ, зажиточнымъ, и я думалъ отдохнуть часть ночи какъ слѣдуетъ. Вхожу въ избу: спертый воздухъ низенькіе потолки произвели первое впечатлѣніе. Сонныя мухи въ безчисленномъ количествѣ покрывали столъ, окна, образа и не безпокоились свѣтомъ лампы. Обитатели уже спали, и одинъ сынъ хозяина встрѣтилъ меня. Я попросилъ приготовить самоваръ. Пока онъ шумѣлъ и успѣлъ надымить въ избѣ, я разговаривалъ съ хозяиномъ:

— Откуда вы переселились?

— Изъ Тамбовской губерніи.

— Какъ вамъ живется на новыхъ земляхъ?

— Да ничево, только срокъ аренды кончается въ этомъ году, не знаемъ, оставить-ли насъ на мѣстѣ, хозяинъ земли.

— Есть ли у васъ грамотные?

— Да у насъ въ роду не было грамотныхъ.

— А что это у васъ такіе низкіе потолки? Вѣдь воздуха мало.

— Ничево, теплѣе когда ниже-то.

— Клопы, тараканы у васъ водятся?—спросилъ я, осматривая грязныя стѣны.

— Нѣтъ, эти нечисти не водится, слава Богу.

Я успокоился, расчитывая ночь провести спокойно. Послѣ чая я прилегъ на лавкѣ; кругомъ раздавалось сопѣніе спящихъ.

Но черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ такія сильные и дружныя укусы, что понялъ, что отъ сна надо отказаться. Я обратился къ хозяину съ вопросомъ — какъ же ты говорилъ что нѣтъ насѣкомыхъ у васъ? А блохъ-то сколько?

— «Этово-то есть грѣхъ, водится, а чтобы клопы—этова нѣтъ», Богъ милостивъ».

Пробовалъ было я сидя въ другомъ мѣстѣ подремать; но дремоту не разъ разгонялъ отчаянный крикъ ребенка, съ которымъ мать возилась и не знала что дѣлать: то начинала убаюкивать, то шептать молитву «Господи Іисусе Христе, да что это приключилось съ тобой, голубчикъ мой маленькій? вотъ уже вторую недѣлю ты не даешь покою ни мнѣ, ни себѣ. Либо сглазилъ тебя, либо чево»... Ребенокъ не внималъ и продолжалъ кричать». Послѣ разспросовъ я убѣдился, что ребенокъ страдалъ диссентеріей, которая была нынѣшнимъ лѣтомъ въ русскихъ селеніяхъ въ степи. Ребенокъ утихъ было, временная тишина воцарилась въ избѣ. Неподалеку лежалъ парень. Вдругъ ребенокъ опять закричалъ, тѣже оханья и причитанія матери. Парень наконецъ, обратился къ ней: «Слушька», а отъ этова лѣчатъ.

— А, вотъ штó,... а какъ лѣчутъ-то?

— Да такъ, бабы, сказываютъ, лѣчутъ,... мамынька моя знаетъ... подоломъ што-ли, накрываютъ...

Мать промучилась ночь, такъ же и я насилу дождался разсвѣта и радъ былъ поѣхать далѣе. Около шести часовъ утра я остановился въ нѣмецкой колоніи напиться чаю. Другія впечатлѣнія ждали меня. Дома высокіе, чистые, хотя сдѣланы изъ того же матеріала. Вхожу: семья сидитъ за чаемъ и слушаетъ чтеніе, оказывается одинъ изъ присутствовавшихъ читалъ псаломъ. Спрашиваю: всѣ ли у васъ грамотны?

— Нѣтъ, только двое знаютъ по русски, отвѣтили мнѣ, я переспрашиваю: всѣ ли вы знаете нѣмецкую грамоту.

— А, нѣмецкую грамоту всѣ знаемъ.

— Земля собственная или наемная!

— Собственная.

Грустныя сравненія получались изъ всего видѣннаго за эту ночь; въ то время какъ у русскихъ на хуторѣ въ роду не было грамотныхъ, у нѣмцевъ всѣ образованы; жилища какъ и киргизъ такъ у русскихъ и нѣмцевъ построены изъ одинаковаго матеріала—землянаго кирпича, но какая разница: у киргиза землянка почти разваливается, съ трещинами, у русскихъ — хотя безъ трещинъ и теплая, нó также кривая, косая и тѣсная, у нѣмцевъ же настоящія высокія, чистый и свѣтлый домъ; здѣсь же по близости построено прекрасное помѣщеніе для школы. Какъ различно можно пользоваться однимъ и тѣмъ же матеріаломъ.

Печально думалось о русской женщинѣ, представительницѣ той господствующей націи, которая хочетъ вносить просвѣщеніе въ инород-

ческую среду; хотя она поминала «Господи Іисусе Христе» и принадлежала къ высшей религіи, а киргизка вздыхаетъ со словами «Алла», но разницы между тою и другой въ отношеніи умственнаго и нравственнаго состоянія не замѣчалось: обѣ были одинаково темны и безпомощны.

Рождалась мысль: да можетъ ли эта господствующая нація вносить свѣтъ просвѣщенія къ инородцамъ, когда она сама такъ темна, убога въ своемъ развитіи? И соотвѣтствуетъ ли ей тотъ престижъ, которымъ она пользуется? Ей самой надо просвѣщать и просвѣщать себя...

Но не дадимъ мѣста грустнымъ мыслямъ, а будемъ питать себя лучше надеждами...

И теперь да позволено будетъ мнѣ высказать слѣдующее желаніе. Если мы для инородцевъ, въ томъ числѣ киргизъ, устроили образованіе на такихъ прекрасныхъ основаніяхъ, и если отъ продолженія этого дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отказываться, то не забудемъ и себя... Пусть будетъ извѣстно нашимъ обезпеченнымъ классамъ, чѣмъ былъ силенъ исламъ, съ которымъ приходится намъ считаться теперь и чѣмъ распространялъ онъ свое образованіе: у мусульманъ считалось и считается прямо богоугоднымъ дѣломъ отказывать по завѣщанію или жертвовать большія суммы на устройство школъ при мечетяхъ, такъ называемыя медрессé.

Есть еще убѣдительный примѣръ: въ Соединенныхъ Штатахъ среди богатыхъ людей существуетъ благородное соревнованіе въ устройствѣ образовательныхъ предпріятій на пользу народа. Пожелаемъ же, чтобы было больше у насъ общественнаго вниманія къ нуждамъ образованія.

С. Рыбаковъ.

15-го марта 1897 года.

ОТДѢЛЪ II.

Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти [1]).

(См. выше ст. В. Ѳ. Миллера).

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэ́энъ.	Унѝынъ.	Нýуканъ.
Человѣкъ.	Ора́ээтлянъ.	Юхъ.	Юкъ.	Юкъ.
Мущина.	Кля́уль.	Юхъ.	Юкъ.	Юкъ.
Женщина.	Неýсьхатъ.	На́хсикъ.	Арна́къ.	Арна́къ.
Мужъ.	Уэкýсь.	Юхъ.	Уика́.	Уика́.
Жена.	Нэ́анъ.	На́хсикъ.	Нули́хка.	Нулі́ака.
Старикъ.	Энпна́ысьхынъ.	Нани́хбакъ.	Нанырбха́къ.	Анукара́къ.
Старуха.	Энпнэ́укай.	Наны́рчрахъ.	Арна́ськуакъ.	Ара́лькоара́къ.
Дѣвушка.	Неýськаткай.	Нахсы́хра́хъ.	Арна́къ.	Арна́ракъ.
Дѣвочка.	Неэ́кахай.	Нахсыхра́хахъ	Арна́ракъ.	Арнара́ранакъ.
Мальчикъ подростокъ.	Аачекай.	Нукы́льпычрахъ.	Мыкыльрэ́къ.	Нука́льпіяракъ.
Мальчикъ.	Ни́нкай.	Та́на.	Тарна́ракъ.	id.
Ребенокъ.	Нэнэ́на.	Тана́рахъ.	Тарно́хакъ.	Мики́ськакъ.
Дѣдушка.	Ми́рѓынъ.	Аппа́ка.	Аппака́.	Апи́.
Бабушка.	Не́у ми́рѓынъ.	Ныньюка.	Нынъюка.	Ами́.
Отецъ.	Этли́ынъ.	Ани́та.	Аттака́.	Атти́.
Мать.	Этля́.	Наны́ка.	На́ака.	Ани́.
Сынъ.	Э кыкъ.	Нýка.	Э́рныка.	Эрнара́
Дочь.	Нээ́какъ.	Пани́ка.	Пани́ка.	Паніа́.
Внукъ.	Эльтлю́вокай.	Эльтыка.	Эльтуво́ка.	Эльто́рака.
Внучка.	id.	id.	id.	id.
Братъ старш.	Энэ́элэнъ.	Нутчика́.	Анны́нака.	Анны́нака.
„ младш.	Этлэ́ны.	Унвѣ́ка.	Ую́рахка.	Уюры́.
Братъ.	Ичъамытýмѓынъ.	'Антыка.	Англіутка.	Аныльхýтыка.
Сестра.	Чяке́этъ.	Нукы́ка.	Ная́ѓа.	Ная́хака.
Дядя съ отц. ст.	Иньді́у.	Па́ѓнака.	Ата́така.	Ана́ка.
„ „ мат. ст.	id.	Ка́хна.	Ана́ѓа.	id.
Тётка.	Етчай.	Аньѓыка́.	Ася́ѓа.	Ачика́.
Племянникъ.	Этлю́э.	Эльтыка́.	Каны́яка.	Каны́яка.
Племянница.	id.	id.	id.	id.
Двоюродный братъ.	Эльѓыта́миѓытъ.	Ани́льхутына.	Атталыхутка́.	Анутэ́льутыка.
Двоюродная сестра.	На́у эльѓыто́мѓытъ.	id.	id.	id.

[1]) Буквы со значками произносятся: г какъ русс. г въ словѣ «Господь»; н какъ франц. n въ словѣ «encore»; р́ какъ р съ придыханіемъ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэ́энъ.	Уны́ынъ.	Ну́аканъ.
Тесть.	Мата́лэнъ.	Ся́кыка.	Сяки́ка.	Сякыка́.
Теща.	Наумата́лэнъ.	id.	id.	id.
Зять.	Энтуу́льпыръ.	Нынпы́хна.	Нына́ака.	Нына́ака.
Шуринъ.	Аа́чекъ мата́лэнъ.	Сякы́рчека.	Сякера́ка.	Сякы́рака.
Золовка.	На́у така́льгинъ.	Сякы́ка.	Аѓыка.	Арна́къ така́льѓыка.
Свояченица.	Нау́сьхатъ мата́лэнъ.	Сякы́рчека.	id.	Арна́къ сякы́рака.
Если двое женаты на родныхъ сестрахъ, ихъ зовутъ.	Така́лыѓинъ.	Така́лыѓынъ.	Нулэ́нкальху́тка.	Така́лыѓыка.
Голова.	Лэ́утъ.	Аче́кахъ.	На́ськокъ.	Наяхкока́.
Шея.	Э́тынъ.	Уѣ́кака.	Уяко́къ.	Уя́конка.
Грудь.	Ма́чö.	Сякы́мка.	Саки́мака.	Чайнка.
Груди у женщ.	Ло́льотъ.	Ма́мыхъ.	Ма́макъ.	Абья́къ.
Молоко.	Лöэ́эрэнъ.		Иту́къ.	Иту́къ.
Животъ.	На́нхынъ.	Акы́ка.	Аксяка.	Аке́хка.
Спина.	Ка́птинъ.	Арыхка.	Акся́хка.	Кули́хка.
Рука.	Мынѓы́тлинэнъ.	Я́кака.	Таслихка.	Тахли́ка.
Нога.	’Гытка́лыѓынъ.	И́рыка.	Эру́хка.	Эру́хка.
Макушка.	Кано́ткынъ.	Какихчика́.	Кахка́ка.	Кахкака́.
Затылокъ.	Этэ́нмынъ.	Тумсика́.	Тунусюка.	Тунюсюкъ.
Лобъ.	Кэртэ́ль.	Кэно́къ.	Каѓо́ка.	Кэплíаратъ.
Брови.	Рыльвытъ.	Мыты́рьѣка.	Мыты́рьѣнка.	Каблютъ.
Глазъ.	Ляля́льхинъ.	Итчика́.	И́ська.	И́хка.
Носъ.	Ѣкаа́хъ.	Кы́нка.	Кэна́къ.	Кнакъ.
Носовая перегородка.	Инчу́рмынъ.	Акы́лина.	Нэпра́ка.	Татыка́.
Щека.	Эльпы́тлэнэнъ.	Утлинчика́.	Утхлюма́ка.	Акахка́.
Ротъ.	Ѣкырѓынъ.	Ка́нахъ.	Ка́нка.	Кана́къ.
Зубы.	Рэты́нтэ.	Кыыта.	Хутынка́.	Вутэ́тъ.
Языкъ.	Илпииль.	У тля.	Улю́ка.	Улю́.
Подбородокъ.	Вуа́лькалэнэнъ.	Та́млика.	Тамлю́ка.	Та́млю.
Нижняя челюст.	Вуэ́лькальти.	’Аѓлика.	Аѓлю́хка.	Аѓлякокъ.
Ухо.	Вуэльбо́лыѓынъ.	Чиѓы́тыка.	Сíютха.	Чи́тыхка.
Волосы на головѣ.	Кырѓвыты.	Ю́ѣхъ.	Ню́яка.	Ну́ятъ.
Коса.	Кыта́льтлинэнъ.	Пеѓра́ся.	Таку́хтыка.	Пíяха́тъ.
Усы.	Ле́лютъ.	У́мка.	Унахы́нка.	Уны́тъ.
Борода.	Вуа́лькальхырѓытъ.	Вуа́лькали́рѓыка.	Тамли́ма уна́хы.	Таллюра уты́нка.
Плечо.	Рельпы́лыѓынъ.	Э́схыка.	Ту́ська.	Туѣ́.
Локоть.	Керва́льтлэнэнъ.	Ики́хка.	Ику́ська.	Икуи́къ.
Кисть.	Каы́сьвуэ́анъ.	Нанчикыка́.	Тайи́нрыка.	Аѣпхонъ.
Кулакъ.	Каы́нмылыѓынъ.	А́сьхихый.	Э́хинка.	Айхатъ.
Ладонь.	Каѓрэ́тлэнэнъ.	Пытныка́.	Туна́рынка.	Этуми́тъ.
Палецъ.	Рылыѓы́льтлэнэнъ.	Нура́ка.	Эрнувуа́рынка.	Айха́къ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэ́энъ.	Унɪ́ынъ.	Нуукань.
Мизинецъ.	Яа́тъ рылыгы́ль-тлэнэнъ.	Эка́лькыка.	Экалько́ка.	Акалько́къ.
Безыменный.	Рылыгы́тлэнэнъ или омры́льгы́ль-тлэнэнъ.	Алэ́маякыка.	Алянко́ка.	Аткыта́рукъ.
Средній.	Вуэлэ́пъ рыль-гы́льтлэнэнъ.	Кылько́ситака.	Атхи́лька.	Аткы́льнинъ.
Указательный.	Эннандэвуатыт-ко рылыгы́ль-тлэнэнъ.	Тыкыка.	Тыкака.	Тыкакъ.
Большой.	Ары́льтлэнэнъ.	Ку́млика.	Кумлю́ка.	Кумлю́.
Колѣно.	'Гра́алыгынъ.	Чины́скыка.	Чиги́скока.	Чиихко́къ.
Звѣрь.	Гины́къ.	Трыкуся́къ.	Трекуся́къ.	Тары́къ.
Олень.	Кора́на.	Ку́рнахъ.	Койнэ́къ.	Кони́экъ.
Быкъ дом. (Оленія)	Чѐмна.	Чи́мна.	Симна.	Чѐмнакъ.
„ дикій.	Кэртра́.	Кырына́.	Кырына́.	Кырына́.
Важенка дом.	Рэ́квутъ.	Нахся́хыхъ.	Арна́къ.	Арна́къ.
„ дикая.	Эчвѐгьяхъ.	id.	Тунту́арна́къ.	Эчвѐгьяхъ.
Собака.	А'ттанъ.	Капы́нахъ.	Кэкмэ́къ.	Кэкмэ́къ.
Бѣлый медвѣдь.	У'мка.	Нану́рахъ.	Нано́къ.	На́нокъ.
Бурый „	Кейнынъ.	Пагкынрахъ.	Кайна́.	Акмя́къ.
Волкъ.	И'на.	Канлыра́.	Ама́.	Кыглю́накъ.
Лисица.	Чельхрэ́акокъ или нэчэ́ля-ханъ рэко́каль-гинъ.	И'льхуа.	Кабе́пикъ.	Кабельну́къ.
Россомага.	Кайперъ.	Ка́психъ.	Капси́къ.	Ка́пчикъ.
Песецъ.	Э'льгаръ.	Трхэ́хыхъ.	'Катылърэ́.	Уля́хакъ.
Горностай.	Имча́чюкъ.	Амитату́.	Ами́клюкъ.	Ами́тату.
Бѣлка.	Ра́улэнъ.	Раулэ́на.	Ра́улэнъ.	Раулэ́на.
Куница.	Куни́чанъ.	Куни́чя.	Куни́ся.	Капичо́а.
Рѣчной боберъ.	Пэлѐтэнъ.	Пэлѐта.	Пэлѐхтакъ.	Пелѐктакъ.
Выдра.	Нэнэ́тъ.	Нэнэ́та.	Пэхтохсра́къ.	Пэхто́ксикакъ.
Евражка.	Ильа́ыль.	Аныкыыхъ.	Чики́къ.	Кыйтакъ.
Дикій баранъ.	Кытэ́пъ.	Пнэ́хэхъ.	Пнэ́къ.	Кытэ́пакъ.
Мышь.	Пепе́хальгынъ.	Апсина́хъ.	Апсина́хъ.	Абична́ракъ.
Китъ.	Рэ́у.	'Ахдыхъ.	'Ахбокъ.	Ахбо́къ.
Бѣлуха.	Пу́ракъ.	Пу́рахъ.	Пу́узякъ.	Читу́акъ.
Моржъ.	Рыркы.	Ай'быхъ.	Ай'бокъ.	Айбо́къ.
Лахтакъ.	'Унналь.	У'учихъ.	Махля́къ.	Макля́къ.
Нерпа-мандарк.	Мэ́мэль.	Альмиитчахъ.	Нахся́къ.	Нахся́къ.
„ пестрая.	Кэли́лэнъ.	Катчи́гьяхъ.	Кази́гья́къ.	Куку́пакъ (sic).
„ крылатая.	Ваылькалэ́лэнъ.	Куку́пахъ (sic).	Кару́лэнъ.	Кайру́лэкъ.
Птица.	Эмоа́тлэ.	Ка́пкахъ.	Каува́къ.	Тахмэ́ёракъ.
Гусь-казарка.	'Итъитъ.	Ка̀пкахъ.	Ляхля́хъ.	Ля́клякъ.
Савка.	'Ачэкъ.	Аа́лэка.	Камва́къ.	'Ачэкъ.
Лебедь.	Нэ́ркукъ.	Нэрко́мка.	Ко́ытъ.	Нэрку́кэнъ.
Воронъ.	Вуэ́тлэ.		Мытыхслюкъ.	
Рыба.	Энэ́анъ.	'Екатлихъ.	Ека́слюкъ.	Эка́слюкъ.
Горбуша.	Э'чъэчъ.	'Ачю.	Амахту́.	Амакту́.
Голецъ.	Лии́ныхай.	Экалипи́хъ.	Ика́хслюпикъ.	Экалюпи́нъ.
Морской быкъ.	Каня́ольгынъ.	Кайни́рахъ.	Каю́.	Экъя́къ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэ́энъ.	Уныынъ.	Ну́уканъ.
Комаръ.	Мрэ́нти.		Нуйна́ракъ.	Нуйну́аракъ:
Оводъ оленій-гусеница.	Речвуа́льгынъ.		Кума́гытъ.	Кума́къ.
Вошь.	Ма́мэль.		Кумы́къ.	id.
Морская капуста.	Мырго́льгынъ.	Калька́тчэхъ.	Элькуа́къ.	Элькуа́къ.
Домъ.	Яра́ны.	Лю.	Мантара́тъ.	Мантара́къ.
Байдара.	А ттуатъ.	Аньйпих	'Аньякъ.	Аньякъ.
Весло.	Тэвээна́.	Аны́чрэта.	Я'букутъ.	Ану́арунъ.
„ рулевое.	Тлятэвээна́.	Акэ́тахъ.	Ако́тахъ.	Ако́арунъ.
„ носовое.	Рарэ́ тэвээна́.	Иныяхытахъ.	Июяхкотахъ.	Чибу́арунъ.
Пароходъ.	Глэть а́ттвулэнъ.	Кумыка́ю.	Кума́каюутъ.	Акнылэкъ.
Вельботъ.	Хай э́твуэтъ.	Аньясяхъ.	Аньявуахъ.	Кайэ́твунъ.
Нарта.	Е́рвооръ.	Ка́мся.	Ками́кь.	Кама́къ.
Передовая собака въ нартѣ.	Яно́тъ а́ттанъ.	Яно́тата.	Марьяхкопа.	Ралильгавы.
Остолъ (палка для управленія нартой).	Ярына́.	Ярына́на.	Ярына́та.	Ярына́.
Лукъ.	Лиы́ръ.	Питы́хся.	Орлю́бакъ.	Тчай'ку.
Копье.	'Онэпы.	Ибхыта́.	Э'нракъ.	Унра́къ.
Ружье.	Ми́льгэръ.	Мильгэ́ра.	Чуфлю́акъ.	Мильга́рэ.
Патронъ.	Мэ́акамъ.	Ка́атчрэхъ.	Чуфлю́амъ Хо́ра.	Хо.
Порохъ.	Пи́мпинъ.	Пимпи́на.	Ха́рина.	А'гра.
Свинецъ.	Ра́пэльвунтэнъ.	Кагро́нахъ.	Хо́хкакъ.	Хохка́къ.
Олово.	Койнынькаль ра́пэль вунтэнъ.	Кахси́хрину кагро́нахъ.	Аякака́юкъ.	Уа́ляхкойнинъ.
Арканъ.	Ча́атъ.	Япырчахъ.	Нахпи́нъ.	Нахапра́къ.
Рыболовн. сѣть.	Г и́нингынъ.	Игы́хпыхъ.	Нихахпакъ.	Кубра́сюякъ.
Рыболовный крючокъ.	Черу́ня.	И'хсихъ.	Нэкру́къ.	Нахси́мкуракъ.
Пологъ въ жилищахъ.	О́ро́ны.	И'ві́лихъ.	'Инлякъ.	Ая́гью.
Наносный лѣсъ.	Номо́тоотъ.	Анко́та.	Унахси́къ тыпыхкакъ.	Уна́хсэкъ.
Дрова.	Вутту́тъ.	Кы́тчихъ.	Уна́хсякъ.	Уна́хсякъ.
Котелъ.	Ку́кэнъ.	Кольмы́срытахъ.	Кольмы́си.	Кулю́мчи.
Чайникъ.	Пильгику́къ.	Пильгику́ка или калсиси́рахъ.	Каю́нклясикъ.	Пирги́лькука.
Кружка.	Кои́нынъ.	Сяй кой'на.	Кайхсэкъ.	Чай ко́инъ.
Ножъ.	Вуа́лэ.	Чаби́къ.	Чаби́къ.	Ча́бикъ.
„ мужской.	Рэсэ́твуаль.	Сябу́хакъ.	Тапси́микъ.	Рэсэтвуаля́.
„ женскій.	На́анвуаль.	Кымы́сяхъ.	Арна́мъ сабі'якъ.	Арна́мъ чабі'а.
Гатка (вродѣ топорика).	'Га́ттэ.	Сяки́та.	Каю́утытъ.	Каю́нъ.
Аутка (чѣмъ скоблятъ шкуры.	Энна́нвуэнанъ.	Пи́тмихъ.	Пысхлю́къ.	Яки́рагъ.
Топоръ.	Алига́ттэ.	Алига́тха.	Калькали́ма.	Алига́тха.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэ́энъ.	Уны́ынъ.	Ну́уканъ.
Пила.	Тнэльвыына́.	Тэлэнвэ́на.	Тлэнвуэна́къ.	Капля́ронъ.
Молотокъ.	Рэпэ́на.	Чи́п.а	Ры́па.	Ры́пэ.
Моржовая кожа.	Рэпа́лыѓинъ.	Танпыхъ.	Танпа́къ.	Ами́нракъ.
Лахтачья „	Кольта́лыѓинъ.	И'бычахъ.	Атту́накъ.	Атту́накъ.
Нерпичья-мандарки.	Тэной ѓэнъ.	Тамы́нкыхъ.	Тымка́къ.	Тэ́мкакъ.
'Ремень лахтачій.	Унэ́чьичсьхинъ.	Уру́охъ или уучи́ма тапра́къ.	Атту́накъ увьѣ́къ.	Макля́къ кубинра́къ.
Моржовыя зубы	Вуа́нкат.	Тухка́ѓый.	Туу́тыкъ.	Тухкара́къ.
Мясо.	Тэки́сьхитъ.		Накка́.	
Жиръ.	Ма́тханатъ.		Мысэ́къ.	
Кость.	Аттаматъ.	Ны́нахъ.	На́хкуакъ.	Нынра́тъ.
Кухлянка двойная.	'Ирэнъ.	Ты́пыѓа.	Атку́ка.	Аттыку́къ.
Кухлянка верхняя.	'Ѓырѓоча́ нэ́рынъ.	Качѐкутахъ.	Ка́слика.	Аттыку́къ кали́къ.
Кухлянка нижняя.	Неуся нэ́рынъ.	Кы́тчика.	Илю́лика.	Илю́лэкъ.
Кухлянка женская.	Нэ́анъ нэ́рынъ.	Нахсиѓатыпыѓа	Капы́сихакъ.	Арна́мъ аттыку́къ.
Кухлянка изъ кишекъ.	Укэ́нчи.	Кыѓытыхахъ.	Кали́къ ахсюхтакъ.	Чуляра́къ.
Кухлянка изъ ситцу.	Уты́сыхынъ.	Маны́ичӧ	Ратамира́къ.	Уты́сьхынъ.
Женская одежда.	На́укэръ.	Кахли́быкъ.	Кахли́баѓы.	Кахлю́бикъ.
Нерпичьи штаны.	Тано́йѓы хона́ытэ.	Начира́ѓы.	Кохли́ѓихъ.	Тэмка́къ кули́къ.
Оленьи штаны.	На́лыѓы хона́ытэ.	Ситу́хлиѓи (sic).	Стухлюуцъ (sic)	Ами́къ.
Женскія штаны мал.	Ма́ка.	Ка́ка.	Кака́къ.	Кахлю́къ.
Кожанныя торбаса (обувь).	Кэ́мыэтъ.	Ако́ка.	Ако́вьякъ.	Ибхучи́къ.
Оленьи торбаса (обувь).	Панратлэ́кытъ.	Читу́хлиѓи (sic).	Стухлюкъ (sic).	Панрапля́нытъ.
Поясъ.	Ры́читъ.	Та́псика.	Тапси́ка.	Тапси́.
Ожерелье на шеѣ.	Эйны́сьхынъ.	Уӧко́мра.	Уя́хкутака.	Я'мылькокъ.
Бисеръ въ ушахъ.	Выльлю́льхитъ.	Наны́кетары.	Копа́ѓынка.	Камка̀хтатъ.
Бисеръ въ косахъ.	id.	Пеѓра́сяѓымы наны́кетары.	Таку́хтымъ акомылькы́нэнъ.	Id.
Браслетъ.	Мынѓача́у.	На́нчика (sic) аѓры́та.	Таньиру́тытъ.	Тахли́ракъ.
Кольцо.	Рэлыѓы́квунъ.	Рэлыѓы́ква.	Алянкоэ́такъ.	Силыѓу́унъ.
Палочка въ нос. перегородки.	Эмпо́т тна́ырѓынъ.	Кэна́мпутынэй.	Нимра́мъ путу́на.	Каки́біарунъ.
Бисеръ въ подбородкѣ.	Вуамы́ль кана́курѓынъ.	Э'камъ пу́тынэй.	Э'камъ путу́на.	Ту́такъ.
Бисеръ.	Кэлэлэ́тъ.	Чуна́мынылькатъ.	Чуна́кыльтаакъ.	Чуна́дрыѓай.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэенъ.	Уныынъ.	Нýуканъ.
Бусы.	Куулэлэтъ.	Чýнахъ.	Чýнакъ.	Чунáкъ.
Гребень.	Мисюнэнъ.	Мичунáна.	Мисюна.	Мичю́нанъ.
Игла.	Титйна.	Пáнтахъ.	Сйкокъ.	Сикóкъ.
Нитка.	Ѣ'ртрытъ.	Вутляхтахъ.	Кэйпакъ.	Кэйпáкъ.
Жила оленья.	Пильѓэтэнъ.	Куяхыхъ.	Куяхокъ.	Улй.
Наперстокъ.	Вуэлюэль.	Тыкайѓахъ.	Тыкакъ.	Тыкáкъ.
Трубка.	Койнинъ.	Койнинъ.	Куйна.	Койнинъ.
Табакерка.	Проткоóсьхинъ.	Проткоóсьха.	Прýтку.	Прóткукъ.
Шкура выпоротка.	Кылькаунэльѓынъ.	Нýрахъ.	Нýракъ.	Нурахкакъ.
Шкура пыжика голаго.	Вульѓынáльѓынъ.	Вульѓынáльѓа.	Умыстахахъ.	Амибрарáкъ.
Шкура пыжика мохнатаго.	Итнэльѓынъ.	Тукытáхыхъ.	Аткáхкакъ.	Макахкáкъ.
Шкура съ оленьихъ ногъ.	Пáнратъ.	Чиѓыхсры.	Каслюхатъ.	Ирýтъ.
Шкура со стараго оленя.	Кэнэльгынъ или нэльѓынъ.	'Амахъ.	Амэкъ.	А'мэкъ.
Мука.	Пинтэкисьхинъ.	Ублява.	Ублява.	Эплявакъ.
Чай.	Сяй.	Каѣхъ.	Каóкъ.	Сяй.
Сахаръ.	Сяхаръ.	Чáкара.	Сáкара.	Чáкаръ.
Табакъ.	Тáахъ.	Тавáка.	Тáвака.	Тавáкэнъ
Спички.	Кеэмэльѓемель.	Начéхсяхъ.	Нáхсякъ.	Акнитэкъ.
Очки.	Леляквутъ.	Кéрѓычи.	Иѓáтыкъ.	Набрасйсякъ.
Жирникъ.	Ээкъ.		Кынакъ.	
Солнце.	Тыркытиръ.	Окырнахъ.	Чэкэна.	Масякъ.
Луна.	И'льѓынъ.	Нýрахъ.	Танкэ.	Иѓáлöкъ.
Звѣзда.	Анáтлинэнъ.	Нурáсяхъ.	Эаликытá.	Иѓалекатáкъ.
Громъ.	Илькэау.	Элькáѓаѓа.	Кахлюкъ.	Кахлюкъ.
Молнія.	Ѣнкэрѓынъ.	Нанэкляэхтакъ.	Анэхтахтукъ.	А'ннакъ (sic).
Вѣтеръ.	Оö.	Пýбахъ.	Анóка.	Анокó.
Дождь.	Илиилъ.	И'пьихъ.	Нэпсюкъ.	Имáранакъ.
Снѣгъ.	Эль эль.	'Аныѓа.	Анію.	Анй.
Калъ (по чук. снѣгъ—калъ одного бога)	Э'ль эль.	Анáхъ.	Анáкъ.	Анáкъ.
Ледъ.	Тйнтинъ.	Кыбылькахъ.	Ситку.	Сикýтакъ.
Земля.	Нутэсьханъ.	А'ся.	Нуннá.	Нýнна.
Вода.	Мэмэль.	Мыхъ.	Ммакъ.	Амапикъ.
Огонь.	Дйндинъ.	'Аннахъ.	'Аннакъ.	А'ннакъ.
Море.	'Анкы.	Имыхъ.	Ммакъ.	Иммáкъ.
Волна.	Имъáлюнъ.	Имáхлихъ.	Имáхлюкъ.	Инулюкъ.
Бурунъ.	Эйсьхинъ.	Кáѓа.	Каѓы.	Кэа.
Разсолъ.	Таютай.		Тарьö.	Тарьóкъ.
Берегъ.	'Анка чóрмэнъ.	Чйнчахъ.	Снакъ.	Кэмчининакъ.
Дресва.	Чеа гылинэнъ.	Кáби.	Кенáкъ.	Каувьякъ.
Кошка (географич).	Картáкаръ (рѣчная). Тэпъ энъ. (морск.).	Тáпхахъ.	Тапхáкъ.	Тáпхакъ.
Мысъ.	Аныткынъ.	Тыкыси.	Тыкарáкъ.	А'кнакъ.
Гора.	Нэыны.	'Инхыхъ.	Наяратъ.	'Инхыкъ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэзнъ.	Уныынъ.	Нўуканъ.
Камень.	Воквўыльѓынъ.	Кисяхъ.	Уиракъ.	Уихакъ.
Островъ.	Илиръ.	Кэкахъ.	Кэхкакъ.	'Илиръ (sic).
Озеро.	Гытѓынъ.	Яйбыхъ.	Найбакъ.	Гытѓынъ.
Рѣка.	Вуэмъ.	Кўрахъ.	Кэйвукъ.	Кўикъ.
Трава.	Вайлинэнъ.	Эбыхъ.	Быкъ.	Эбыкъ.
Корень.	Кэнмыльѓынъ.	А'кахъ.	Акокъ.	Акокъ.
Сѣверъ.	Эйѓисхэнъ.	Пахчематўнѓа.	Айѓоа.	Айѓысхэнъ.
Югъ.	Айвась.	Окурара (если мѣсто близко) и акымна (если далеко).	О'хка.	Ахкокъ.
Востокъ.	Тэркэнэырѓынъ.	Окырна мытибуѓа.	Чэкэнык пiитокъ.	Мачакнихъ катахтукъ.
Западъ.	Тэркраырѓынъ.	Окырна юпыбуѓа.	Чэкэнык тыбыхтокъ.	Мачакъ тыбыхтўкъ.
Мѣсто, откуда солнце въ полдень сворачиваетъ.	Амѓнотэлонъ.	Нахлитра.	Арнырамкука.	Арнарамъ кука.
Заря.	Э'рѓыръ оурѓынъ.	Оноумъ мытибуѓа.	Ахтаракъ.	Арнаратъ маохтутъ.
Утро.	'Инъа.	Катыхъ.	Унанулюку.	Унўами.
Вечеръ.	Вўлькатьи.	Унўвахъ.	Унўва.	Унўвакъ.
Ночь.	Некита.	Унўѓни.	Унўкъ.	Унўкъ.
Вчера.	Айхва,	Эребхакъ.	Акўакъ.	Интлювакъ.
Сегодня.	'Иѓытъ.	И мытынъ.	Маттэнъ.	Маттынъ.
Завтра.	Эрѓатыкъ.	Унраку.	Унами.	Унўаку.
Государь.	Тиркэрэмъ.	Тиркэрма.	Тиркарма.	Тиркэрма.
Начальникъ.	Э'рэмъ.	Тўкохъ.	Умиликъ.	Умэлэкъ.
Шаманъ.	Энэнылэнъ.	Сяѓихтлихъ.	Алильнялѓрэ.	Анылькокъ.
Заговорщикъ.	Эуянъ.	Ö'ѓрай.	Канымчулѓрэ.	Канымчукъ.
Жупанъ (мѣстное значеніе): мущина ходящій въ женской одеждѣ.	Эрккаляуль.	Тыльхахъ.	Арнасэкъ.	Арнасэкъ.
Бубенъ.	Я'раръ.	Сяѓыяхъ.	Чауякъ.	Чаякъ.
Старая кость кита, преимущественно нижняя челюсть, и ребра, почитаемыя здѣсь.	Амемпынъ.	Напахакъ.	Напакакъ.	Напахты.
Игра въ мячъ.	Каплювусьву эркынъ.	Милöотальхсрай.	'Ахкотанакотъ.	Анкальсхыры.
Борьба.	Тэйкэўркытъ.	Уэрэтльрай.	Тэвамѓа накотъ.	Акўль схыры.
Бѣгъ.	Расьвуныркытъ	Тасюнатльрай.	Кильхаконъ накотъ.	Ахпаль схыры.
Гонка байдаръ.	'Аттвуръ элэркытъ.	Аньяныхъ ирнахсуй.	Аньямынъ камариля накотъ.	Анольѓа схыры.
Землянки, въ которыхъ прежде жили.	Вуалькаръ.	Тлюбыхъ.	Нынлю.	'Энлю.

Русскія сл.	Чучки.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нуукан.
Весна.	Кыткытыкъ.	Пулыѓырахъ.	Опынракъ	Опынракъ.
Лѣто.	Элээль.	Путлэхъ.	Кикъ.	Кэкъ.
Осень.	Гытханъ.	Укьирахъ.	Уксякъ.	Укъюакъ.
Зима.	Лялэнъ.	Сяблихъ.	Уксюкъ.	Укъюмэ.
Русскій.	Мэльѓитанэ-танъ.	Манхуй.	Русиманый.	Русиѓмитъ.
Русскій Анадырскій.	Уйѓукаулэнъ.		Уйѓоккаяраѓ-митъ.	
Американецъ	Лэльутвалэнъ.	Анъяхпаѓый.	Анъяхпаѓытъ.	Ануякъ.
Оленный чукчка	Чаучу.	Корильхій.	Койльѓикъ.	Койнитликъ.
Сидячій „	Рамальѓанъ.	Коритляйха.	Койльѓагэтъ.	Рамаѓыля.
Береговой житель-осѣдлый.	Анкалэнъ.	Синраѓмаѓый.	Снаѓмитъ.	
Поселокъ у мыса Чаплина.	Уныынъ.	Унычыхъ.	Унадзэхъ.	Унаэкъ.
Житель этого поселка.	Уныылэнъ.	Унычымыра.	Унадзиѓми.	Унаэрэмитъ.
Поселокъ у Восточнаго мыса.	Нууканъ.	Нуука.	Нэбокакъ.	Нубукакъ.
Поселокъ къ западу отъ Восточнаго мыса.	Уэлэнъ.	Уэля.	'Улякъ.	Уэлякъ.
Островъ св. Лаврентія.	Эйѓоэнъ или А'йгоэнъ.	Чибукахъ.	Чибукакъ.	Чибукакъ.
Островъ Ратманова.	Ималинъ.	Имаѓликъ.	Имакликъ.	Имакликъ.
Островъ Крузенштерна.	Инэтлинъ.	Иналикъ.	Иналикъ.	Э'лэкъ.
Бѣлый.	Нильѓыкынъ.	Кахселернухъ.	Катыльрэ.	Кахсюхтокъ.
Черный.	Нуукынъ.	Мамлэгиль-нухъ.	Таныльрэ.	Танѓыльрэа.
Красный.	Нэсэляханъ.	Кабыѓильнухъ.	Кабильнукъ.	Кабильрэа.
Синій.	Вуэлэ.	Соѓна мыльнухъ	Чумаюрумыль-нукъ.	Танхакъ кыль-хырэа.
Большой.	Нэмэнкынъ.	Анылалахъ.	Анылырэ.	Антлювокъ.
Маленькій.	Нэплюхынъ.	Мыкаальсры-хыхъ.	Мыкистахакъ.	Микаахтокъ.
Толстый.	Нумкынъ.	Лёхтыбаляхъ.	Слихылырэ.	Ситлюѓокъ.
Тонкій.	Нэытхынъ.	Амытараль-хрыхъ.	Амыстахъ.	Амитаахтокъ.
Хорошій.	Нэмелькинъ, месинкымъ.	Акамахтыхъ.	Пинехтукъ, итахнахтукъ.	Пинехтокъ.
Хорошо.	Пэтлэ, месин-кымъ.	Мечинка.	Пинехтукъ.	id.
Скоро.	Эакальпэ.	Аѓнарынъ.	Чука.	Анатумынъ.
Скорѣе.	Эа кальпэ.	id.	Чукаты (sic).	Анатупыѓмынъ (sic).
Громко.	Нэмейнэу.	Анорош.	Кабыхлютынъ.	Анлинъ.
Тихо.	Мэрэндэ.	Икутааѓынъ.	'Яклютынъ.	Эльмэракъ.
Довольно.	Ратаннаунэнъ.	Таяѓамъ.	Энтахамамъ.	Таватына.

Русскія.	Чукчи.	Вутэ́энъ.	Уны́ынъ.	Ну́уканъ.
Нѣтъ (отриц.)	Эло́у.	Нака́у.	Наа́я.	Намэ́.
Нѣтъ (не имѣется).	У́йне.	Аба́нытыхъ.	Абаѓныту́къ.	Пі́итокъ.
Здравствуй.	Ѣ́ти.	Унра́хтыки.	Та́ѓикутъ.	Тыкыту́кутъ.
Прощай.	Таѓа́мъ.	Таѓамъ.	Таѓа́мъ.	Тэѓэ́мъ.
Благодарю.	Вуили́нькакунъ.	Вуили́нькакунъ.	Вуили́нькакунъ	Вуили́нькакунъ
Пора спать.	Мэ́ндэлька́тмакъ.	Таа́ймъ ка́быхтля.	Энта́рамъ каба́стля.	Каба́льта.
Иди скорѣе.	Эакальпэ́кеэ́тхы.	Аѓна́рынъ унра́ра.	Чукалю́тынъ таѓы́.	Анатумы́нъ тэ́ѓы.
Говори громче.	Кмайнэ уэтха́уркэнъ.	Аноро́нымъ и́ѓаѓа.	Каба́хлюты наку́зи.	Анли́нъ канра́.
Я ѣмъ.	Хымъ тыкамэ́твуаркынъ.	Мна тамре́некси.	Хуана́ нрля́на.	Уй нахляко́нъ.
Ты пьешь.	Хыръ апа́уркынъ.	Эльпы́ каѣренака́тыты.	Эльпы́къ каюнрысй.	Эльпы́къ каохля́кьи.
Онъ идетъ.	Эльтло́нъ тлѐркынъ.	Ляна́ пі́йхтыхъ	Эльтна́ ихлихту́къ.	Эльтна́ уиля́хтакокъ.
Мы спимъ.	Му́римычилькэ́еркынъ.	Мыкыта́ кабренакасики́.	Хуанкута́ кабарнаку́катъ.	Уанкута́ кабахло́кукутъ.
Вы стрѣляете.	Ту́ри реткуркни́тыкъ.	Эльписи́ питыксиникатысй.	Эльписи́ чюфлю́арны накатысй.	Эльписи́ сяйкорнакака́сиси.
Они гребутъ.	'Эртри тэульа́аркытъ.	Лякэ́ анра́хси.	Эльсни́тъ аукаана́ракутъ.	Эльсни́тъ такуаануара́акутъ.
1.	Эннэ́нъ.	Аттара́сэхъ.	Атта́сэкъ.	Атта́сэкъ.
2.	Ни́ряхъ.	Ма́льхрукъ.	Ма́льхрукъ.	Ма́льхрукъ.
3.	Гро́окъ.	Пиныюхъ.	Пина́ютъ.	Пина́ютъ.
4.	Гра́акъ.	Си́тымы.	Ста́матъ.	Чита́матъ.
5.	Мытлинэ́нъ.	Таси́мыны.	Тали́матъ.	Тали́матъ.
6.	Энна́нмытлинэ́нъ.	И́нѓликъ.	Ахби́ндликъ.	Ахбини́ликъ.
7.	Гра́амытлинэ́нъ	Мальхру́нынъ и́нгликъ и́льрыхъ.	Ма́хара ахби́ндликъ.	Мальхру́нынъ ахбини́ликъ.
8.	Амѓро́откэнъ.	Пиныюднынъ и́нѓликъ и́льрыхъ.	Пинэ́инъ инлю́лэкъ.	Пина́юнынъ ахбини́ликъ.
9.	Конъа́сыхинкэнъ.	Ситы́мынынъ и́нѓликъ и́льрыхъ.	Ста́манынъ инлюлекъ.	Кольнуро́тнильнукъ.
10.	Мынѓы́ткэнъ.	Тасихта.	Колля́.	Ко́ллэ.
11.	Эннэ́нпаро́ль.	Аттара́сэхъ сиѓна калику.	Атта́сэкъсипинклю́ку.	Атхани́ликъ.
12.	Ни́ряапаро́ль.	Ма́льхрукъ сиѓна кали́кэ.	Мальхрукъ сипинклю́ку.	Мальхру́нынъ атхани́ликъ.
13.	Гро́оапаро́ль.	Пиныюхъ сиѓна кали́кэ.	Пина́ютъ сипинклю́ку.	Пина́юнынъ атханиликъ или пина́юнынъ чипна́нры.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэенъ.	Уныынъ.	Нýуканъ.
14.	Гра́аапаро́ль.	Си́тымы си́ѓна кали́кэ.	Ста́матъ сипин-клю́ку.	Акимэ́а рутни́льнукъ.
15.	Кильѓи́нкэнъ.	Итхими́нѓлиѓъ или И'нѓликъ си́ѓна кали́кэ.	Аки́міякъ или Тали́матъ си́пинклю́ку.	Аки́мэакъ.
16.	Кильѓи́нэкъ эннэнпароль.	Унѓа́му.	Аки́міямъ атта́сэкъ си́пинклю́ку.	Ахби́нра.
17.	Кильѓи́нэкъ ни́ряапаро́ль.	Унѓа́мума́льхрукъ.	Аки́міямъ ма́льхрукъ сипинклю́ку или ма́хара ахби́ндликъ сипинклюлу.	Акимэармынъ малыхру́нынъ. чипилю́ку.
18.	Амѓро́откэнпаро́ль.	Унѓа́му пины́юхъ.	Пинэ́инъ инлю́лэкъ си́пинклю́ку.	Акимэа́рмынъ пина́юнынъ ахбини́ликъ.
19.	Конъа́сьхинкэнъпаро́ль.	Унѓа́мусительлинъ или юнаро́опилильнухъ.	Ста́манынъ инлю́лэкъ си́пинклю́ку.	Кольнуро́тнильнурмынъ чипито́къ.
20.	Кли́кинъ.	Юýнахъ.	Иуйнакъ.	Юина́къ.
21.	Кли́кыкъ эннэнпароль.	Юýнахъ аттара́сэхъ си́ѓна кали́ку.	Иуйнамъ атта́сэкъ сипинклю́ку.	Юина́рмынъ атта́сэкъ чипна́нры.
22.	Кли́кынъ ни́ряапароль.	Юýнахъ ма́льхрукъ си́ѓна кали́кэ.	Иуйнамъ ма́льхрукъ сипинклю́ку.	Юина́рмынъ ма́льхрукъ чипито́къ или чипна́нры.
29.	Кли́кынъ конъа́съхинкэнъ паро́ль.	Юýнахъ ситы́мынынъ и́нѓли́къ и́льрыхъ сиѓна кали́кэ.	Иуйнамъ ста́манынъ инлю́лэкъ сипинклю́ку.	Юина́рмынъ кольнуротни́льнукъ чипна́нры.
30.	Кли́кынъ мынѓы́ткэнъ пароль	Юýнахъ `тасихта си́ѓна кали́ку.	Иуйнамъ колля́ си́пинклю́ку.	Юина́рмынъ коллэ чипна́нры.
31.	Мынѓы́тэкъ эннэ́нъ я́нрапароль.	Юýнахъ тасихта аттара́сэхъ си́ѓна кали́ку.	Иуйнамъ колля́ атта́сэкъ си́пинклю́ку.	Юина́рмынъ атхани́лиѓмынъ чипани́линъ.
32.	Мынѓы́тэкъ ни́ряхъ я́нрапароль.	Юýнахъ тасихта мальхрукъ си́ѓнакали́кэ.	Иуйнамъ колля́ ма́льхрукъ си́пинклю́ку.	Юина́рмынъ мальхру́нынъ атхани́ликъ.
39.	Мынѓы́тэкъ конъа́сьхинкэнъ я́нрапароль.	Юýнахъ юнаро́отлильнухъ си́ѓна кали́кэ.	Иуйнамъ колля́ ста́манынъ инлю́лэкъ си́пинклю́ку.	Юина́рмынъ кальнуро́тнильнурмынъ чипито́къ.
40.	Ни́ряхъ кли́кинъ.	Ма́льхруюхъ.	Иуъкма́льхрукъ.	Ма́льхрумъ ипі́а.
41.	Ни́ряхъ кли-	Ма́льхруюхъ	Иуъкма́льхрумъ	Ма́льхрумъ

Русскія.	Чукчи.	Вутэ̆энъ.	Уныынъ.	Нуу́канъ.
	кинъ эннэнъ пароль.	аттарасэхъ сиґна калику.	аттасэкъ сипинклюку.	ипіа аттасэкъ чипъаннаклюку.
50.	Ниряхъ кликинъ мынґыткэкъ пароль.	Мальхруюхъ тасихта сиґна калику.	Иукмальхрумъ колля сипинклюку.	Мальхрумъ ипіа коллэ чипъаннаклюку.
51.	Ниряхъ кликинъ мынґытэкъ эннэнъ янрапороль.	Мальхруюхъ тасихта аттарасэхъ сиґна каликэ.	Иукмальхрумъ колля аттасэкъ сипинклюку.	Мальхрумъ ипіа атханилиґмынъ чипанилинъ.
60.	Гроокклэкэнъ.	Пиныюхъ.	Юкпинаютъ.	Пинаюмъ ипіа.
70.	Гроокклэкэнъ мынґыткэнъ пароль.	Пиныююхъ тасихта сиґна калику.	Юкпинаюмъ колля сипинклюку.	Пинаюмъ ипіа колпэчипъ аннаклюку.
80.	Граакклэкэнъ.	Сытымаюхъ.	Ю'устаматъ.	Ситамамъ ипіа.
90.	Граакклэкэнъ мынґыткэнъ пароль.	Сытымаюхъ тасихта сиґна калику.	Ю'устамамъ колля сипинклюку.	Ситамамъ ипіа коллэ чипъ аннаклюку.
100.	Мытлэнклэкэнъ	Тасимынаюхъ.	Юкталиматъ.	Талимамъ ипіа.
101.	Мытлэнклэкэнъ эннэнъ янрапароль.	Тасимынаюхъ аттарасэхъ сиґна калику.	Юкталимамъ аттасэкъ сипинклику.	Талимамъ ипіа аттасэґмынъ чипитокъ.
110.	Мытлэнклэкэнъ мынґыткэнъ пароль.	Тасимынаюхъ тасихта сиґна калику.	Юкталимамъ колля сипинклюку.	Талимамъ ипіа коллэмынъ чипитокъ.
120.	Мытлэнклэкэнъ кликинъ пароль.	Тасимынаюхъ юунахъ сиґна калику.	Юкталимамъ иуйнакъ сипинклюку или юахбиндликъ	Талимамъ ипіа юинармынъ чипилюку.
121.	Мытлэнклэкэнъ кликинъ янрапароль.	Тасимынаюхъ юунахъ аттарасэхъ сигна калику.	Юахбиндлимъ аттасэкъ сипинклюку.	Талимамъ ипіа юинармынъ аттасэкъ чипнанры.
130.	Мытлэнклэкэнъ кликынъ мынґытконъ пароль.	Тасимынаюхъ юунахъ тасихта сиґна калику.	Юахбиндлимъ колля сипинклюку.	Ахбинилимъ ипіа коллэмынъ чипитокъ.
140.	Мытлэнклэкэнъ ниряхъ кликинъ пароль.	Тасимынаюхъ мальхруюхъ., сиґна калику.	Юкталимамъ нукмальхрикъ сипинклюку.	Талимамъ ипіа мальхрумъ, ипіанынъ чипилюку.
200.	Мынґытклэкэнъ:	Тасихтаюхъ.	Юкколля.	Коллэмъ ипіа.

Названія мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Названія мѣсяцевъ, у чукчей и другихъ пародностей имѣютъ опредѣленныя значенія. Такъ напримѣръ, 1 й значитъ «Жаркій» анокъ; 2-ой «важенки рога обдираютъ»—нэрґэтъ — обдирать; 8-ой холодный»—чачэнъ; 11-й «олени телятся»— гроэ = телиться» и т. д. Соотношеніе между суставами, вообще сочлененіями, и головой съ одной стороны, и порядкомъ мѣсяцевъ съ другой – существуетъ только у чукчей; очень немногіе изъ инородцевъ знаютъ названія мѣсяцевъ, и ихъ записываніе было соединено съ большими затрудненіями.

Совпадаетъ почти съ іюлемъ.	Чукчи.	Вутэ̀энъ.	Унынъ.
1—Первый суставъ средняго пальца лѣвой руки.	Ано́эльгынъ.	1. Атлэ̀пымъ ну́бугa.	1. Капсяхбикъ.
2—второй суставъ.	Тэркылэна́ръ.	2. Токатыбыхъ.	2. Туко́тырбикъ.
3—третій суставъ.	Нэ̀ргэръ, или ре́квутнэтчи́льгынъ.	3. Корни́мъ карля́рбугa.	3. Койни́мъ кальрэ̀рбія.
4—кисть.	Эльуэнэй и́льгынъ.	4. Тумтымъ карля́рбугa.	4. Тумту́мъ кальрэ̀рбія.
5—Локоть.	Яра́усэнъ.	5. Арбыхы́мъ унра́рбугa.	5. Ако́мокъ.
6—Плечо.	Аттэло́кэнъ.	6. Кана́хтырьяхъ.	6. Канрыиныиси́.
7—макушка.	Эǹплю́влэнъ.	7. Айбу́рчэхъ.	7. Калю́бикъ.
8—плечо правое.	Ча́чанлёргынъ.	8. Пи́ляхъ кра́тляхъ.	8. Нази́рахси́къ.
9—локоть „	Лёргыкай.	9. Этлю́хдьихъ.	9. Трэ̀илюхси́къ.
10—кисть „	Лячъ э̀льгынъ.	10. Ахбыатляхъ.	10. Хлёрбикъ.
11—третій суставъ.	Гро эльгынъ.	11. Какыльгимну́бугa.	11. Кыимарна́.
12—второй „	Ки́ткитъ э̀льгынъ.	12. Кучхымъ пина́рбугa.	12. Пинарби́къ.
13—первый „	Та́утынъ э̀льгынъ.	13. Кубыхсимыти́бугa.	13. Эльмра́хбикъ или Кубухсиби́къ.

Дѣтскія болѣзни.

Что же ты стала въ нѣмомъ отупѣніи?
Пой ему пѣсню—о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!

Некрасовъ.

Обмнымите ж браты мои
Найменьшаго брата:
Нехай мате усміхнеться,
Заплакана мате!

Т. Г. Шевченко.
(До мертвих и живих землякив).

Если мать-крестьянка окажется „немолосной", т. е., въ ея грудяхъ мало или вовсе нѣтъ молока, новорожденному тогда обязательно вводятъ черезъ рожокъ коровье молоко. Даже при достаточности материнскаго молока всетаки его кормятъ коровьимъ—„и для сытости и для того, чтобы ребенокъ спалъ больше, да не мѣшалъ бы матери управляться по дому". Перестаютъ давать рожокъ и даже грудь въ особыхъ только случаяхъ, когда, напр., дитя „часуетъ" (т. е., въ ожиданіи смерти кладется въ передній уголъ) и когда вскорѣ послѣ рожденія у него откроется „грызь на нутрѣ". Въ послѣднемъ случаѣ, ребенка угощаютъ дня три соской изъ жеванной моркови и столько же соской изъ жеваннаго ржанаго хлѣба съ сахаромъ.

Рожокъ суется ребенку безпрестанно во всякую пору дня и ночи; съ нимъ онъ спитъ и бодрствуетъ. Молоко для кормленія берется цѣльное, часто смѣшаннаго удоя и всегда перепаривается въ печи. Трехнедѣльныхъ ребятъ уже прикармливаютъ жваниной изъ „всячины" (щами и проч.).

Весьма естественно такимъ образомъ допустить, что пріемы практикуемаго въ деревнѣ кормленія грудныхъ дѣтей, радикально расходясь съ совѣтами акушеровъ-гигіенистовъ, оказываютъ вредное вліяніе на развитіе дѣтскихъ организмовъ. Возможно, что упрощенное до нельзя кормленіе разстраиваетъ здоровье новорожденныхъ, которыя сами по себѣ органически склонны ко всяческимъ заболѣваніямъ. Возможно, что именно не свойственная ихъ слабому сложенію діэта соски и рожка болѣе всего способствуетъ возникновенію того безспорнаго факта, что крестьянскія дѣти, неуспѣвъ появиться на свѣтъ, уже страдаютъ „грызью на нутрѣ", невѣроятно кричатъ дни и ночи отъ „грызи пупка", загибаютъ головки при „кочергушкѣ", сучатъ ноженками и рученками при „чекотухѣ"; ихъ „бьетъ цвѣтъ" и схватываютъ судороги „младенчецкаго"; наконецъ, „цвѣтущій творожокъ", поражая изъязвленіями полости рта, вынуждаетъ младенцевъ отказываться отъ груди и не принимать рожка; истощаясь отъ недостатка корма, малютки чахнутъ, не растутъ и бьются въ „собачьей старости", пока стерегущая смерть не избавитъ отъ страданій. Только счастливые организмы выживаютъ въ

деревнѣ, сотни же менѣе „задачливыхъ“ младенцевъ гибнутъ [1]), муча напрасно матерей, въ конецъ обезпокоившихся нездоровьемъ своихъ дѣтишекъ.

Прислушайтесь, о чемъ толкуютъ межъ собой крестьянки-матери, когда соберутся гдѣ-нибудь. Ихъ разговоръ всегда ужь сведется на дѣтей. Поведутся тогда тревожные распросы о томъ, чѣмъ лѣчить имѣющихся больныхъ, къ кому обратиться за помощью и т. д. Отъ разговора мать не медлитъ перейти къ дѣлу. Съ завидной пунктуальностью пробуетъ примѣнить узнанное средство къ своему больному; не удалось лѣченіе, не видно осязательно-скорой пользы, — снова плетется къ сосѣдкамъ за справками или несетъ хворенькаго къ указанной шептухѣ.

И за работой опечаленная мать не перестаетъ думу-думать о томъ, какъ и чѣмъ бы выпользовать „плохонькое свое дите“. Ночь наступитъ,—нянчится, не смыкая глазъ, съ „обревѣвшейся“ малюткой, утишая ея стоны унылымъ напѣвомъ своеобразной колыбельной пѣсни [1])...

[1]) „Колыбельная пѣсня“.

Баюшки-баю,
Колотушекъ надаю,
Колотушекъ двадцать пять,
Будетъ Коля крѣпче спать.
Сонъ ходитъ по лавкѣ,
Дремота по другой,
Сонъ говоритъ,
Дремота спатоньки велитъ.
Поѣхали по снопы
На высокой лошади,
Увидали зайку,
Зайку—горностайку.
Куда намъ бѣжати —
Къ волку на свадьбу,
Къ лисичкѣ на дѣвичникъ?
Волкъ намъ не дядя,
Лисичка не сестричка;
Побѣжали мы къ вѣдьмедю въ баню..
Не отъ пару вошъ упала,
Изувѣчилась, изуродовалась;
Посылала вошка блошку
По лѣкарство поскорѣй:
„Лѣкарица—судія
Пожалуй лѣкарства“!
Три дня лѣчу, лѣчу
Легче нѣту...
Тутъ попъ—тутъ клопъ,
Пономарь—погребарь,
Дьячки—сверчки,
Мухи голосомъ кричатъ:
„Помяните рабу—
Сѣру вошку во гробу“!
Пойду я въ кабачекъ,
Выпью на пятачекъ,
Помяну рабу—
Сѣру вошку во гробу:
„Слава Богу околѣла
Всему міру надоѣла“!

с. Казачинское, Енисейск. окр. 1895 г.

Да и большенькіе ея ребятишки не въ лучшемъ положеніи: ѣдятъ, пожалуй, и много, но „безутышное“ напичкиванье неудобоваримой пищей только обременяетъ дѣтскіе желудки излишнимъ и безполезнымъ балластомъ; бѣгаютъ они полураздѣтые, полуразутые и въ осеннюю слякоть и въ зимнюю стужу; бѣльишко на нихъ мѣняется всего разъ въ недѣлю...

Но можно ли предъявлять требованіе о дачѣ дѣтямъ лучшей пищи

[1]) Такъ напр., на 247 родившихся въ 21 семьѣ, записанныхъ въ Ужурѣ независимо отъ времени, приходится всего 70 оставшихся въ живыхъ, что даетъ на каждую семью 3,2 выжившихъ и 8,4 умершихъ. См. М. Ѳ. Кривошапкинъ—т. II. гл. 1.

тамъ, гдѣ „насущнымъ“ для семьи является все тотъ же традиціонный „хлѣбушко-батюшко“, приправляемый соусами голоднаго воображенія [1]); можно ли совѣтывать лучше одѣвать ихъ и опрятнѣй держать тому, у кого покупныхъ средствъ едва достаетъ на то, чтобы одѣть и обуть съ грѣхомъ пополамъ „рабочую“ часть семьи—ея кормильцевъ; можно ли укорять мать за несоблюденіе лучшихъ пріемовъ кормленія груднаго ребенка, когда видишь, что она ничего не знаетъ о нихъ, потому что никто ей объ этомъ не говорилъ, да и узнавши кое-что, часто, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, не можетъ выполнить на дѣлѣ, въ жизни, полной непрестаннаго труда, мелочныхъ заботъ и лишеній; допустимы ли вообще подобнаго рода претензіи въ отношеніи крестьянской среды? Положа руку на сердце, — конечно нѣтъ. И чѣмъ инымъ объяснить съ виду безстрастно-равнодушное отношеніе „отцевъ-крестьянъ“ къ физическому прозябанію своихъ „дѣтей“, какъ не безотраднымъ сознаніемъ, основаннымъ на личномъ опытѣ и вѣчно повторяющихъ фактахъ, укрѣпляющихъ во мнѣніи, что тѣ лишь съ возрастомъ получатъ устойчивую организацію, кто перенесъ всѣ невзгоды дѣтства. Пусть молъ ко всему привыкаютъ, пусть извѣдаютъ въ началѣ своего земнаго поприща, сколь горекъ путь жизни и съ измальства закаляются для дальнѣшей борьбы за существованіе.

Можно сказать, что въ деревнѣ каждая человѣческая особь съ колыбели предоставлена самой себѣ и находится, пока не окрѣпнетъ, въ безусловной власти естественнаго подбора. Ничѣмъ не сдерживаемый, этотъ законъ зоологической жизни превращается тамъ въ неумолимаго деспота и убиваетъ безъ сожалѣнія тысячи жизней среди „малыхъ сихъ“. Крестьяне-родители не подготовлены къ борьбѣ съ нимъ, потому что придавлены работой и принижены общественными условіями даже въ сравнительно лучше обезпеченной матеріально Сибири; они лишены возможности пріобрѣтать хотя бы элементарныя познанія по медицинѣ, гигіенѣ, педагогикѣ и др. просвѣтительнымъ наукамъ, которыя дѣлаютъ умственный кругозоръ человѣка шире, мысль свѣтлѣе и нравственныя понятія возвышеннѣе. За крестьянствомъ, оставленнымъ при одной школѣ начальной грамоты, все еще таскается горькое и обидное мнѣніе, что оно „темная масса“. И къ сожалѣнію это сущая правда.

---

[1]) Спѣшу оговориться, что это не одно только фигуральное выраженіе. Мнѣ живо помнится премиленькое личико маленькой дѣвочки, дочери сторожа одного роскошнаго парка. Лѣтнею порой какъ-то она вся улыбающаяся играла сама съ собой на крылечкѣ отцевской сторожки, и, между прочимъ, отщипывая крошки отъ ломтика ржанаго хлѣба, быстро клала въ свой ротикъ, приговаривая, что, де, это она съѣла — щи, въ видѣ второй крошки — жареное мясо, за третьей—лапшу и т. п. Подъ видомъ разныхъ кушаній, какія только могла изобрѣсти ея крохотная головка, дѣвочка съѣла затѣмъ еще два ломтика хлѣба.

Всѣмъ долженъ быть извѣстенъ случай (изъ хроники начала, кажется, 80-хъ г.), что бѣднѣйшая часть населенія г. Астрахани вырыла и съѣла испорченную рыбу, политую вдобавокъ керасиномъ.—Какія приправы, какого сорта воображенія помогали этимъ несчастнымъ глотать подобную гадость?!

Въ дѣтствѣ я самъ не разъ подвергался, подобно астраханцамъ, искушенію ѣсть отбросы пищи. Мое воображеніе умасливало однажды несуществующимъ масломъ гречневую крупу, которой пришлось питаться нѣсколько дней подрядъ.

Позднѣе (въ 1881 г.) довелось принимать участіе въ добровольной голодовкѣ. Какихъ только заманчивыхъ блюдъ не создавала моя фантазія, обостренная шестисуточнымъ голодомъ!

Но, тогда эта правда въ корнѣ подрываетъ дѣятельность доктора-гигіениста и санитара народнаго здоровья, а средства ихъ борьбы съ господствующимъ зломъ сводитъ такимъ образомъ къ числу заурядныхъ палліативовъ. Это такъ. Но на ряду съ дѣятельностями, кладущими въ основаніе стремленія къ излѣченію промаховъ, назрѣвшихъ въ жизни человѣчества, дѣятельность медицинскаго персонала все же будетъ одною изъ благородныхъ, а средства его борьбы съ возрастающимъ растройствомъ народнаго здоровья всегда будутъ признаваться одними изъ раціональныхъ. Прогрессируй рядомъ съ этой дѣятельностью экономическая сторона жизни народа, оставляй она непосредственно въ его рукахъ матеріальныя богатства, совершенствуйся общественныя формы, которыя подымали бы „темную массу" къ свѣтлымъ источникамъ широкаго умственнаго развитія,—плоды отъ нея получались бы въ удесятиренномъ количествѣ и она давала бы болѣе положительныхъ результатовъ.

Измѣнись къ лучшему въ только что очерченномъ направленіи, между прочимъ, жизненныя условія сибирской деревни, можно ручаться, что „отцы-сибиряки", въ силу велѣнія своихъ любящихъ сердецъ, съумѣли бы примѣнить болѣе разумныя начала въ дѣлѣ кормленія и воспитанія своихъ „дѣтей".

Невольно припоминается одна именно такая сильная любовь со стороны родителей-сибиряковъ и такая трогательная попытка „ро̀стить" дѣтей на иныхъ началахъ, къ несчастью закончившаяся на моихъ глазахъ весьма трагическимъ финаломъ, рельефно иллюстрирующимъ весь ужасъ, получающійся отъ „независящихъ обстоятельствъ", какими столь чревата современная деревенская обстановка, какія въ большинствѣ случаевъ дѣлаютъ довольно призрачной мечту объ улучшеніи здоровья крестьянскихъ ребятишекъ.

Въ с. Ужурѣ имѣется семейство Клейменовыхъ. Оно состоитъ изъ молодыхъ еще мужа и жены да сынишка-малолѣтка. Изъ четверыхъ дѣтей, онъ оставался единственнымъ. Послѣднею родилась дѣвочка на другой день послѣ того, какъ мать, проработавъ беременной всю страду, будучи уже „на взносяхъ", подавала снопы, на кладь; дѣвочка была собой очень хилой и черезъ недѣлю съ небольшимъ умерла, оплакиваемая безутѣшной матерью. Эта смерть новорожденной, совпадающая съ періодомъ смерти предшествовавшаго ей мальчика, родившагося при тожественныхъ условіяхъ, показала молодой четѣ, что семейныя дѣла ихъ не совсѣмъ въ порядкѣ и, продолжаясь такъ, могутъ оставить въ лучшемъ случаѣ при одномъ сынѣ, жизнь котораго, понимала хорошо чета, несомнѣнно зависитъ также отъ массы непредвидѣнныхъ случайностей. Дѣти для крестьянъ всегда желательны: они для нихъ опора и надежда на лучшіе дни. Понятно, что и Клеймеповы лелѣяли эту надежду. Поэтому, видя, что дѣти у нихъ „не стоитъ", безконечно горевали и сѣтовали на свое злочастное житье. Но, что они могли предпринять и какъ повернуть колесо жизни иначе? Самъ Клейменовъ сирота и выросъ въ работникахъ; жена его была пріемной дочерью; оба ничего не имѣли... Онъ „женился и зажилъ женою"... Трудолюбіе и бережливость помогли супругамъ сѣсть на свое хозяйство. И дома и на полѣ работало ихъ только двое. Тутъ вотъ и извернись, придумай, какъ оставить беременную жену дома, когда обязательно надо косить и убирать хлѣбъ, чтобы было чѣмъ расплатиться съ податными и прочими платежами. Въ такомъ именно состояніи находились семейныя и хозяйственныя дѣла Клейменовыхъ вплоть до 1893 г. Они снова ожидали прибавленія семейства.

Приходилось иногда толковать съ ними о лучшихъ способахъ

ухода и кормленія грудныхъ дѣтей. Мой товарищъ П. П. предложилъ устроить опытъ. Обладая небольшимъ хозяйствомъ, мы согласились съ Клейменовымъ страдовать совмѣстно, дабы предоставить возможность его женѣ, въ виду ея положенія, оставаться дома. П. кромѣ того убѣдилъ Клейменову, когда явится на свѣтъ ребенокъ, не употреблять рожка, кормить же одною грудью и лишь съ извѣстнаго времени прикармливать коровьимъ молокомъ и проч., что предлагается dr. Андреевскимъ и другими. Сказано — сдѣлано. Мы страдовали. Клейменова сидѣла дома. А когда принесла дочь, строго выполняла уговоръ съ П., т. е., кормила исключительно грудью и начала прикармливать посторонней пищей не ранѣе пяти мѣсяцевъ. Дѣвочка подымалась, крѣпла. полнѣла, криксовъ“ не знала, въ „чекотухѣ“ не горѣла, — словомъ росла „такая, Богъ съ нею“, крѣпонька да веселенька“, какъ говорила мать, и уже стала было ходить вокругъ лавокъ и кое-что лепетать. Все шло, казалось, благополучно до конца лѣта 94 г.—Утромъ какъ-то отецъ ушелъ на паскотину по лошадей; мать, наставивъ самоваръ, вышла доить коровъ; дѣвочка уже играла подъ присмотромъ пятилѣтняго братишка; ползая, она придвинулась къ горячему самовару. отвернула *крантъ*... Затѣмъ прозошло то, что уже описано въ изложеніи объ ожогахъ.

Такихъ Клейменовыхъ, желающихъ установить за своими дѣтьми лучшій уходъ, дать имъ лучшее воспитаніе, чтобы выростить ихъ здоровыми тѣлесно и крѣпкими духовной силой, найдется не мало по сибирскимъ деревнямъ. Клейменовыми стало бы поголовно все крестьянство, если бы не проходили мимо его блага цивилизаціи... Но все остается въ деревнѣ по старому. И это „но“, являясь роковымъ для крестьянскихъ дѣтей, въ связи съ матеріальной нуждой сельскаго населенія и его общественной обособленностью, можетъ быть оказывало въ прошломъ и оказываетъ до сихъ поръ неотразимое вліяніе на тотъ несомнѣнный фактъ. что крестьянство остается замкнутымъ въ кругѣ своихъ воззрѣній на жизнь, своихъ моральныхъ понятій, своихъ взглядовъ на свое земное назначеніе и въ частности на назначеніе женщины, а въ дѣлѣ кормленія и воспитанія потомства придерживается своихъ самобытныхъ правилъ, основанныхъ на цѣлой массѣ суевѣрій и предразсудковъ. И тѣ, на долю которыхъ испоконъ вѣковъ выпадаютъ однѣ земные терніи, мнѣ кажется, иначе не могутъ думать и поступать. Въ области медицинской самопомощи непремѣнно должны ограничиваться „своимъ средствамъ“.

Ихъ примѣняютъ, между прочимъ, и въ отношеніи молодаго поколѣнія, чему постараюсь привести надлежащія доказательства путемъ описанія серіи болѣзней, которыя самимъ народомъ относятся къ разряду дѣтскихъ. Начну съ болѣе общей болѣзни. Ея не минуетъ ни одинъ крестьянскій ребенокъ. Это

1. Дѣтская грыжа. „Отчего она зарождатся у младенца на нутрѣ, не могу сказать. Наружная же приключатся отъ недогляда матери. Когда у ребенка стоитъ на нутрѣ грыжа, она не лѣчитъ и запускаетъ боль; тогда-то грыжа выходитъ наружу: то прогрызетъ у пупка, то выверпетъ его въ картошку величиной, то объявится въ бочку́ или пахахъ, то станетъ кишка выходить, когда ребенокъ „чишкатъ“,—какъ случилось у парнишка, внука старухи. Ожитковой. Ал. Аф. Ананьина.

Грызь на нутрѣ, — нутряна грыжа. Ребенокъ кричитъ и сучитъ ножками. Отъ прикосновенія къ его животику крикъ усиливается; часто марается и нерѣдко одной слизью. Къ ночи замѣчается ухудшеніе; больной стонетъ, плачетъ и, неперестаая, кричитъ, — „ажно за-

ходится". „Поятъ киноварью, какъ попарятъ въ банѣ; дѣвочекъ поятъ антимоніей; вообще же сосичей сѣрой въ порошкѣ, также отваромъ картошекъ-жерновцовъ. Ан. и Н. Дм. Ананьины.

Отъ поноса ребенка поятъ квасцами, церковнымъ виномъ, фамильнымъ чаемъ, морошкой и брусничнымъ сокомъ; дѣтямъ постарше даютъ перекипяченый квасъ.

Для утишенія желудочныхъ коликъ брюшко намазываютъ гущей.

Признается также полезнымъ грудь и рожокъ замѣнять на нѣсколько дней соской по вышеизложенному способу.

Внутрь даютъ антимоній.

Новорожденныхъ поятъ наваромъ колокольчиковъ въ предупрежденіе того, чтобы „не грызло"; сами беременныя ѣдятъ свѣжіе колокольчики. Ал. Аф. Ан--на.

Грызь пупка. Воспаленіе пупка.

Прикладываютъ на пупокъ сулему; мажутъ его кровью изъ пѣтушинаго гребня: „пѣтухъ пропадетъ, если младенцу выхворатся", утверждаетъ Н. А—на. Даютъ вн. по немногу настоя чечилибухи, отвара телегура. Ал. Трофимова.

Кладутъ на пупокъ въ тряпичкѣ толченый чеснокъ и опоясываютъ вокругъ животика холстомъ, чтобы не свалился. Когда на пупкѣ (смотрѣть надо) появится „черное пятнушко", чеснокъ надлежитъ снять и пупокъ смазать кор. масломъ. — Ужуръ.

Бабушка Хевронья А — на въ этомъ случаѣ „загрызаетъ пупъ". Младенца несетъ въ баню, моетъ, немного паритъ и тогда „загрызатъ". Между бабушкой и матерью ведется такой разговоръ:

Что грызешь? спрашиваетъ мать, наученная бабушкой.

— Пупокъ, отвѣчаетъ та.

— Грызи, грызи горазже, чтобы вѣкъ по вѣкъ его не было, продолжаетъ мать.

— Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Аминь. Будьте мои слова крѣпки, лѣпки! заканчиваетъ бабушка и „грызетъ" (кусаетъ слегка) пупокъ зубами.

Кормятъ въ маленькихъ дозахъ сулемой и пр. средствами, подобно предыдущему.

Паховикъ. Твердыя опухоли въ пахахъ (въ родѣ подпазушника), послѣ назрѣванія оставляютъ провалы.

Въ началѣ образованія опухолей толкутъ въ паха пестомъ (Ал. Тр—ва); ушканину прикладываютъ; с. Ужуръ.

Выпаденіе задней кишки. Вправляется съ нашептываніемъ туяскомъ, въ которомъ содержится деготь. (Н. А—на).

Задержаніе мочи. Поятъ отваромъ тмина и корней петрушки, Ал. Тр—ва лѣчитъ также, какъ при рѣзачкѣ. См. От. I, № 20.

Недержаніе мочи. Водятъ, или носятъ ребенка мочиться въ въ свиной кожухъ (хлѣвъ).

Протаскиваютъ черезъ хомутъ—съ наговоромъ.

Стирая штанишки или рубашенку, бьютъ наотмашь три раза; тоже — красными чулками.

Заставляютъ топтать горячее помело.

---

2. Безсонница. Если происходитъ отъ „кочергушки" „полуночницы" и т. п. болѣзненныхъ причинъ, то лѣчатъ, въ связи съ этого рода болѣзнями и независимо отъ того; даютъ, напр. внутрь настой мако-

выхъ головокъ, воду, слитую со стяжковъ, какими только что били свиней, настои №№ 2 и 130, нав. №№ 63 и 69.

3. Грудца подходитъ (стиски схватываютъ). „Младенецъ безпрестанно плачетъ, какъ бы проситъ ѣсть; поднесешь грудь — не беретъ, щелкатъ зубами, удушьемъ возмется, — грудца подходитъ". Топятъ баню, моютъ и парятъ ребенка; надѣвъ распашонку, кладутъ его въ колѣни, передъ тѣмъ какъ спеленать, и смазываютъ съ наговоромъ грудцу мазью № 54. (Ал. Аф. А—на) Ал. Тр—ва называетъ эту хворь стисками. См. § 4 народ. кормл. груд. дѣтей; отд. II.

4. Дихтерикъ и шкарлатина (дифтеритъ и скарлатина). Названіе ихъ Ужурцы узнали отъ фельдшеровъ, у нихъ же и лѣчатся. Но обыкновенно подобнаго рода заболѣванія для самихъ родителей проходятъ незамѣтными и принимаются за простыя горловыя боли, которыя стараются устранить очерчиваніями, припарками изъ горлянки и т. п. Само собой разумѣется домашнее лѣченіе оказывается недѣйствительнымъ и въ результатѣ даетъ значительный процентъ смертности дѣтей. Въ недавнее время придумали слѣд. средство: когда „дитя хрипитъ уже, дихтерикъ душитъ его", къ горлу привязываютъ кусокъ сукна отъ однорядки, смоченный чистымъ спиртомъ. (Н. А—на).

5. Кашель. Лѣчится независимо отъ причинъ, его вызывающихъ. Даютъ настой въ молокѣ желтыхъ пѣтушковъ; запариваютъ сушоную малину, анисовое сѣмя, земляничникъ, также настой изюма.

6. Корь. „Такъ изнашиваютъ корь", т. е. ничего не предпринимаютъ.

7. Кочергушка. Вызывается тѣмъ, что беременныя, случается, „пинаютъ ногами свиней", (Ужурск. вол.). „Младенецъ реветъ, загибатъ головку назадъ и чахнетъ".

Спеленавъ, сажаютъ его до трехъ разъ (съ наговоромъ) въ тепленькую печь; д. Логунова. Назаров. вол.

Протаскиваютъ съ наговоромъ же черезъ калачъ пшеничный, нарочно для того приготовленный, который затѣмъ бросаютъ собакѣ: отъ мальчика — кобелю, отъ дѣвочки — сукѣ. Л. Кокорина.

Носятъ въ баню, гдѣ всего младенца намазываютъ дрождями сквашенными съ отрубями и парятъ вѣникомъ съ наговоромъ. Н. А—на.

8. Криксы. „Какъ полночь младенецъ просыпается, плачетъ и кричитъ до бѣла дня. Случатся надъ нимъ оттого, что какъ-нибудь проснется вмѣстѣ съ крикомъ перваго пѣтуха". Надо носить до 12 разъ „подъ пѣтуха", т. е., сѣдало — мѣсто сидѣнья куръ, — на вечерней зарѣ и шептать"; (наговоръ не записанъ); Ал. Т—ва.

9. Младенчецко. Болѣе распространенное названіе дѣтскаго родимчика. Самый процессъ проявленія обозначаютъ другимъ терминомъ — „цвѣтъ, или свѣтъ бьетъ". Дѣтей, часто подвергающихся припадкамъ младенческаго, или падучей (которую съ нимъ смѣшиваютъ), поэтому называютъ „цвѣтными".

„Младенчецко приключатся, говоритъ Ал. А—на, отъ испугу". Когда „бьетъ" ребенка, то жгутъ передъ нимъ перья, или окуриваютъ малой богородской; накрываютъ чернымъ платкомъ, или вѣнчальной рубахой, а то скатертью изъ-подъ Богородицы".

Цвѣтныхъ лѣчатъ все равно, какъ отъ испугу, — наговорами и проч.; поятъ (съ наг.) настоями травъ №№ 28, 49, 110 и т. п.

„Запариваешь одну, или двѣ травы — сколько велитъ бабка — и ставишь въ баню либо въ трубу на первый дымъ; послѣ чего бабка шепчетъ надъ ними, поитъ ребенка, либо обливатъ на порогѣ, а то

на печи скрозь ниченки [1]), которы растягиватъ надъ его головкой". Ал. А—на.

10. Не маратся. „Не чишкатъ", говорятъ иначе, — стало быть зажигатъ на нутрѣ". Запоры бываютъ.

Даютъ ложечку согрѣтаго коровьяго масла; теперь изрѣдка покупаютъ для этого касторовое масло; въ старину поили дрождями съ порохомъ.

11. Ночной ревъ. Ребенку дѣлаютъ паровую ванну изъ мелкой травы.

12. Переполохъ. Дѣтей поятъ наваромъ травъ №№ 63, 87, 86 и отчитываютъ тѣми же наговорами, что и отъ уроковъ шепчутся.

13. Обмираніе. Обмираютъ дѣти при появленіи на свѣтъ (см. уходъ за новорожденными); обмираніемъ часто сопровождается „младечецко—цвѣтъ", паденіе съ высоты, ушибъ, коклюшъ и т. д. Обмирающихъ „отрясаютъ" нося на рукахъ, окуриваютъ богородской малой и проч.

13. Поносъ. Вн. нав. № 712. Средства противъ него тѣже, какія указаны выше. (См. Грызь на нутрѣ).

14. Подопрѣлость. Присыпаютъ бѣлой глиной, толчеными гнилушками, мелко скобленымъ кирпичнымъ чаемъ и пережаренной мукой.

„Понятно, за чистотой ребенка должна глядѣть, говоритъ Ал. А—на, сама мать. Случатся однако, что прѣть малютокъ заставляютъ бабушки наши. Я видала младенца, у котораго вся головка, шейка и одна бровь взялись сплошнымъ струпомъ; мнѣ думается оттого, что не чисто промыли на немъ родины, о чемъ должна заботиться бабушка".

15. Полунощникъ. „Днемъ ребенокъ спокоенъ и даже спитъ за то какъ вечеръ наступитъ, просыпатся и съ открытыми глазами все кричитъ, все кричитъ; съ инымъ дѣлатся это, когда пропоютъ пѣтухи,—это полунощникъ на ребенкѣ. Съ вечера когда не спится ему, несешь на вечерню зорю; съ полночи просыпатся — на утреню". Ал. А—на; (см. наг. № 2).

Поятъ настоемъ маковыхъ головокъ, какъ бы отъ безсоницы.

Н. С. А—на отъ полунощника носитъ на вечернюю зорю и читаетъ наговоръ № 13.

Такъ какъ полагаютъ, что полунощнику всегда предшествуетъ переполохъ, озѣвъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то послѣ ношенія на зоры, лѣкарка ладитъ еще отъ переполоха и т. п.: пошепчетъ то на воду, которой поитъ, или умываетъ, то на самострѣлъ, который кладется затѣмъ подъ подушку дитяти, чтобы „отстрѣливалъ" отънего всѣ „младенчецки скорби и болѣзни"; то на наваръ какой нибудь травы и проч., что признается существенно хорошимъ средствомъ противъ безсонницы, на которую стараются дѣйствовать особо успокоивающими или снотворными надобьями.

Иногда, утверждаетъ Палагея А—на, полунощникъ совпадаетъ съ чекотухой, тогда читаютъ наговоръ отъ чекотуна-полунощника (№ 12); другія наговариваютъ отъ полунощника и особо лѣчатъ отъ чекотухи (см. нагов. № 3 и 14). Кромѣ наговоровъ лѣчатъ также надобьями, указанными выше (см. Безсонница).

15. Прорѣзыванье зубовъ. Когда чешутся десна, даютъ муслить солодковый корень; если поносъ имѣется, даютъ грызть старые пятаки.

---

[1]) Нитяныя части ткацкаго станка, черезъ которыя продѣвается пряжа основы.

17. Родимчикъ. (См. Младенчецко). Вн. нов. №№ 28, 99 и 110.

18. Собачья старость. „Если женщина въ тяжести пинатъ когда собаку, новорожденнаго будетъ мучить собачья старость“. Ужурск. в.

„Въ собачьей старости младенецъ уже со дня рожденія какъ то чахнетъ, сохнетъ и скоро умиратъ. Выжившій долго не ходитъ (иной до 3 лѣтъ все не умѣтъ ходить), ножки у него искривлены бываютъ, животикъ, какъ пузырь, а самъ тѣльцемъ тощой такой да не боской“. Н. А—на.

Опредѣлить собачью старость, оказывается возможно. Надо, говорятъ, просѣять немного золы черезъ перевернутое вверхъ дномъ сито, распустить въ горяченькой водѣ и процѣдить щелокъ черезъ чистую скатерть въ корыто или сѣяльницу. Тамъ и купаютъ дитя, завернутое въ другой чистой скатерти: послѣ чего въ обмылки высыпаютъ оставшуюся золу, процѣживаютъ снова, золу выжимаютъ и смотрятъ, не найдется ли въ ней „шерстинки“; если окажутся таковыя, — „собачья старость, значитъ“. Купанье повторяется; обмылки сливаются уже на свѣжепросѣянную золу, цѣдятъ, выжимаютъ и смотрятъ, нѣтъ ли щетинокъ; найдутся если, снова выполняется таже процедура, до тѣхъ поръ, пока волосковъ незамѣтно будетъ въ золѣ; тогда мытье заканчивается. На первыхъ порахъ оно, говорятъ, „въ пользу идетъ“. Н. А—на.

Катаютъ по спинкѣ младенца (безъ всякаго наговора) три колобочка изъ тѣста, замѣшаннаго на грудномъ молокѣ и бросаютъ ихъ на съѣденіе кобелю или сучкѣ, смотря какого пола младенецъ. А. А—на.

Большенькихъ сажаютъ ножками въ брюшину только что заколотаго барана. Купаютъ въ наварѣ собачьихъ ягодъ. А. Н—на.

Больныхъ носятъ также въ баню со щенкомъ соотвѣтствующаго пола. Тѣльце предварительно смазывается мазью № 63, затѣмъ бабушка, лѣкарка же паритъ вѣникомъ щенка (съ наговоромъ), а потомъ ребенка, и такъ продѣлываетъ нѣсколько разъ... „Если щенокъ послѣ бани подохнетъ, — младенецъ пойдетъ на поправу“. Щенка, между прочимъ, надлежитъ парить „не вольготно“, а какъ слѣдуетъ, чтобы, такъ сказать, запарить его, иначе больному „польги“ не будетъ. Пр. А—на, Ал. А—на и друг.

20. Стиски. Подъ ними Ал. Тр—ва разумѣетъ тоже, что замѣчается у младенца, когда „грудца подходитъ“. (См. Грудца).

21. Стѣнь. „Ребенокъ чахнетъ, реветъ и не растетъ“, говоритъ Ал. Трофимова.

„Поди по дорогѣ (въ улицѣ хотя бы), говоритъ она, съ запада на востокъ и набирай 3×9 селименокъ, которы крестъ-на-крестъ лежатъ, каждый разъ приговаривая „Господи Исусе“! Селименки сварить надо со свинымъ подорожникомъ, отваръ слить на литовку съ острія до пятки: имъ обливай подъ куринымъ сѣдаломъ,—пособлятъ. Или

Смѣрь тѣльце ребенка, голову, руки, ноги, — всего надо суровой ниткой, завязывая каждый разъ узелокъ; ребенка неси къ притвору (съ ниткой въ рукахъ); поставь одной ножкой на порогъ, и немного выше головы надо провертѣть въ двери дыру нопарьемъ (для памяти); ребенка обольешь простой водой надъ квашенкой предъ цѣломъ печки, говоря: „Господи благословесь“! На утро, только затопишь печь, брось эту нитку въ первый огонь, а про себя шепчи: „Какъ эта нитка горитъ, такъ и всѣ хворости пусть у раба божьяго (имя рекъ) сгорятъ“! Ал. Т—ва отождествляетъ „стѣнь“ „съ собачьей старостью“, „криксы“ съ „полуношникомъ“.

22. Творожокъ цвѣтетъ въ ротикѣ. Это, собственно, про-

стые виды плѣсневицы, или молочницы, весьма обыкновенные у грудныхъ дѣтей. Вышеописанные пріемы кормленія, какъ нельзя лучше способствуютъ цвѣтенію творожка.

Творожокъ изъ ротика выскребаютъ просто пальцемъ. Если моютъ дитя въ банѣ, то листикомъ вѣника, или мать своей косой скребетъ; иногда засыпаютъ сахаромъ, мажутъ медомъ въ надеждѣ, что „робенокъ прососетъ творожокъ со сладенькимъ"; засимъ опять слѣдуетъ дача иногда прокисшаго, или плохо выжареннаго рожка, и „безутышно" продолжается накачиванье коровьимъ молокомъ.

23. Тѣльце цвѣтетъ. „Сыпь такая по тѣльцу новорожденнаго другой разъ бывать. Должно отъ мыла же, когда моешь робять, приключатся,—къ въ книгѣ вотъ сказано", замѣтила при этомъ Ал. А—на.

Вообще же происхожденіе сыпи относятъ къ банной приткѣ. Сгоняется однородными съ послѣдней средствами. (См. банная притка).

24. Уроки, страхи и т. д. Изурочатъ ли, озѣваютъ (похвалятъ напр.) зворовье дитяти, въ такихъ случаяхъ, говоритъ Ал. А—на, ребенокъ спитъ тревожно, часто просыпается, „вздрагиватъ во снѣ и лопочетъ"; это — „малые уроки съ нимъ". Но бываетъ, что дитя, „особливо когда испужаютъ его", совсѣмъ лишается сна, мало ѣстъ, или вовсе не принимаетъ груди; „реветъ, точно его рѣжутъ, весь разгоратъ, мечется; другого почнетъ цвѣтъ бить"; это будутъ „большіе уроки — урочища". При малыхъ урокахъ „робенка своего напоишь съ трехъ угольковъ, или обольешь чистой водой (безъ наговора) и больше ничего: дитя притихнетъ и уснетъ". При урочищахъ „лаіишь на воду, наговаривашь отъ уроковъ, либо носишь на зорю, ровно бы отъ полуношника, и поишь травами, либо другимъ надобьемъ". Ал. А—на (см. наг. №№ 1 и 2).

Василій Бормота ручается, что изуроченнымъ „шибко пособлятъ" его наговоръ отъ уроковъ; (см. наг. № 30).

Полагея А—на въ такихъ случаяхъ „на воду ладила" (съ наговоромъ № 10); ею поила и умывала.

Н. А—на носитъ отъ уроковъ на зорю; (нагов. № 13).

При общеизвѣстной нервной воспріимчивости дѣтей, особенно рельефной и въ первые дни по рожденію на свѣтъ, когда вообще предрасположеніе къ заболѣваніямъ весьма велико", — какъ говоритъ д-ръ Андреевскій [1]), весьма возможно, что ужасающій видъ живаго существа, внезапный крикъ, ударъ и пр. способны вызвать въ нихъ тѣ болѣзненныя страданія, на какія указываетъ здѣсь Ал. А—на, какія близко подходятъ, въ остромъ теченіи своемъ (когда заканчиваются „младенчецкимъ" и „цвѣтомъ"), къ припадкамъ, напр., дѣтскаго родимчика, признающагося и научной медициной. Но нельзя, конечно, происхожденіе сего послѣдняго и болѣе легкія формы дѣтскихъ недомоганій ставить въ зависимость отъ однихъ только внѣшнихъ причинъ и придавать въ этомъ случаѣ такое сильное вліяніе многообразнымъ „людскимъ озѣвищамъ", какъ это допускается крестьянствомъ. Доказано, что и помимо ихъ съ дѣтьми могутъ происходить „судороги", такъ сказать, естественнымъ путемъ, развиваясь на почвѣ аномалій, замѣчаемыхъ въ общемъ строѣ дѣтской организаціи, которая бываетъ крайне несовершенною „втеченіи перваго года жизни" [2]). Такимъ образомъ уроки и т. п. озѣвища людскія сами по себѣ не будутъ составлять той или иной формы болѣзни, а являются въ отношеніи послѣднихъ только первопричинами,

---

[1]) „Школа здоровья", стр. 213.

[2]) Ibidem.

лишь косвенно вліяющими на ихъ происхожденія. Это вѣрно и въ отношеніи взрослыхъ и въ примѣненіи къ дѣтямъ.

25. Цвѣтъ. См. „Младенчецко“. Нав. №№ 23, 38, 49, 69, 99, 113 (Отд. I).

26. Чекотуха. „Робенокъ сучитъ рученками и ноженками, на пяткахъ и подошвахъ краснота, ему не спится, — чекотуха съ нимъ“. Ужур. вол.

Избавить отъ нея дитя можно: „надо снять рубашенку, вымочить въ лохани, подойти съ ребенкомъ къ двери, отворить, повѣсить на нее рубашенку, затворить и взапятки уйти на кровать; дѣлается ночью, когда всѣ спятъ. Будетъ ревѣть на другой день, неси къ лѣкаркѣ“ Анна А—на; д. Лугунова, Назар. вол.

Лѣкарки носятъ на зорю, особенно если чекотуха совпадаетъ съ полуношникомъ (наг. №№ 2 и 12) и лѣчатъ особо: чертятъ пяткой веретешка, обмокнутаго въ смолѣ, пятки подошвы, лобъ, темя ребенка съ извѣстными приговорами, какъ поступаютъ А. А—на и Н. Клейменова. (См. наг. №№ 3 и 14).

Опредѣленія жизни и смерти дѣтей. Средствами къ тому служатъ нѣкоторыя травы. Прасковья А—на указываетъ на бѣлую траву (Ballota lanata L.), Ал. Трофимова на мелкую траву Patentilla anserina L.). (См. Сборникъ, отд. III №№ 1 и 4).

Женскія болѣзни.

Психо-физіологическое состояніе крестьянки, изображаемое сообщеніями Ал. Ананьиной по народному акушерству, непреувеличивая, можно назвать мучительно-тяжелымъ и безотраднымъ.

Не смотря на краткость и нѣкоторую неполноту, сообщенія А—ной, на себѣ не разъ испытавшей „родильныя муки“, все же проливаютъ достаточно свѣта на картину совершающихся въ деревнѣ дѣторожденій, причиняющихъ матерямъ бездну безысходнаго горя и ненужныхъ страданій, въ результатѣ же дающихъ ужасающую сумму безвинныхъ смертей и разбитую жизнь родителей.

Въ этихъ сообщеніяхъ, кромѣ того, нагляднѣе выступаютъ родъ и сущность спеціально женскихъ болѣзней и становятся понятнѣе причины происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе распространенныхъ среди крестьянокъ, напр.: „болѣтки брюха“, „бѣла и красна грыжа“, „женское безплодіе“ и проч., изложеніемъ которыхъ и закончится послѣдній отдѣлъ Матеріаловъ.

1. Безплодіе. „Кто знатъ, отчего оно. Бывать, портятъ себя еще въ дѣвкахъ черезъ то, что „балуютъ шибко“. Ина забеременѣтъ старается выжить плодъ, друга хлопочетъ, чтобъ не забрюхатить вовсе; вотъ и пьютъ всякіе надобья, ходятъ къ бабкамъ и портятъ себя; по выходѣ же замужъ не носятъ робятъ; черезъ то даже лѣченье не пособлятъ“.

Предположенія, высказываемыя Ал. А—ной, не смотря на свою односторонность, все же отчасти вѣроятны: въ Ужурѣ имѣется два подобныхъ примѣра.

Къ причинамъ, вліяющимъ на полное, или временное прекращеніе женской плодоспособности, Ананьина относитъ: а) „перенесеніе неправильныхъ родовъ“; b) упущенія повитухъ при подачѣ помощи родильни-

цамъ, благодаря чему послѣднія всю жизнь потомъ „маются болѣтками брюха; с) „бередъ брюха“ во время беременности, вызывающій затѣмъ выкидышъ, или преждевременныя роды; d) „надсаду“; е) „бѣлую и красную грыжу“, словомъ все то, что и на самомъ дѣлѣ можетъ повредить „плодуху“ и произвести другія измѣненія въ строеніи и дѣятельности половыхъ органовъ женщины.

Справедливость своихъ замѣчаній она подтверждаетъ фактами, изъ которыхъ приведу болѣе подходящіе. Жена Семена Ананьина принесла первенца (онъ вскорѣ умеръ) и перестала носить отъ того, что „съ родинъ что-то подѣялось“; Матрена Каргополова „имѣла трехъ ребятъ, теперь не носитъ: furedилась сильно, когда ходила беременна первыми двумя“; за мужемъ 9 лѣтъ.

Безплодіе для крестьянки — самое больное мѣсто: въ общемъ хорѣ той среды оно признается „порокомъ“, дѣлающимъ отвѣтственной одержимую имъ женщину; оно является для нея нерѣдко источникомъ моральнаго приниженія, часто безвинно претерпѣваемаго ею въ семьѣ мужа; лишаетъ ее, наконецъ, единственной радости имѣть дѣтей, черезъ которыхъ мать прочно внѣдряется въ семьѣ мужа и получаетъ залогъ утѣшенія и покоя на старости лѣтъ. Поэтому каждая изъ замужнихъ, намѣренно, или случайно лишившаяся способности къ дѣторожденію, всѣми, силами стремится возстановить ее и всѣ „средства“ испробуетъ.

Чтобы носить робятъ. Для этого пьютъ навары травъ: нутреца, теплыжника и травы чиръ и правятъ животъ у лѣкарокъ. Такъ лѣкарка Монакова дѣлала той женѣ Семена 12 бань, правила животъ, поила наваромъ травы чира и извередной, послѣ чего будто-бы (хотя достовѣрный фактъ) забеременѣла и принесла парня на десятомъ году своего безплодія; спустя годъ принесла другого. Жена Трофима Ан—на имѣла 6 ребятъ (4 живыхъ); за послѣднимъ перестала носить, что длилось 9 лѣтъ; лѣчась, она родила (въ 90 г.) парня, а въ 93-мъ—дѣвочку; оба живы. Жена Луки Ал. А—на по выходѣ замужъ не носила дѣтей 9 лѣтъ; употребляя внутро наваръ корней теплыжника, по совѣту лѣчившей ее бабушки (которая „накидывала ей горшокъ“ на животъ, ровно бы отъ надсады, пользовала банями и кое-чѣмъ другимъ, мнѣ неизвѣстнымъ), Ананьина, не болѣе 5 лѣтъ назадъ, принесла послѣ того четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ два въ живыхъ. Съ той же цѣлью пьютъ наваръ нутреца. Какъ болѣе поразительный примѣръ того, что лѣкарки своимъ лѣченьемъ и надобьями могутъ иногда вызвать, или вернуть способность къ дѣторожденію, Ал. А—на привела случай съ женой Василья Сураза.

„Она, говорила, сошлась съ Васильемъ молоденькой; 16-ти лѣтъ забеременѣла; года не вышли—попъ не сталъ вѣнчать; она принесла. Василій сложился съ ней и сталъ жить, какъ мужъ съ женой; ребенокъ же умеръ и дѣтей больше не было. Долгое время жили невѣнчаны; собравшись съ денжонками, повѣнчались. Баба начала лѣчиться, черезъ то стала носить робятъ: не въ долгихъ тутъ (черезъ 17 лѣтъ послѣ перваго) принесла мальчика и дѣвочку (умерла)“.

Иныя, говоритъ Ал. А—на, „ради этого пьютъ пуповину, котора отпадать у робятъ; запарятъ въ чайникъ и эту срамну воду пьютъ“. Однако питье пуповины не принесло желанныхъ результатовъ женѣ Алексѣя Ан—на, которая сначала замужества, около 11 лѣтъ, не имѣетъ дѣтей. Такихъ абсолютно-бездѣтныхъ, сравнительно еще молодыхъ женъ, быть можетъ столь же тщетно дѣлающихъ попытки имѣть дѣтей черезъ лѣченіе,—Ананьина насчитала до 11.

Но рядомъ съ такими стремленіями женщинъ существуютъ явле-

нія иного порядка: секретными средствами успѣваютъ, будто, добиться того.

Чтобы не носить робятъ. Подобное желаніе въ замужней крестьянкѣ на первый взглядъ совершенно немыслимо, а если что и практикуется въ этомъ смыслѣ, то развѣ дѣвушками по извѣстнымъ только имъ мотивамъ. Какъ бы то ни было, но средства къ выполненію подобнаго намѣренія, утверждаютъ, есть. Соломонида А—на (уроженка д. Марьясовой, по рч. Черешѣ) передавала, что односельчанки указывали ей на траву ладошки Orichis militaris S.), корешки которой предохраняютъ отъ беременности на 1—5 лѣтъ, смотря по тому, съѣшь ли одинъ корешокъ или пять. На сколько это указаніе вѣрно, она не знаетъ.

Чтобы выжить ребенка. При подобномъ желаніи пьютъ, говорятъ, порохъ, сулему и пользуются совѣтами бабушекъ.

Для предупрежденія уничтоженія плода поятъ наваромъ росянаго ладона.

2. Бередъ брюха (живота). „Бередилась" — тревожила, ушибла чѣмъ нибудь животъ. Бередъ брюха можетъ произойти отъ удара въ животъ, отъ сотрясенія при паденіи, отъ натуга и т. п. причинъ и случайностей. Бередить брюхо для женщины особенно опасно въ періодѣ беременности. Отъ этого, говорятъ, можетъ послѣдовать выкидышъ или преждевременныя роды и все такое, отъ чего всю жизнь потомъ будешь „маяться болѣтками. Когда „потревожишь себя, слѣдуетъ сейчасъ же начать пить изверeдну траву, либо уразный звѣробой, позвать духтарху, чтобы растирала брюхо и прочее, что дѣлать нужно". Ал. Ан—на.

3. Болѣтки брюха. Это общій терминъ, которымъ имѣется въ виду показать, что не все въ порядкѣ на „нутрѣ". По отношенію къ женщинѣ онъ почти всегда означаетъ, особенно въ послѣ-родовомъ состояніи, страданія, главнымъ образомъ половыхъ органовъ. Если нѣтъ явныхъ признаковъ болѣзни или просто не поддаются опредѣленію, то обыкновенно говорятъ: „болѣтки каки-то все ходятъ; то спустятся ниже пупка, то подкатятся... Попьешь чего-нибудь,—пріотдастъ маленько, на часъ полегчатъ". Когда же болѣзнь вполнѣ извѣстна, но нежелаютъ разглашать женскія секреты, то говорятъ также односложно, въ родѣ того, что „не брюхатитъ,—болѣткамъ мается", хотя потомъ окажется, что у ней, напр., „плодуха опустилась" или „залевища" имѣются и т. п.

Лѣченіе женскихъ болѣтковъ производятъ, сообразуясь съ положеніемъ и характеромъ ихъ. Вообще же при „болѣткахъ брюха", говорятъ, можно пить „безбоязненно" девятильникъ, и другія растенія, поименованныя въ этомъ отдѣлѣ женскихъ болѣзней.

4) Груди женскія (титьки). Забрусенье грудей—грудница,—вѣтренній переломъ. Сопровождается одеревенѣлой припухлостью одной, или обѣихъ титекъ, ломотой въ нихъ и остановкой молока. Послѣднее, зависимое отъ нѣкоторыхъ болѣзней и случайностей,—испуга и т. п.,—само по себѣ производитъ забрусеніе грудей. Названіе „вѣтренній переломъ" присоединяетъ еще одну причину, — простуду, оказывающую вліяніе на образованіе „забрусенья—грудницу", имѣющую много сходнаго съ „грудницей", описываемый д—ромъ Андреевскимъ (стр. 762).

Ал. А—на лѣчитъ грудницу наговоромъ № 6; Пал. А—на,—какъ отъ „вѣтреннаго перелому, наговоромъ №№ 10—11. Кромѣ того дѣлаютъ втираніе мази № 62; прикладываютъ листья бѣлены, какъ Ефр. Кокорина; примѣняютъ припарки изъ свѣжаго, также сухого звѣробоя, какъ Н. Клейменова, которой привелось хворать грудницей послѣ описанной выше смерти ея дочери.

Испугъ, вызванный ожогомъ дочери, мученія отъ сознанія своей

вины въ страданіяхъ ребенка и его смерти, а также неожиданная пріостановка въ кормленіи грудью,—вся эта совокупность „непредвидѣнныхъ обстоятельствъ“ отразилась на бѣдной матери въ формѣ забрусѣнія одной изъ грудей.

Послѣ припарокъ изъ лугового звѣробоя на груди образовался провалъ, изъ котораго вышло „много дури“; затѣмъ опухоль опала, ломота „утишилась“ и Кл—ва скоро поправилась.

Нарывы на грудяхъ. Сн. припарки лугового звѣробоя; листья воронца, бѣлены, мазь № 62.

Свищи. Снаружи втирается мазь № 62.

Соски трескаются. Мажутъ свѣжими сливками, а изрѣдка перестаютъ сосить ребенка.

Язвы титекъ. Сн. мазь № 51, или пластырь № 73.

Слаботитье. Млекотеченіе [1], — „отъ него нѣтъ лѣченія, развѣ что чаще отчиркивашь молоко“. Ал. А—на.

Туготитье. Объясняютъ недостаткомъ молока въ грудяхъ пьютъ отваръ сѣмянъ аниса. Анна Д. А—на.

5. Дѣланныя родовыя муки. Происходятъ будто бы съ женщинами небеременными и даже съ мужиками оттого, что ихъ „могутъ дѣлать,—есть таки люди“; избавиться отъ нихъ можно, если найдешь того, кто „снять сможетъ“. Бабушка Хавровнья.

6. Женская грыжа. (См., грыжа отд. I).

Бѣла грыжа. Страданіе бѣлями.

Внутрь мелко-истолченый хрусталь съ водой, или конопляннымъ молокомъ. Н. А—на.

Внутрь водочный настой сулемы.

Отваръ волосянки женской и наваръ № 121.

Красна грыжа. Вѣроятно тоже, что д-ръ Андреевскій (стр. 933) обозначаетъ словами: „слишкомъ обильныя мѣсячныя очищенія и кровотеченія изъ матки“. Для крестьянокъ очевиденъ только фактъ кровотеченія—„залевища“, происходящаго въ необычное время и въ обильномъ количествѣ, независимо отъ того, чѣмъ онъ вызывается, изъ какихъ частей „родовъ“ исходитъ. По длительному характеру и „грызущимъ“ свойствамъ эта боль, какъ и бѣли, относится къ одному изъ видовъ грыжи; по внѣшнимъ же ея признакамъ—теченію „красокъ“—прибавляютъ эпитетъ „красной“.

При красной грыжѣ употребляются: настой женской волосянки, отваръ № 44, навары №№ 54, 70, 76 и 121.

Залевища. См. краски.

Золотникъ. „Матка опускается къ лунѣ“, говоритъ Ал. А—на въ видѣ поясненія того, что значитъ—хворать золотникомъ. При этомъ слышна „боль у пупа“; она даетъ роженницѣ ни ѣсть, ни спать; какъ ребенка сосить такъ въ жаръ бросатъ, къ серцу и бокамъ болѣтки подступаютъ: оттого что которы бабки „не правятъ брюхо съ родинъ“. Болѣзнь эта не у каждой приключатся, по человѣку глядя тоже: которы „брюхомъ крѣпки“, тѣ встаютъ на другіе, или третьи сутки иробятъ.

Отъ этой боли бабушки правятъ животъ. Утромъ поправятъ, подвяжутъ рукотерникомъ брюхо пониже пупка, а вечеромъ опять поправятъ и такъ до 3—6 дней; поятъ еще наваромъ № 141 или 146.

Говорятъ еще

Плодуха (матка) опустилась. Отъ надсады, или другихъ причинъ. Употребляется отваръ теплыжника. Н. А—на.

Рванины. Замѣтное припуханіе венъ (шишки) на ногахъ, жи-

---

[1]) Андреевскій, стр. 764.

вотѣ и др. частяхъ тѣла, часто случающееся у беременныхъ; нерѣдко шишки мѣстами прорвутся (пропукаютъ) и истекаютъ кровью; отсюда названіе боли — „рванины“.

Средства для лѣченія рванинъ весьма ограничены. Пытаются предупредить „набуханіе жилъ“ тѣмъ, что мажутъ пораженныя части мѣстомъ отъ перваго своего ребенка; кровь откроется — заговариваютъ (см. заговоры №№ 20 и 21), или „перетягиваютъ жилы тесемкамъ“; дѣлаютъ также припарки изъ камчака. Ал. А—на.

„Нельзя гледѣть на женщину, у которой есть рванины: у самой будутъ онѣ“, — Ужур. вол.

„У нашей невѣстки, говорила Ал. А—на, рванины завсегда живутъ, даже въ просто время; когда ходитъ въ тяжестяхъ, нагрубаютъ шибчай, на ногахъ и животѣ дѣлаются шишки; ходить и робить уже трудно тогда ей. Разъ мылась это она въ банѣ; зашла туда Д. Б. и тоже стала мыться; увидала это невѣстку, испужалась и говоритъ: зачѣмъ это меня чертъ занесъ сюда, прости Господи! Срамно-то гледѣть на тебя, Маланьюшка“. — Недомывшись убѣгла... Что-же? Послѣ того сама мучилась рванинами.

Рѣзачка { Порченая и Непорченая. } См. грыжи, отд. I.

Хомутъ { Верховой и Нутряной. } Ibidem.

7. Краски. Подъ ними разумѣютъ обычныя и необычныя мѣсячныя очищенія и различнаго рода кровотеченія изъ „родо́въ“. Когда краски открываются, или прекращаются въ необычное время, или же становятся слишкомъ обильны и переходятъ нерѣдко въ „залевища“,— это вызываетъ серьезныя опасенія и заставляетъ крестьянокъ стараться какъ-нибудь упорядочить ходъ ихъ.

Брюхо вздыматъ. Ал. Ан — на предполагаетъ, что это бываетъ „отъ малыхъ родовыхъ кровей“, или

Долго красокъ не быватъ, съ роди́нъ, или какихъ-нибудь другихъ причинъ.

Въ обоихъ случаяхъ пьютъ полевую ромашку, калганную настойку, хмѣль и др. надобья, поименованныя въ „Сухихъ родахъ—

Красокъ нѣтъ, — нейдутъ краски. Означаетъ полное прекращеніе мѣсячныхъ. Оно случается, говорятъ, чаще послѣ роженья, но происходитъ и въ дѣвическомъ возрастѣ. Тогда его называютъ.

Дѣвичей немочью, (блѣдная немочь), которая развивается въ дѣвицахъ, по утвержденію повитухъ, иногда отъ того, что „мать унесетъ краски въ землю“, т. е., умретъ въ день регулъ дочери, или смерть совпадетъ съ первымъ появленіемъ ихъ. Такъ случилось, говоритъ Ал. А — на, съ дочерью Ник. Стрищинскаго, у котораго жена умерла „мѣстомъ“. Авдотья осталась отъ матери на 15 году и шибко убивалась по ней; потомъ стала блѣднѣть какъ-то, худать и съ работы приставала. За послѣднее время все кахикала и зачахла, не имѣя до самой смерти красокъ (умерла на 94 г.).

При отсутствіи менструацій и дѣвичей немочи стараются „вызвать краски“ соотвѣтствующими надобьями.

Залевища. Обильныя краски. Заговариваютъ кровь и поятъ измаденомъ; но вообще домашнее лѣченіе рѣдко бываетъ успѣшно. Такъ у второй жены Прохора Ананьина еще въ дѣвушкахъ открылись „залевища красокъ“; „всѣ наши духтарки, передавала Ал. А—на, не смогли остановить ихъ. Думали, что помретъ. Только дохтуръ Старо-

гродскій пособилъ“. Эта женщина уже вышла за втораго и ни отъ одного не имѣла дѣтей, хотя въ замужествѣ уже 7 лѣтъ. Надо думать, что залевища не остались безъ вліянія на ея безплодіе.

Смѣртны ключи красокъ. См. отд. нар. акушерства.

8, Онѣмѣніе рукъ и ногъ. Случается у беременныхъ. Мажутъ руки и ноги нарочно припасаемыми для этого обмылками съ мертвеца.

9. Поносить брюхо. Подъ этимъ разумѣютъ беременность женщинъ. Она, извѣстно сопровождается цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ явленій, которыя понимаются Ал. А—ной нѣсколько односторонне и выливаются въ ея представленіи въ формѣ прихоти въ пищѣ. Чтобы облегчить это состояніе, слѣдуетъ, идя топить баню, „взясть съ собой калачикъ, или корочку хлѣба и съисть её, пока топится первая каменка“ (первая истопель). Пьютъ также наваръ гранатника.

10. Пусто брюхо. См. Акушерство.

11. Рвота. На нее смотрятъ, какъ на обычный симптомъ беременности.

12. Судороги. Заставляютъ топтать босыми ногами горячее помело.

13. Тошнота.—Также какъ и блевота всего чаще случаются при беременностяхъ, когда „поносятъ брюхо“. „Проблюешься и—только“, говорятъ.

14. Уроки. Большею долею „урочливости“, по мнѣнію крестьянокъ, обладаютъ беременныя и родильницы. (См. „уроки“, „цвѣтъ“ въ I отд.; „Если Богъ не дастъ скоро“ и поясненіе къ этому тексту во II отд.; поясненіе къ „урокамъ“ въ III отд.; также наговоры отъ „уроковъ“).

15. Цвѣтъ. Послѣднихъ, какъ говорилось выше, также и „цвѣтъ бъетъ“ то по причинѣ исключительнаго поленія ихъ, то вслѣдствіе потрясающихъ обстоятельствъ и второстепенныхъ случаевъ (См. „цвѣтъ“ отд. I). Проявленіе „цвѣта“ среди беременныхъ женщинъ приближаетъ и самыя причины происхожденія его къ причинамъ вызывающимъ у родильницъ и беременныхъ родимчикъ, истерику, обмиранія. „Цвѣтъ“ въ данномъ случаѣ есть какъ бы общее наименованіе этихъ болѣзней.

Главнѣйшіе термины, употребляемые въ народномъ акушерствѣ.

Богъ не дастъ скоро — продолжительные роды.
Богъ проститъ — разрѣшиться отъ беременности.
Богъ проститъ легко — своевременно и безъ лишнихъ затрудненій родить.
Брюхомъ крѣпкой быть — встать на другіе-третьи сутки послѣ родовъ и работать.
Брюхо вздымать — послѣродовыя сокращенія матки, ея болѣзни и т. п.
Брюхо взнимать станетъ — начало родовыхъ потугъ.
Воды пролились — пузырь лопнулъ.
Въ тяжестяхъ ходить — беременной быть.
Давать силу — тужиться, усиливать давленіе на матку.
Долго красокъ нѣтъ — временная остановка менструацій.
Долго муки идутъ — долго потуги продолжаются; плодъ не выталкивается.
Голову обноситъ — головокруженіе.

Животъ править — дѣлать растиранья во время потугъ; направлять положеніе младенца въ утробѣ; направлять его во время выхода; послѣ родовъ подымать матку и т. п.
Залевища — усиленныя менструаціи, кровоизліянія изъ матки.
Золотникъ — матка.
Золотникомъ хворать — страданія матки.
Краски — менструаціи, послѣродовыя крови.
Красокъ нѣтъ — не идутъ — полное прекращеніе менструацій.
Краски хвощутъ — льются обильно.
Муки — „родовыя боли, схватки и сопровождающія ихъ болѣзненныя ощущенія“.
Муки взнимаютъ — мучиться въ родахъ.
Мѣсто — послѣдъ.
Мѣсто не вышло — послѣда не было.
На взносяхъ
На тѣхъ порахъ } послѣдніе дни беременности.
Надыматься — тужиться, „силу давать“.
Обмирать — ослабѣть, быть въ обморокѣ.
Поконъ — вытѣсненіе плода.
Поконъ тяжелый — вытѣсненіе плода съ затрудненіями и длительное.
Плодуха — матка-золотникъ.
Плодуха опустилась — выпаденіе матки.
Померѣть красками — отъ послѣродовыхъ кровей, залевища.
Померѣть въ мукахъ — не разрѣшиться отъ беременности, умерѣть во время потугъ или отъ невышедшаго плода.
Померѣть мѣстомъ — умерѣть отъ не выхода послѣда.
Приспѣтъ часъ родить — моментъ совершенія родовъ.
Пропукнетъ пузырь — самопроизвольно лопнетъ.
Прощипать пузырь — прорвать насильно.
Поносить брюхо — болѣзненныя состоянія на первыхъ порахъ беременности; зачатіе.
Пусто брюхо — выкидышъ.
Робенокъ повернулся — неправильное положеніе младенца въ утробѣ; неправильный выходъ его.
Растряслась — принесла, разрѣшилась отъ беременности, родила.
Рванины — припуханіе венъ во время беременности.
Роды — половыя части женщины (см. неправильные роды).
Родины — послѣродовыя краски, воды и проч.
Роженье — весь процессъ родовъ.
Смёртны ключи красокъ — безостановочно-усиленныя кровоизліянія изъ матки.
Сухи роды — когда водъ нѣтъ, красокъ мало или не было.
Тяжела — беременна.
Хоронить мѣсто — прятать послѣдъ.

А. Макаренко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губерніи.

Огонь, какъ извѣстно, издавно являлся предметомъ особеннаго почитанія для многихъ народовъ. Вездѣ почти его возводили на степень божества и покланялись ему. Въ настоящее время символическое значеніе огня безсомнѣнія умалилось въ глазахъ народностей болѣе культурныхъ странъ. Но и здѣсь отыщутся укромные уголки, гдѣ населеніе еще вѣрно отжившимъ традиціямъ обоготворенія огня. Въ нашемъ отечествѣ, напр., найдется не мало подобныхъ фактовъ. Сошлемся хотя на свидѣтельство „Нов. Время" [1]), перепечатанное затѣмъ журналомъ „Жив. Стар." [2]). Оно передаетъ о томъ, что жители волынскаго Полѣсья на своихъ свадьбахъ примѣняютъ огонь съ цѣлью разоблаченія интимной жизни молодой за время предшествовавшее ея замужеству. День Ивана-Купала (24 іюня) въ Малороссіи рѣдко когда обходится безъ огня. Тамъ подъ сурдинку „купальскихъ" напѣвовъ парубки и дѣвушки скачутъ черезъ пламя костровъ, разводимыхъ нарочно вечеромъ этого дня [3]). Живя недолго въ Кременчужскомъ уѣзд., Полтав. губ., между прочимъ, мнѣ пришлось видѣть, какъ парубки въ продолженіи всей Ивановской ночи ходили съ зажженными пучками соломы, укрѣпленныхъ ивовыми прутьями къ длиннымъ шестамъ: при свѣтѣ такихъ своеобразныхъ факеловъ они переходили изъ хутора въ хуторъ, съ цѣлью навѣстить своихъ „кохановъ".—При видѣ огня молніи люди большею частью впадаютъ въ паническій страхъ; когда случится, что молнія зажжетъ избу, зародъ-ли сѣна и т. п., большинство крестьянъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ затушить пожаръ, такъ какъ признается, что огонь молніи неугасимъ, онъ есть божеское наказаніе, противиться которому не должно. Такимъ образомъ заурядное физическое явленіе возводится въ культъ и почитается какъ нѣчто сверхъестественное. Кремневый огонь, высѣкаемый огнивомъ изъ кремня, примѣняется повсемѣстно при лѣченіи „летучаго огня" и тоже надѣляется силой, способной уничтожить злокачественную сыпь... Эти и т. п. примѣры составляютъ наслѣдіе, цѣликомъ перешедшее къ намъ издревле, они суть отзвуки былыхъ языческихъ вѣрованій, до сихъ поръ осѣняемыхъ ореоломъ фантастической поэзіи.

На огонь, какъ на очистительное средство, смотрятъ также

---

[1]) № 5303.

[2]) Вып. II, 90 г., стр. 138.

[3]) Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ „купальскихъ" обрядовъ и игрищъ.—„Жив. Ст.". стр. 138, вып. I, 96 г.

крестьяне-сибиряки трехъ округовъ Енисейской губ. [1]). Они пользуются, напр., кремневымъ огнемъ. Во время чумы на домашній скотъ пускаются ими въ ходъ, такъ называемыя „курева", которыя раскладываются въ разныхъ мѣстахъ паскотины [2]) каждой деревушки той мѣстности, что̀ объявлена на карантинномъ положеніи. Курева — это зажженныя кучи навоза (назьму), горѣніе ихъ поддерживается обыкновенно нанятыми для этого „приворотниками" [3]). Кромѣ того они обязаны подвергать предварительному окуриванію лошадей проѣзжихъ и пасущійся внѣ паскотины скотъ, когда тотъ возвращается въ деревню. Дѣлается это весьма просто: животныя подпускаются къ куреву съ подвѣтренной стороны, чтобы охватило ихъ дымомъ. Операція длится одно мгновеніе и можетъ, какъ полагаютъ, „очистить", т. е. привести къ выздоровлѣнію зачумленный уже скотъ, а здоровую часть его предохранить отъ зараженія—„сильнѣе лишь уповай на Бога"!—говорится въ заключеніи. Упрощенная до нельзя теорія огненнаго очищенія, понятно, не оправдывается на практикѣ и даетъ самые печальные результаты. Прибѣгаетъ народъ къ ея помощи, самъ собой разумѣется, въ силу незнанія лучшихъ и цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ явленіями эпизоотіи. Но гдѣ ему почерпнуть нужныя для этого свѣдѣнія?!

Тоже самое слѣдуетъ сказать по поводу очищенія при посредствѣ огня, производимаго въ моменты „людскихъ болѣстей", принимающихъ эпидемическій характеръ. Оно тождественно съ предыдущимъ способомъ и выполняется по одному и тому же шаблону, съ тою только разницею, что окуриванію подвергаются преимущественно люди, входящія и выходящія черезъ врата временнаго чистилища. Такъ было при мнѣ въ Ужурской вол., Ачинскаго окр. во время холеры 1892 года [4]).

Нѣчто подобное разсказывается г. Шустиковымъ въ его передачѣ о „повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и жителей Троичины [5]).

Для человѣка не крестьянской среды „наземныя курева" будутъ лишь непріятнымъ препятствіемъ, безцѣльно задерживающимъ путника въ дорогѣ — и больше ничего. Для крестьянъ эти смердящія кучи являются достовѣрными указателями на несчастье, которому подверглось то или другое селеніе; онѣ для нихъ предметъ суевѣрнаго почитанія, ради котораго сельчане безпрекословно подвергаются немногосложнымъ правиламъ, предписываемымъ оригинальнымъ обычаемъ народнаго карантина. Внутри каждой дымящейся наземной кучи, изготовляемой въ экстраординарныхъ случаяхъ, горитъ огонь, играющій въ жизни крестьянъ выдающуюся роль. Онъ не какой нибудь простой огонь, а „деревянный", которому приписывается мнѣніемъ крестьянской среды вышеозначенныхъ округовъ чрезвычайная цѣлебная сила.

---

[1]) Это вѣрно по отношенію крестьянъ Ачинскаго, Енисейскаго и части Красноярскаго округовъ.

[2]) Выгонъ для скота, примыкающій къ жилымъ строеніямъ деревни; онъ обносится изгородью, дѣлавшагося изъ жердей, на тотъ случай, чтобы пасущійся скотъ не могъ свободно попасть на пашни и причинить вредъ хлѣбамъ.

[3]) Приворотникъ—сидящій у воротъ паскотины; занятіе его состоитъ въ томъ, чтобы впускать и выпускать изъ деревни проѣзжихъ; его нанимаютъ вскорѣ послѣ весенняго сѣва вплоть до уборки съ полей хлѣба.

[4]) Объ этомъ подробнѣе разсказано въ неизданныхъ еще „Матеріалахъ по народ. медиц." Ужурск. вол., Ачинск. окр., Енис. губ., составленныхъ при моемъ участіи.

[5]) Троичина Кадниковскаго уѣз., Вологод. губ. — „Жив. Стар.", стр. 120 вып. III, 95 г.

Въ той же Ужурской волости, особливо въ старину, съ помощью деревяннаго огня окуривался домашній скотъ. Дѣлалось это въ великій четвергъ, когда начиналась заутреня, въ видахъ огражденія животныхъ отъ продѣлокъ нечистой силы, отъ мора и т. п. напастей, уносящихъ съ собой сотни и тысячи головъ весьма полезныхъ пособниковъ человѣка. Надо думать, этотъ же огонь зажигается въ куревахъ и теперь еще во время падежа скота, но возможно, что обходятся безъ него, и курева зажигаются обыкновеннимъ огнемъ скорѣе всего изъ подражанія къ прошлому вѣрованію, не успѣвшему окончательно остыть въ людяхъ, еще не такъ давно бывшихъ въ полной власти суевѣрнаго почитанія деревяннаго огня. Въ такомъ именно переходномъ состояніи находятся жители подгородныхъ деревень Красноярскаго округа. Тамъ можно встрѣтить крестьянъ, которые употребленіе деревяннаго огня относятъ всецѣло на счетъ старины и „дурачества“ своихъ предковъ; другіе, болѣе пожилые, сохранили одно лишь воспоминаніе о томъ времени, когда деревянный огонь добывался по великимъ четвергамъ— но лѣтъ 15—20 уже прошло, какъ и это перестали дѣлать [1]).

За то въ с. Усть-Тунгузскомъ, Маклаков. вол., Енисейск. окр., деревянный огонь добывается каждый разъ во время валежки домашняго скота. Разсказчица Анна Казанцева, уроженка этого села, завѣряла, что такой же точно огонь воспроизводится въ тожественныхъ случаяхъ по всей Маклаковской волости. Когда этотъ обычай вошелъ въ употребленіе, „того времени, говоритъ она, и наши дѣдушки не запомнятъ“.

Давность существующаго почитанія деревяннаго огня подтверждаетъ отзывъ извѣстной уже читателямъ „Жив. Стар.“ [2]) древней старушки Марины Лыткиной. Она передавала, что въ далекомъ дѣтствѣ, будучи ребенкомъ 8—9 лѣтъ, сидѣла однажды на брусу, держа въ рученкахъ трутъ, въ ожиданіи, пока не нагрѣется брусъ, о который терли сухой лучиной, чтобы потомъ приложить къ нему трутъ и раздуть огонь. Ей перевалило за 80 лѣтъ; сама она уроженка д. Лопаткиной Казачинской вол. [3]). Этой же волости крестьянинъ д. Мысовской (Мысы-тожъ) Сергѣй Семеновъ (нынѣ живущій въ с. Казачинскомъ) говоритъ, когда „случалось или случатся неблагополучіе на скотѣ, у нихъ зажигаютъ по паскотинѣ деревянный огонь, и это заведеніе установлено еще ихъ отцами“. Деревнюшка Мысы близко граничитъ, между прочимъ, (всего въ 20 вер.) съ Бѣльской и Яланской волостями, гдѣ, по сказанію Семенова, жителями практикуется тоже самое. Въ чертѣ села Казачинскаго, 10—12 лѣтъ тому назадъ, было „неблагополучіе на рогатомъ скотѣ“, и тогда зажигался по паскотинѣ деревянный огонь, — это помнитъ парень (18 л.) Василій Лыткинъ. Наконецъ, у воротъ паскотины д. Курбатовой (Башкиры тожъ), лежащей въ 4 вер. отъ с. Казачинскаго, не далѣе какъ въ 1895 г. горѣлъ деревянный огонь ради предупрежденія распространенія чумной заразы, начинавшей было пошаливать въ этой деревнѣ.

---

[1]) Изъ личныхъ разспросовъ крестьянъ-ямщиковъ Красноярск. окр., проходившихъ съ обозомъ чрезъ с. Козачинское въ декабрѣ 1896 г.

[2]) Вып. III и IV, 1895 г., стр. 351—352.

[3]) Эта деревня не только соединилась постройками съ примыкавшими къ ней с. Рождественскимъ (гдѣ ранѣе находился женскій монастырь одного съ нимъ названія, нынѣ перенесенный въ г. Енисейскъ), но и вошла цѣликомъ въ его администр. управленіе и приняло его наименованіе; теперь отъ прежней д. Лопаткиной осталась лишь улица, именуемая Лопатовской.

Ограничась приведенными сообщеніями фактическихъ данныхъ относительно вѣрованія крестьянъ-сибиряковъ въ животворную силу деревяннаго огня, перейду затѣмъ къ описанію пріемовъ добыванія его, весьма распространенныхъ въ районѣ знакомыхъ намъ мѣстностей.

Добываніе деревяннаго огня.

Деревянный огонь—изъ дерева добытый огонь самымъ примитивнымъ способомъ, путемъ простаго тренія куска дерева о дерево на подобіе того, какъ это дѣлалось народами въ доисторическій періодъ.

Въ Ужурской волости, по словамъ старожиловъ, деревянный огонь добывался слѣдующимъ порядкомъ.

Между пятками двухъ деревянныхъ стоекъ незатѣйливо сдѣланнаго подобія токарнаго станка (см рис. 1) вставляется хорошо высу-

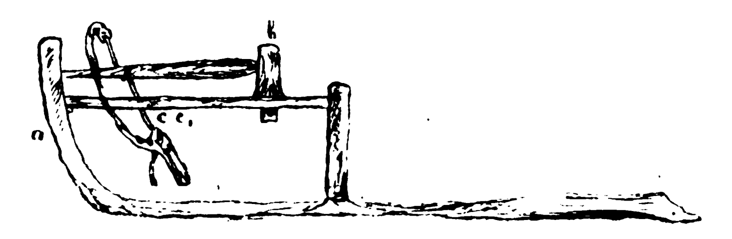

Рис. 1. Одна изъ стоекъ а) составляетъ изогнутую часть полоза старыхъ саней, другая b) будетъ вертикальная плашка съ заклинкой на нижнемъ концѣ; она передвигается руками вдоль горизонтально-параллельныхъ между собой двухъ брусочковъ (сс.). На этомъ станочкѣ до сихъ поръ обтачиваютъ и обжигаютъ всѣмъ извѣстныя веретена (веретешки).

шенный и гладко обдѣланный обрубочекъ изъ березоваго дерева; на него надѣвается лучекъ, ременной тетивой своей онъ обнимаетъ обрубочекъ взаплетъ; лучекъ дергается лѣвой рукой вверхъ и внизъ; движенія руки должны быть ускорены и безостановочны; обрубочекъ быстро вертится и трется о лучинку, приставленную къ его утолщенному концу; они обоюдно нагрѣваются, отчего появляется дымокъ; тогда подносятъ къ мѣсту наибольшаго тренія кусочекъ трута: на него переходитъ съ обрубочка едва замѣтная искорка и зажигаетъ—это и будетъ деревянный огонь; тлѣющій трутъ „придуваютъ" къ сосновымъ уголькамъ, какъ болѣе мягкимъ и быстро разгорающимся; отъ нихъ зажигается лучинка, а затѣмъ дрова въ печи; послѣ ихъ сгоранія угли загребались въ загнѣтъ и тщательно засыпались пепломъ. Въ самую заутреню угольки доставались изъ загнѣти и клались на желѣзко; на нихъ жгли „вихорево гнѣздо" (Plica Betulae albae) [1], представляющее собой скопленіе въ одномъ мѣстѣ на березѣ множества мелкихъ сухихъ вѣточекъ. Съ такимъ куревомъ домохозяева обходили вокругъ домашняго скота. Въ великій четвергъ слѣдующаго года деревянный огонь добывался заново [2]).

---

[1]) По опредѣленію завѣдывающаго Минусинскимъ Публич. Музеемъ Н. М. Мартьянова.

[2]) Выписка изъ тѣхъ же „Матеріаловъ по народ. медиц. Ужурск. вол.", нѣсколько дополненная.

Усть-Тунгушенцы добываютъ деревянный огонь одинаковымъ образомъ на такого же типа станкѣ. Между стоекъ вставляется гладкій болвашекъ сухаго березоваго дерева; добыватель лѣвой рукой быстро вращаетъ его лучкомъ, другой приставляетъ къ нему тоненькую лучинку [1]) съ небольшой выимочкой на передовомъ концѣ, такъ что она обхватываетъ болвашикъ въ видѣ обоймы. Верченіе длится, пока надъ нимъ не покажется дымокъ; тогда, по просьбѣ добывателя, кто нибудь изъ присутствующихъ подноситъ къ болвашику трутъ; тотъ берется огонькомъ; его придуваютъ сперва къ сосновымъ уголькамъ; отъ нихъ, черезъ лучинки, зажигаютъ два-три костра дровъ, раскладываемыхъ по краямъ села; костры заваливаются назьмомъ, чтобы огонь не пылалъ пламенемъ, — онъ долженъ только „шаять" (тлѣть); это и будутъ курева самыя настоящія: окуриваясь ими, „скотъ не станетъ заражаться чумой". Курева поддерживаются поочередно самими домохозяевами этого села или нанятыми для этого людьми.

„Въ д. Лопаткиной, говоритъ М. Лыткина, въ досельщину [2]) дѣлалось такъ: на брусьяхъ кутняго угла избы (что у печи) высѣкали неглубокія зарубы; въ нихъ вкладывался концами катокъ (что употребляется для катки бѣлья), а на него надѣвали ремень; концы его наматывали на обѣ руки и скорехонько передергивали ими вверхъ и внизъ; катокъ, вертясь, терся о брусья, нагрѣвался и брался дымкомъ; опосля того къ одному изъ его концевъ приклывали трутъ, онъ зажигался. Каждую весну добывали деревянный огонь и отъ него зажигали наземны курева, которые клались подъ крышки [3]); такихъ крышекъ было нѣсколько по паскотинѣ: скотъ сходился къ куревамъ, чтобы избѣжать мошки, да и отъ заразы спасался.

Уроженецъ села Устюгъ, Красноярск. окр., крестьянинъ С. Чупровъ передавалъ, что у нихъ деревянный огонь добывался такъ: сухой сосновой палкой терли о брусъ кутняго угла, отчего тотъ нагрѣвался и испускалъ дымъ, тогда торопились приложить къ мѣсту тренія кусочекъ трута, который брался огонькомъ; имъ затеплялась лучинка, отъ нея дрова, а съ угольковъ послѣднихъ окуривался домашній скотъ.

Въ с. Казачинскомъ поступали нѣсколько иначе. Отецъ и дядя Василія Лыткина приподымами верхнюю заплотину (бревешко въ заборѣ), въ отверстіе просовывали трехгранную палку, чисто выструженную изъ березоваго полѣна, длиной немного больше аршина; одинъ изъ нихъ, находясь внутри двора, тащитъ ее къ себѣ, другой, стоя снаружи, дѣлалъ тоже самое, какъ будто бы пилили что; оба работали съ одинаковымъ усердіемъ, пока заплотина не зашаяла; тогда мальчику было приказано приложить трутъ, гдѣ терли палкой, что тотъ съ успѣхомъ и выполнилъ,—трутъ вскорѣ загорѣлся.

Чтобы провѣрить полученныя показанія о добываніи деревяннаго огня, я обратился къ Сергѣю Семенову съ просьбой показать, какъ это дѣлается на практикѣ. Онъ изъявилъ согласіе. Дѣло это было для него привычное: онъ самъ умѣлъ точить веретешки и держалъ для этого нужный станокъ и прочія принадлежности (см. рис. II). Тотчасъ же его сняли съ вышки, гдѣ давно уже валялся безъ всякаго употребленія, кое-какъ исправили, вытесали болвашикъ изъ сухаго полена,

---

[1]) Лучинкой служитъ „хребтовина" (верхній слой) соковаго полѣна, заготовляемаго весной изъ березы, когда съ нея легко сдирается кора.

[2]) Досельщина—старина; досельный—старинный.

[3]) На четырехъ столбахъ дѣлался навѣсъ изъ тонкаго теса, — это и были крышки, о которыхъ говоритъ Л—на.

„мало-маля" обточили и, немедля ни минуты, приступили къ добыванію огня. Оно производилось одинаково, какъ описано было по отношенію къ с. Ужуру. Не дальше какъ черезъ минуту болвашикъ курился сизоватымъ дымкомъ съ специфическимъ запахомъ горѣлаго дерева, сейчасъ же поднесли кусочекъ трута... но увы! Прошло 45 минутъ въ тщетныхъ усиліяхъ, а огня не добыли: при верченіи болвашика вбитыя на скорую руку заклинки расползались, подвижная стойка не держалась на мѣстѣ; въ концѣ концовъ станокъ окончательно „расхлябался"; болвашикъ то и дѣло выскакивалъ изъ своихъ гнѣздъ; надо бы горѣть труту, а тутъ—трахъ, и весь наладъ разстраивался. При такихъ несовершенныхъ условіяхъ работы нельзя было разсчитывать на успѣхъ. Пришлось оставить занятіе. Пробовали терѣть о брусъ лучиной, но и изъ того ничего не вышло.

Все же видѣть, какъ добывается деревянный огонь, было довольно интересно. Ради этого я продолжалъ искать умѣлаго человѣка. Благодаря содѣйствію псаломщика Н. Быстрова, мнѣ удалось сойтись съ звонаремъ казачинской церкви Терентіемъ Алексѣевичемъ, какъ обыкновенно его зовутъ. Онъ оказался самымъ подходящимъ для этого случая, такъ какъ постоянно занимался вытачиваніемъ веретешекъ, кромѣ того не разъ и не два былъ приглашаемъ для добыванія деревяннаго огня во время „неблагополучій на скотъ" и вообще слылъ какъ мастеръ своего дѣла. Т. А—чъ велѣлъ зайти къ нему черезъ три дня, нужно было приготовить болвашикъ и хребтовину, хорошенько просушить, иначе немыслимо было, по его мнѣнію, добыть деревянный огонь. Въ назначенный срокъ мы уже были въ церковной сторожкѣ. Т. А—чъ ужиналъ. Мы осмотрѣли станокъ [1]), вставили болвашикъ, надѣли пучекъ, дергали вверхъ и внизъ, но не равномѣрно съ продолжительными паузами, оттого кромѣ дыму

[1]) Почти одинаковой конструкціи со станкомъ Семенова. См. рис. II.

ничего не получалось. Т. А—чъ ехидно посмѣивался. Закончивъ трапезу, онъ усѣлся за станокъ, предварительно помывъ руки, испачканныя въ рыбѣ; неторопясь укрѣпилъ болвашикъ, обточилъ на веретешко, приставилъ хребтовину и тогда уже ускоренно задергалъ лучкомъ; вскорѣ лучинка какъ бы врѣзалась въ болвашикъ и опоясала черноватымъ кольцомъ; изъ глубины его вился уже дымокъ, дѣлавшійся все гуще и гуще. Дерево визжало. Терентій съ трудомъ дышалъ, обливался потомъ, но не переставалъ работать лѣвой рукой... И вотъ слышится „Приложъ-ко трутъ"! Приказаніе моментально было исполнено. Едва трутъ коснулся разгоряченнаго дерева, какъ зашаялъ и взялся огонькомъ... Цѣль была достигнута.

Совершившійся фактъ, будто бы, доказываетъ, что Терентій Алексѣевичъ принадлежитъ къ числу счастливыхъ людей, которымъ, по общему увѣренію, только и дается добыча деревяннаго огня. Семеновъ, съ которымъ впервые мы потерпѣли неудачу, съ своей стороны утверждаетъ, что, живя въ д. Мысы, ему приходилось нѣсколько разъ добывать этотъ огонь на своемъ станкѣ. Не вѣрить этому нѣтъ основанія. Очевидно тутъ дѣло не въ счастіи, а въ исправности прежде всего токарнаго станка, въ заблаговременной заготовкѣ необходимаго матеріала, въ терпѣніи и сноровкѣ мастера. Это безусловно вѣрно. По крайней мѣрѣ въ „новыхъ деревняхъ", говоритъ Семеновъ, не могутъ добыть деревяннаго огня потому только, что не знаютъ, какъ выполнить это. Не далеко отъ ихъ деревни поселились переселенцы, по происхожденію зыряны и образовали „новую деревню", наименовавъ ее Зыряны. Однажды въ ней случилось „неблагополучіе на рогатомъ скотѣ", зыряны старались бороться съ напастью „своимъ средствомъ" и, наслышавшись о пользѣ деревяннаго огня, вздумали добыть себѣ. Вздумано—сдѣлано. Зыряны завели станокъ, натесали болвашиковъ... но сколько не потѣли надъ ними, огня не добыли. Тогда они просили мысовскихъ, тѣ, добывъ дома, возили въ Зыряны деревянный огонь въ видѣ головней, обугленныхъ на кострѣ такого огня.

На основаніи сообщеній живыхъ свидѣтелей можно вывести цѣлый рядъ заключеній: 1) почитаніе огня въ Сибири фактъ безспорный; 2) оно тянется непрерывною сѣтью (пока доказано) черезъ три округа Енисейской губерніи и, теряясь въ нѣдрахъ глубокой старины, еще живо наканунѣ XX столѣтія; 3) между различными видами огня, почитаемыхъ крестьянами-сибиряками, первенствующее мѣсто занимаетъ несомнѣнно деревянный огонь; 4) что по мѣрѣ передвиженія на сѣверъ Енисейской губ., на значительномъ пространствѣ округа одного съ нею названія (енисейскаго), вѣрованіе въ цѣлебную силу деревяннаго огня остается пока во всей первобытной чистотѣ.

Конечно этими соображеніями не исчерпывается вопросъ о почитаніи крестьянами-сибиряками огня вообще и деревяннаго въ частности. Остается пожелать, чтобы другіе изслѣдователи обратили на него свое вниманіе. Можетъ быть отыщутся болѣе солидныя данныя, которыя не оставятъ сомнѣній на счетъ сущности вѣрованія народа въ огонь.

Алексѣй Макаренко.

г. Енисейскъ.
1897 г.

Миѳологическіе отрывки.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября).

При собиранѣ матеріаловъ по литовской этнографіи, мнѣ удалось со словъ народа записать нѣсколько миѳологическихъ отрывковъ о культѣ огня, воды, духахъ-вэлэсахъ, коими, въ виду интереса самаго предмета, я намѣренъ подѣлиться съ читателемъ.

A. Apiē ùgni[1]).

1. Elzė Sakalauskytė, mergà apiē 70 mētu turinti, gyvēnanti káime, ir varštšjuje Plókštšju, gubernijoj Suválkų, paklaustà manięs (1896 m.), kā jī dāro sù ugnelė, eidamà vakarė gulti, atsākė ir papāsakojo šià ką:

— Kā darýsi! imù gražjia apžarstau ugnēlę pelenaīs ir pėržegnoju sakýdama: šventà Góbija, šventà Visija, šventà Agotà búk rami ir spakainà. Tōs maldēlės manė išmokino Juōzas Adomáitis, iš kaimo Lauciškju, parapijos, Lukšju, labai dievōtas ir mokintas žmogùs. Užžarstau ugnēle netik pàs savė, bėt ir pàs kitùs. Su ugnelė visadōs reikja gražiai apsieīgti. Kaip buvau sluginaitė Briedžjuosė pàs vieną gaspadōrju Matijūšą Žukáutską vaikai búdavo paims i dantis žarijàs ir pùtšja arbà dēganti pāgali sukinėja, ō àš sakaù gaspadinei: ugnēlė, ne piemēnė, uždrausk vaikáms teip darýti, bėt jī atsakýdavo: „ką, kvailí vaikai kā jiems darýsi". Paskui dùsyk ugnēlė iš dēgantšjo kākaljo i priemene visà, liepsnà išėjō, aùkštyn pasikėlė, apsvilino varpelės pastōgėje kābantšjas ir vėlei sugrižo niėko túomsyk pikto nepadārjus. Kadà paskui pėrėjau pàs kitą gaspadōrju ùž slu-

A. Объ огнѣ.

1. Эльзэ Сакалаускитэ, женщина 70 лѣтъ, проживающая въ селѣ и гминѣ Благословенствѣ Сувалкской губ. спрошенная мною (въ 1896 году), какъ поступаетъ она, отправляясь спать, съ огнемъ, отвѣтила:

— Что-же дѣлать? прикрываю хорошенько огонекъ золою и крещу говоря: св. Гобія, св. Висія, св. Агота, будь смирна и спокойна. Этой молитвы выучилъ меня Юзасъ Адомайтисъ изъ села Лауцишки, прихода Лукше, очень набожный и ученый человѣкъ. Я прикрываю золою огонекъ не только у себя, но и у другихъ. Съ огнемъ всегда нужно поступать бережно. Когда я была въ д. Бредзѣ служанкой у хозяина Матеуша Жуковскаго, дѣти его, взявъ горящіе угли между зубами начинають, бывало, дуть или вертѣть горящими полѣньями, а я говорю хозяйкѣ: огонекъ не пастухъ, воспрети дѣтямъ такъ поступать, а она отвѣчаетъ: „что-же подѣлать? глупыя дѣти". Послѣ того 2 раза изъ печки вышелъ огонекъ въ сѣни, поднялся вверхъ, поджогъ висящія подъ крышей колосья и опять возвратился, не причинивъ никакого зла. Когда, затѣмъ, по-

[1]) Черточка надъ буквой означаетъ облеченное удареніе (circumflex), а не долготу гласной.

ginę nežinià iš kō atsitíko pàs sēnąji, gaspadórju, gaisras, sùdegė visos tróbos, pasilíko tiktai stubà, bèt paskui ugnēlė pasùko ir ant jōs ir jí sùdegė.

2. Magdė̃ Rimkúnienė iš tō patiēs káimo Plókstšju, paklaustà (1897 m.) apiē tā, pāti, dalyką šià kā, pasākė: „Einant gul̃ti reik užžarstýti ugnēlę pelenais, pérżegnoti šventù vandenimí ir pasakýti vardą ugniēs: Magietà, Gobietà ir Šventà Agotà, búk ant viētos, búk ramí, tàvo plōštšjum šventù apdengk.

3. Domeikíenė iš Kaimēljo 1897 m. pasākė: „Einant gul̃ti reik užžarstýti ugnēlę, pérżegnoti ir sakýti: šventà Gabijà, buk ramí ant viētos. Jėi teip padarýsi, tai ugnēlė neišeis“.

4. Grigáitienė iš káimo Raudonénu, Kauno gubernijos, paklaustà apiē Gābiją, šià kā, papāsakojo:
a) Kaip ainù gul̃ti, pagal tevēlju, patarímą, užžarstau ugnēlę ir paslākštšjus grýnu vandenēljù pérżegnodama sakau: šventà Gobijà, àš tavė, pérżegnoju su štšyrà širdimí, búk ramí ir laiminga.
b. Kaip víralas nusilíeja ant ugnēlės, ar druskà iš netytšju, ānt jōs nubyra ir íma spragtēti, sakau: šventà Gobijá, búk pasótinta.— Tevēljai liēpė nesigaileti pasótinti ugnēlę, sakýdami: „nesigailėkit búsit nuō ugnēlės rāmus“. Si,met bùvo gaisras pàs kaimýna,, nėt músu, lanqai i,kaito, ō tík mús namai neužsidegė.

5. Elgetà Bendoríenė klausinėta vieno màno b. draugo Jasjuláitšjo, mokintojaus gimnāzijos, apiē i,vairjus senóvės pāprotšjus pati pāklāusė: „ar žinote varda, ugnies?“ ir pati atsākė: Atsitikus kokjojė troboję gaisrui reikia trisyk apeiti dē-

ступила я на службу къ другому хозяину, отъ неизвѣстной причины вспыхнулъ у предыдущаго хозяина пожаръ, сгорѣли всѣ строенія, остался только жилой домъ, но затѣмъ повернулъ огонекъ и на него, и онъ сгорѣлъ.

2. Магдэ Римкунѣнэ изъ того же села Благославенство, спрошенная о томъ же, разсказала слѣдующее: отправляясь спать, нужно прикрыть огонекъ золою, крестить, вспрыскивая св. водою и произнести заговоръ (буквально = имя) огня: Магѣта́, Гобѣта̀ и св. Агота́ будь на мѣстѣ, будь смирна, твоимъ святымъ плащемъ покрой.

3. Домэйкѣнэ, жительница села Каймэлисъ, по данному предмету, сообщила мнѣ слѣдующее: „Отправляясь спать, нужно прикрыть огонекъ золою, осѣнить крестомъ и произнести: св. Габія, будь спокойна, оставаясь на мѣстѣ. Если такъ поступишь, то огонекъ не выйдетъ“.

4. Григайтѣнэ, старушка изъ д. Раудонэнай, Ковен. губ., спрошенная о Габіи, вотъ что разсказала: а) Отправляясь спать, по совѣту батюшки и матушки, прикрываю огонекъ золою и, спрыснувъ его чистой водицей, осѣняю крестомъ говоря: Св. Гобія, я тебя перекрещиваю съ чистымъ сердцемъ, будь спокойна и счастлива. в) Когда варево прольется на огонекъ или соль случайно просыплется и станетъ трещать, я говорю: „Св. Гобія будь сыта (дословно. насыщена). Родители мои внушили мнѣ не жалѣть накормить (насытить) огонекъ, говоря: „Не жалѣйте, будете безопасны отъ огонька“. Въ нынѣшнемъ году былъ пожаръ у сосѣда, такъ что окна раскалились, а все-таки нашъ домъ не загорѣлся.

5. Нищая Бендорѣнэ, спрошенная моимъ бывшимъ сотоварищемъ учителемъ гимназіи Ясулайтисомъ, сама обратилась къ нему съ вопросомъ: „знаете-ли заговоръ огня?“ и сама тутъ-же отвѣтила: „если загорится какое-нибудь

gantšją tróbą ir sakýti: Šventà Gabijà! neplatavók! tadà ugnėlė susigaubja ir neäina toljaus.

6. Bùvo karta, du kaimýnu gaspadoiriu. Vienas juju, netėkę,s ugnėlės nuėjo parsinėšti jōs pàs kaimýna,, bėt parsinėše,s jā, nėpėržėgnojo. Negerbiamà ugnėlė pasiskùndė ugnėlei kaimýno ir ri,zosi pàs jā, sugri,šti. kuri pasākė: „Jšeidamà nesudêgink akétšjas màno gaspadōrjaus, kurjōs pàs tàvo gaspadōrju, pasieny kābo.—Kaip sàkė ugnėle teip ir pàdarė. Jšeinant jai blýkstėrė, visas nāmas sùdegė, apart akéťšju kaimýno, kurjōs laikė gaisro brinkt nukrito nuō sienos ant žėmės ir likosi visai neužgáutos ugniės.

(Pāsakojo Paljukáitis iš m. Vilkaviškjo).

7. Rinkinyjė nepaži,stamo kùni,go B. T., kuri, gavau nuō kùni,go Jaunjaus Kāzjo, radau užrašýta, sėkantšja, dainėle,:

Kàd àš māžas buvau
Šilė vóžjus ganjau.
Ant kupstėljo sėdėdams
I, vožėli, veizėdams
Teip savy dainavau:
Tù vožėli juodbarzdėli
A'ugk, áugk, áugk,

Dievùks mùsu, tavė,s.
Láuk, láuk, láuk.
Paupāle yr pilālė

Kur ugnėlė, kaip žvaiqždėlė
Diēna,, nakti, smiela.
Tēn Ruginis su Žvaginjù

Vožjus Diēvui smáug.
Pō Rugsėjo priėš žiemėlę
Vésma tavė, juodbarzdėli

Ant tō tàt kalnėljo,
Vo Ruginis sù Žvaginjù
Tavė, mùsu, vožėlėli

строеніе, нужно трижды обойти его кругомъ и сказать: св. Габія! не расходись! тогда огонекъ свертывается и дальше нейдетъ.

6. Жили однажды въ сосѣдствѣ 2 хозяина. Одинъ изъ нихъ недосталъ однажды огня; отправился за нимъ къ сосѣду и принесъ его домой, но дома не осѣнилъ его крестомъ. Непочитаемый огонекъ пожаловался огоньку сосѣда и рѣшился къ нему возвратиться, а тотъ заявилъ: уходя изъ дому, несожги моего хозяина борону, которая у твоего хозяина виситъ на стѣнѣ. Огонекъ свое рѣшеніе привелъ въ исполненіе. Когда онъ уходилъ, вспыхнулъ въ домѣ пожаръ, и домъ сгорѣлъ, за исключеніемъ бороны, которая во время пожара упала съ трескомъ со стѣны на землю, не затронутая огнемъ.

(Разсказалъ Палюкайтисъ изъ гор. Волковышскъ).

7. Въ сборникѣ неизвѣстнаго мнѣ лично ксендза, обозначеннаго только начальными буквами В. Г., который я получилъ отъ моего б. сотоварища кс. Казимира Явниса, нашелъ записанную слѣдующую пѣснь:

Когда я былъ малъ
Пасъ козлятъ въ бору.
Сидя на бугоркѣ
И поглядывая на козлятъ,
Такъ себѣ я распѣвалъ:
Ты, козленокъ чернобородый,
Подростай, подростай, подростай,
Божокъ нашъ тебя
Ждетъ, ждетъ, ждетъ,
У рѣченки есть городокъ,
(досл. сопки)
Гдѣ огонекъ какъ звѣздочка
Днемъ и ночью брезжитъ.
Тамъ Ругинисъ со Жвагинисомъ.
Козловъ Богу давитъ.
Послѣ сентября передъ зимою
Поведемъ тебя чернобороденькій
На эту-то горочку,
А Ругинисъ со Жвагинисомъ
Тебя, нашъ козленочекъ

Diēvu(=o?) garbei brauks.

8. Jéi kokjuosė namuosė 9 pė̃tnytšjas iš eiljōs dúona, kēpa, tai ugnēlė, eina iš namu, ir ùždega jūos.

(Paljukaitis iš m. Vilkaviškjo mokintojas).

B. Apiē vándeni,.

1. Aukštšjaus minēta elgetà Bendoriénė pasākė màno b. draugui Jasjuláitšjui vandens vardą, kalbėdama: a) Jéi ant vąndens skesti reikja sakýti: Šventas Viēšbone! gélbėk manė,! b) Jéi lyja, grjáuna reikja nueiti i, ùžkluon,i, pérżegnoti ir sakýti; Šventas Viēšbone! skírstyk! ir išsiskírstys.

2. Magdẽ Rimkúniené iš káimo Plókštšju, paklaustà apiē úżimantšjus manė, dalykús (velės ir k.) atsākė, kā, žinójo, ir paskui pati mane,s užkláusė, ar zinau vandens varda, ir nelaukdamà atsākymo šià kā, pasākė: Jéi ant vandens bùdamas imi skė,sti, reikja sakyti: Judai patrōnai! gélbėk dušja, skė,stantsią.

C. Apiē velės ir vēležoles.

1. Kadà búdamas priē numírėljo namuosė arba ant kapinju, nusiga,sti iš netytšju, kojai paslýdus, i,kišus jā, i kókja, skylę ir t. t. tadà vēlės žmōgu, pakánda, žmogùs visas pageĩsta ir ima nykti. Toki, žmónės pamate, kláusja: ar vēlės tavė, pakándo? (Magdẽ Rimkunienė iš Plokštšju,, Suvalku, gub.)

2. Karalíenė 70 m. našlẽ iš káimo Plókštšju,, šjā kā, papāsakojo: a) vēlės pagáuna tiktai tā,, kursai numirėljo nusigā,sta, kaip nesyki, atsitinka šarvójant arbà pláujant numíreli,, kadà jisai krúpterja, nu-

Въ честь Бога умертвить (букв. стереть).

8. Если въ какомъ-нибудь домѣ въ 9-ти подърядъ идущихъ пятницахъ пекутъ хлѣбъ, огонекъ выходитъ изъ дому и поджигаетъ его.

(Палюкайтисъ учитель изъ гор. Волковышскъ).

B. О водѣ.

1. Выше упомянутая нищая Бендорѣнэ сообщила моему б. сотоварищу заговоръ (досл. имя) воды, говоря. а) Если будучи на водѣ тонешь, нужно сказать: Св. Вѣшбонэ! спасай меня!

в) Если идетъ дождь, громъ гремитъ, нужно отправиться за гумно перекрестить и сказать: Св. Вѣшбонэ! раздѣляй, и разойдутся.

2. Магдэ Римкунѣнэ изъ д. Благославенство, спрошенная мною объ интересующихъ меня предметахъ (veles'ахъ и др.) отвѣтила, что знала и, затѣмъ, сама меня спросила, знаю ли я заговоръ (досл. имя) воды, и не ожидая отвѣта, заявила слѣдующее: Ежели будучи на водѣ начинаешь тонуть, нужно говорить: Юдай патронай (заступникъ)! Спасай тонущую душу.

C. О вэлэсахъ и вэлэзѣльяхъ.

1. Если кто будучи при покойникѣ въ домѣ или на кладбищѣ испугается, случайно поскользнувшись или всунувъ ноги въ какую-нибудь дыру и т. п., то вэлэсы подкашиваютъ (досл. подкусываютъ) человѣка (зн. его), начинаетъ онъ желтѣть и чахнуть. Увидавъ такого человѣка люди спрашиваютъ: не подкосили ли тебя вэлэсы? (Магдэ Римкунѣнэ изъ д. Влогославенство Сувалк. губ.).

2. Каралѣнэ 70 лѣтъ вдова изъ д. Благославенство, разсказала слѣдующее:

а) вэлэсы овладѣваютъ только такимъ, который испугается покойника, какъ это не разъ слу-

léidžja ranka, ir t. t. b) Jau 3 mētai, kaip Rōžė Glodiénė, gyvenanti Plókštšjuose, ẽjo ant šermenu Majáuskienės ir żengdamá per slenksti staigà numýnė i duobėle po išimtai plytai, atgal atvirto ir nusigando: jái pasiródė, kàd numírėlis tiesjok, eina ant jōs per durıs. Jš tō baisjai i sirgo, mėtosi tąso ja i visàs pusės, šaukja, mykja išduodamà iš vidurju kažinkoki bal̃sa bė žōdžju. Važjójo pàs dāktarus, bėt tie niēko nepagelbėjo. Jšgirdus, kàd vārtas Golgaudiškju Rātšjuvaitis nuō príepuolo gýdo, nuvažjàvo ši met (1896 m.) pavāsari pàs ji, tas gi apžjurėjęs ja rado 2 spenjukù pašonė́je ir pasākė: „nẽr kā gydytis ir pàs dāktarus važinėti, niēko íš to nebùs, delto kàd išsigandai numírėljo ir vēlės tavė pagāvo". Kada parvažjāvo namō, Endrien[e] (Jievà Sneiderienė) pàtarė jài, kàd pabandýtu žinoma ir jōs išmegínta buda attsiljuosúoti nuō žūdantšju jā veljų. Jái liēpė šiteip padarýti: paimti 2 gijàs vilnoniús sjúlus) ir nunēšus jás ant kapinjū viena ju ilga i sàvo stúomeni, patiēsti išilgai ant šviežjo kāpo, kitą-gi patiēsti skėrsai ir atsiklaupus sukalbėti. 7) ištisus pōterius (Tėve músu, Sveikà Marijà, Tikjū i Diēva Tėva ir Garbẽ búk Diẽvui Tẽvui) ir atšikėlus eiti namō neatsižjurint ir sù niekú nėšnekant. Glodiénė teip ir padārė, bet niēko negėlbėjo: vēlės, kurjōs turė́ pasilíkti ant kapiniu, neliko tenais ir toliaus várgina nabāge.

чается. при одѣваньи или обмываньи покойника, когда онъ дрогнетъ, опуститъ руку и т. п.

b) Три года тому назадъ Рожэ Глодѣнэ, проживающая въ д. Благославенствѣ, шла на похороны Маяускѣни и, ступая черезъ порогъ, внезапно опустила ногу въ углубленіе послѣ вынутаго кирпича, повалилась назадъ и испугалась: ей показалось, что покойникъ черезъ двери прямо идетъ на нее. Отъ этого она очень разболѣлась, судорожно мечется во всѣ стороны, кричитъ мычитъ, издавая Богъ вѣсть какой голосъ безъ словъ изнутри. Возили ее къ докторамъ, но тѣ ничего не помогли. Узнавъ, что лѣсовщикъ им. Гелгудышки Рачувайтисъ лѣчитъ отъ прѣполаса (т. е. болѣзни происшедшей отъ испуга) поѣхала весною сего года (1896) къ нему, который, осмотрѣвъ ее, нашелъ въ боку 2 гриди и сказалъ: „не стоитъ лѣчиться и къ докторамъ ѣздить, ничего изъ этого не выйдетъ, потому что ты испугалась покойника и тобою овладѣли вэлэсы". Когда она пріѣхала домой, Эндрѣнэ (Ева Шнейдѣрѣнэ) посовѣтовала ей, чтобы она испробовала извѣстное и ею испытанное средство освободиться отъ удручающихъ ее вэлэсовъ, именно велѣла ей поступить слѣдующимъ образомъ: взять 2 гіи (т. е. шерстяныя нити), занести ихъ на кладбище и тамъ одну изъ нихъ, длиною въ свой ростъ, протянуть въ длину на свѣжей могилѣ, другую же протянуть поперегъ ея и произнести 7 разъ полную молитву (Отче Нашъ, Радуйся благодатная Марія, Вѣрую въ Бога Отца и Слава тебѣ Боже) и, затѣмъ, вставъ идти домой неоглядываясь и ни съ кѣмъ не разговаривая. Глодѣнэ поступила согласно съ вышеприведеннымъ указаніемъ, но это ничего не помогло: вэлэсы, которые должны были остаться на могилѣ, не остались тамъ и продолжаютъ мучить несчастную.

C. Nórint nuo velju, atsiljuosúoti reikja tuojaus, kaip tik nusigąstí numirėljo, nukirpti jo plauku,, paimti skaràs, kurjomis mazgójo ir šlúostė numírėli,, užkurinti ją,s ir parukinti savė,.

3. Nuo prïepuolo yrà velėżolės, jùodšaknės ir budujōnai.

a) Reikja ja,s i,dėti i, šálta, vándeni,, gerai suvirinti ir paskui atašinus dúoti gérti (Juozienė iš Plokštšju,).

b. Reikja jomis gerai pasismilkinti (pasirukínti) ir išgýsi (Magdė Rimkúnienė iš Plókštšju, ir Dėmikienė iš k. Kaimėljo).

с) Желая отъ вэлэсовъ освободиться, нужно сейчасъ, какъ только испугаешься покойника, срѣзать часть его волосъ, взять куски полотна, коими омывали и отирали покойника, зажечь ихъ и окурить себя.

3. Отъ прѣпуола (болѣзни происшедшей отъ испуга) лѣчатъ вэлэ-зѣліями, а также зѣліями: юодшакнэсъ и будріонай.

а) Нужно ихъ вложить въ холодную воду, хорошенько сварить и затѣмъ, простудивъ, дать пить. (Юозѣнэ изъ Благославенства).

b) Нужно ими хорошенько окурить себя, и выздоровѣешь. (Магдэ Римкунѣнэ изъ села Блогославенство и Демикѣнэ изъ дер. Каймелисъ).

Нѣсколько примѣчаній къ вышеприведеннымъ отрывкамъ:

I. Призываемая въ вышеозначенной молитвѣ вмѣстѣ съ Gabijà, Magietà ú Vísija также šventa Agotà ничто другое, какъ мученица 3-го столѣтія св. Агафія, по лат. Agatha, сжаренная сицилійскими язычниками на огнѣ; къ ней и обращаются христіане, какъ защитницѣ отъ огня. Желая себя обезпечить отъ такой страшной стихіи, какъ огонь, нѣкоторыя литвинки недовольствуются молитвой, обращенной къ одной св. Агафіи, а присовокупляютъ къ ней, на всякій случай, и другихъ покровительницъ домашняго очага: Габію, Магѣту и Висію, которыя, по всей вѣроятности, составляютъ остатокъ языческаго міра.

II. Magietà и Vísija и Viẽšbonas въ первый разъ упоминаются въ приведенныхъ мною отрывкахъ и увеличиваютъ и безъ того многочисленный литовскій Олимпъ. а) Vìsija, какъ по значенію, корню, такъ, отчасти, и суфиксу, очень близко напоминаетъ греческую Ἑσ-τ-ία, іон. ἱστίη, арк. Ϝισ-τ-ία, лат. Ves-ta, богиню-защитницу домашняго очага (т. е. свѣтящаго горящаго очага), къ корню коего vas лингвисты Vaniček и др. относятъ слова лит. vās-ara, лѣто, т. е. жаркая часть года, санскр. vas-anta весна, славянск. вес-на. Есть литовское слово: vís-ti, veis-tis плодиться, размножаться, къ корню коего прибавивъ суф. ija, получимъ: vísija, плододательница, плодомножительница. б) Viẽšbonas состоитъ изъ 2 словъ: 1 viẽšas общій, общественный, всеобщій и 2) bonas, которое, если непередѣлано изъ лит. слова ponas, древ. пер. pāna господинъ, (см. Iusti Iranisches Namenbuch), что трудно допустить,—то оно или заимствовано въ раннія времена отъ кого-нибудь изъ южныхъ словянъ: хорватовъ, сербовъ или болгаръ, у коихъ находится соотвѣтственное слово ban (см. Mikl. Vergl. Wört.) или перешло прямо отъ Краинцевъ, гдѣ встрѣчается bān въ значеніи владѣлецъ, господинъ (см. Iusti Iranisches Namenbuch. 1895). Согласно вышеизложенному Viẽšbonas значитъ Вседержецъ и т. под. b) Слово Magietà напоминаетъ литов. имя Magrieta = лат. Margaritha, но такъ какъ святыя того имени малоизвѣстны въ Литвѣ и не имѣютъ никакого отношенія къ огню, то это

предположеніе становитсяся маловѣроятнымъ. Въ литовскомъ языкѣ есть слово: magóti способствовать, содѣйствовать, споспѣшествовать, пособлять, magàu-ti сильно желать, pa-māginti, разъохотить къ корню коего прибавивъ суфиксъ eta, (ср. elgetà meletà, vargetà) получили бы слово magetà обозначающее пособница, благожелательница по формѣ очень близко подходящая къ слову Magieta. Индо-европейскій корень слова mag-óti есть magh. trs. begaben, fördern, wozu helfen, intr. begabt. gefördert, fähig sein, mögen (Fick. Vergl. Wörter).

III. Gabijà сдѣлалась раньше извѣстна миѳологамъ. Первыя о ней свѣдѣнія сообщилъ Ласицкій, писатель 16 столѣтія, въ своемъ сочиненіи: De diis Samogitarum, гдѣ онъ пишетъ: Cum autem nimia aestatis brevitas fruges demessas siccari non sinat, fit hoc sub tectis ad ignem. Tum vero precandum est hisce verbis Gabie deus: Gabie devaite pokielki garu, nuleiski kirbixtu: Flammam eleva, at ne demittas scintillas. Исправленный Акелевичемъ литовскій текстъ имѣетъ слѣдующій видъ: Gabija dievaite pakelk garą, neleisk kibirkštu, т. е. Богиня Gabija, усиль жаръ, не пускай искръ. Доцентъ Варшавскаго университета Микуцкій (нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершій) сообщилъ профессору миѳологу Мѣржинскому по данному предмету слѣдующее: Вечеромъ, когда хозяйка собираетъ на очагѣ огонь въ кучку для сохраненія его до слѣдующаго дня, произносятъ молитву: šventa Gabienta gyvenk su mumis linksmai, т. е. святая Габѣта весело проживай съ нами; кромѣ того имѣется замѣчаніе Акелевича (литовца собирателя народныхъ преданій) у историка Лелевеля (т. V, стр. 462 примѣч. 30), что Gabija или šventa Gabija есть торжественное названіе огня. Затѣмъ Акелевичъ въ своемъ сочиненіи: Gramatyka języka litewskiego пишетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ литвы и по настоящее время, отправляясь спать, надъ собраннымъ въ кучу огнемъ произносятъ молитву: šventà gabentà gyvénk linksmai su mumis, т. е. святая Габента пребывай весело съ нами.

Наконецъ Вольтеръ въ изданномъ имъ сборникѣ—Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ.,—между прочимъ, говоритъ, что въ Шавельскомъ, и Россіенскомъ уѣздахъ огонь называется šventa ugnis, другое же прозвище šventa gabijá, šventa gabéta или gabét; тамъ же находимъ, что въ Ворнянахъ Тельшевскаго уѣзда Gabéta покровительница огня, защищаетъ вмѣстѣ со св. Агатою отъ пожара, причемъ существуетъ прибаутка: švinta Agota su švinta Gabëta keravokit muni nu ugnies т. е. св. Агата вмѣстѣ со св. Габіею, спасайте меня отъ огня.

О происхожденіи слова Gabija существуетъ нѣсколько мнѣній: 1) Миѳологъ Мѣржинскій производитъ его отъ слова gabénti переведеннаго имъ: приносить, сносить, сносить въ кучу (собст. значитъ забир-ать, хватать, отправлять, таскать), такъ что Gabija значило-бы огонь снесенный въ кучку. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, такъ какъ слово gabénti (или лучше еще первоначальное gōb-ti хапать, хватать, брать, отъ коего происходитъ hōb-šas хапунъ, жадный, gabanà охабка, gab-lys, придирщикъ, gabljóti цѣплять, задирать, польск. gabać, gāb-ras злой духъ, разгуливающій съ мятелью, вовсе не обозначаетъ огня, жара и т. п. чтобы отъ него можно было-бы производить gabijà, какъ напр. vinkšnijà вязникъ отъ vinkšna вязъ, или lap-ijà листье отъ lāpas листъ.

2) Гринбергеръ въ своемъ сочиненіи: Die Baltica des Libellus Lasicki. Untersuchungen zur litauiscken Mythologie, принимая Gabie dievaite Ласицкаго за звательный пад. существительнаго мужескаго рода gabjas и производя его отъ корня кел.-герм.-балт. ghabh, давать

брать (гот. giban, gaf; келт. gabō даю, лит. gabénti убирать, отправлять) переводитъ его Geber, Beförderer der Einbringung der Ernte. Это объясненіе мнѣ кажется невѣрнымъ уже потому, что слово Gabjas, если его считать литовскимъ, можно произвести только отъ лит. gab-ti, gōbti (см. выше), послѣднее же не имѣетъ значенія ни „geben", ни „befördern".

3) I. Бендеръ, какъ видно изъ приведеннаго сочиненія Гринбергера, подъ словомъ Gabija понимаетъ прямо: огонь, focus lucens, Акелевичъ, какъ мы видѣли выше, тоже заявляетъ, что Gabija или šventa Gabija это торжественное названіе огня. Къ ихъ мнѣнію и я присоединяюсь, добавляя этимологическое объясненіе, коего у нихъ нѣтъ. Есть въ литовскомъ языкѣ слова: žib-in zatižигать, жечь, žib-snėle малое пламя, zib-snénti пламенѣть, zib-tereti блеснуть, сверкнуть, žib-urys свѣтило, свѣтильникъ, огонь, žibas и уменшительное слово žib-ùtis (собственныя имена); послѣднее также значитъ блестка латышск. zibens молнія (лит. žaibas zeba человѣкъ свѣтящій глазами т. е. имѣющій устремленные на кого либо глаза съ цѣлью полученія чего либо; žāb-alas близорукій т. е. слабо воспринимающій свѣтовыя впечатленія. Корни приведенныхъ словъ будутъ žib, zeb, žab, кои возведенные къ древнѣйшей формѣ, будутъ имѣть видъ: gib, geb и наконецъ gab (ср. лит. gor-úoti и žor-úoti пылать) къ корню gab присоединивъ суфиксъ ija, получимъ слово gabija, которое можетъ означать или 1) пламя, огонь образованное на подобіе žar-ijà раскаленный уголь, жаръ, или 2) массу огня какъ perkúnija множество сверкающихъ молній, какъ vyrijà собраніе мужчинъ, какъ lapijà листвіе или 3) мѣсто, гдѣ хранится огонь, очагъ, focus lucens, польск. ognisko, образованное на подобіе vilkijà мѣстопребываніе волковъ.

IV. Zvaginis происходитъ отъ прилаг. žvagùs resonans, sonorus и обозначаетъ что-нибудь (вещь или лицо) звучащее, трескучее, откуда происходитъ также названіе растенія žvaginis (Rhinanthus, crista galli) колокольчики. Ruginis значитъ и ржаной и имѣющій отношеніе ко ржи напр. rugine bóba обитающая во ржи баба, которою пугаютъ дѣтей. Это прилагательное употребляется также, какъ и предъидущее, въ значеніи существительнаго.

V. Собранные мною матеріалъ о velės-ахъ пополняетъ свѣдѣнія находящіяся въ литовскомъ катехизисѣ Вольтера и въ вышеупомянутомъ сочиненіи Гринбергера.

Петръ Краучунасъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и библіографія.

Narodopisný Sborník ческoslovanský. Svazek první. Vydává narodopisná Spoleчnost чeskoslovanská a národopisné Museum чeskoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek. V. Praze 1897.

Чешское возрожденіе первой половины нашего вѣка тѣсно связано, по своему происхожденію и развитію, съ пристальными и любовными изученіями чехо-мораво-словацкой народности въ этнографическомъ отношеніи. Этнографическіе труды Ганки, Челяковскаго, Камарита, Коллара, Шафарика и Палацкаго нашли свое продолженіе и развитіе въ многочисленныхъ сборникахъ и монографіяхъ послѣдующихъ десятилѣтій, обозрѣніе которыхъ даютъ статьи польской „Wisla" (II ч., 1888 г.) и русской „Живой старины" (II ч., 1892 г.), принадлежащія перу др. Поливки. Съ 1891 года чешскія этнографическія изученія нашли себѣ объединяющій органъ въ основанномъ Зибртомъ и Нидерле журналѣ „чeský Lid", который съ 1895 г. посвященъ фольклору въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ 1895 г. въ Прагѣ была устроена и „Чешско-славянская этнографическая выставка", оставившая послѣ себя богатое наслѣдство въ видѣ собраннаго матеріала—съ одной стороны, и многихъ теоретическихъ трудовъ, общенародной любви и интереса къ этнографическимъ изученіямъ—съ другой. Это наслѣдство приняло на себя „Чешско-славянское Этнографическое Общество"; съ нѣкоторыми пунктами его устава мы познакомимъ и русскаго читателя. Общество имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Прагѣ, однако, имѣетъ право устраивать отдѣленія и внѣ Праги—въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, равно и въ остальныхъ королевствахъ и земляхъ, представленныхъ на имперскомъ сеймѣ. Цѣль общества—производить, поддерживать и организовать изученіе чешско-славянской народности. Средства для достиженія этихъ цѣлей: 1) организація дѣятельности по собиранію матеріала, 2) заботы о сохраненіи и упорядоченіи его, 3) устройство чтеній и спеціальныхъ изданій, 4) устройство этнографическихъ выставокъ и участіе въ чужихъ подобныхъ выставкахъ, 5) поддержка изысканій, 6) изданіе сочиненій и журналовъ по чешско-славянской этнографіи и 7) управленіе уже устроеннымъ этнографическимъ музеемъ. Всѣ дѣла общества ведутся на чешскомъ языкѣ. Члены общества—1) основатели, 2) соревнователи, 3) дѣйствительные, 4) почетные, 5) корреспонденты; первые платятъ 200 флор. единовременно или въ теченіе 5 лѣтъ, вторые—ежегодно 20 фл., третьи—ежегодно назначаемый взносъ (на 1897-й—2 флор.). За эти взносы члены общества имѣютъ свободный входъ въ Музей и получаютъ даромъ изданія „Общества" и „Музея". До сихъ поръ вышли: „Zpráva o N. Museu Cesk." Нидерле, „Príspevky k dejinám cesk. národopisu" Шуберта, № 1-й. Даромъ можно получать также „Vestnik" (6 разъ въ годъ, подъ редакціей Нидерле), содержащій свѣдѣнія о дѣятельности Общества. Приплачивая 1 флор.

въ годъ, члены могутъ получать еще „Národopisný sbornik českoslovanský“, выходящій 2 раза въ годъ. Съ первою вышедшею книгою этого сборника мы и желаемъ познакомить русскихъ этнографовъ.

Разнообразная и интересная по содержанію книга открывается теоретической статьей „Этнографія и задачи Чешско-славянскаго Этнографическаго Общества“ (стр. 1—13), принадлежащей перу Em. Kovár'a. Коваржъ видитъ главную задачу Общества въ изданіи этнографической энциклопедіи чешской народности; при этомъ онъ развиваетъ подробный проспектъ такой энциклопедіи, отмѣчая степень доселѣшной разработки отдѣловъ ея. Схема энциклопедіи такова. 1) Введеніе. а) Землевѣдѣніе, б) исторія (археологія, внѣшняя исторія, культурная и соціальная исторія), в) племена (введеніе: народъ и нація). 2) Антропологія: а) физическая, б) психическая. 3) Демографія (статистика). 4) Фольклоръ: Введеніе—источники народнаго образованія (народное воспитаніе, чтеніе и пр.). А. Народное знаніе: α) взгляды народа на природу, исторію, географію и пр.) народная медицина, β) правовыя отношенія, γ) религія и суевѣріе, В) Народное искусство: α) Народная поэзія, музыка и танцы, β) рисованіе и живопись, γ) вышивки, δ) керамика, ε) народныя постройки. Прибавленіе: самоучки. С) народная эстетика и народныя одежды, D) Народный языкъ. 5) Жилище. 6) Нравы. (Семейная жизнь, питаніе, праздники, нравы и обычаи, игры, общественная жизнь); 7) Занятія народа (земледѣліе, скотоводство, охота, рыболовство. Домашнее производство; промыслы, торговля, отхожіе промыслы); 8) Этнографическая литература и значеніе народа въ творческомъ искусствѣ; 9) Производство и торговля всей націи; 10) Городская жизнь; 11) Культурное и соціальное состояніе всей націи.—Такой проспектъ будущей энциклопедіи вызываетъ, м. б., возраженія съ точки зрѣнія малой органической связи ея составныхъ частей. Широко-задуманный планъ даетъ автору возможность установить фактъ незначительной разработки чешскаго этнографическаго матеріала по большинству изъ намѣченныхъ имъ рубрикъ.

Въ слѣдующей статьѣ Тилле „Чешскія сказки“ (стр. 14—48) дана попытка хотя отчасти разобраться въ чешскомъ сказочномъ матеріалѣ. Авторъ имѣетъ въ виду лишь сказки о богатствѣ. Онъ раздѣляетъ ихъ на два отдѣла: 1) сказки, гдѣ богатырь совершаетъ сверхъестественныя дѣла не только съ помощью врожденныхъ сверхъестественныхъ свойствъ, но и съ помощью встрѣчающихся ему сверхъестественныхъ существъ и вещей; 2) сказки, гдѣ богатырь производитъ свои подвиги съ помощью врожденныхъ (иногда сверхестественныхъ) физическихъ и психическихъ свойствъ. Въ настоящемъ выпускѣ Тилле разсматриваетъ первый отдѣлъ. Этотъ отдѣлъ распадается на восемь группъ. Первая группа—измѣненія богатыря: онъ различнымъ образомъ пріобрѣтаетъ способность обращаться въ звѣрей и предметы (4 темы). Вторую группу составляютъ сказки, гдѣ богатырь добываетъ чудодѣйственные предметы; разсказъ о нихъ составляетъ центръ тяжести сказки. Группа распадается на двѣ подгруппы: 1) богатырь добываетъ нѣсколько (обычно 3) чудодѣйственныхъ предметовъ (5 темъ съ нѣсколькими варіантами); 2) богатырь добываетъ одну главную чудодѣйственную вещь; въ первой части сказокъ получаетъ, благодаря ей, богатство и принцессу, во второй—теряетъ вещь и принцессу, ищетъ ихъ и находитъ (3 темы—съ варіантами). Третья группа обнимаетъ сказки, въ которыхъ богатырь освобождаетъ принцессу (ъ) отъ чудовицъ (4—съ варіантами). Четвертая группа—сказки, гдѣ богатырь старается получить руку принцессы; здѣсь еще устанавливаются двѣ подгруппы: 1) богатырь исполняетъ порученія, даваемыя претендентамъ принцес-

сою или ея отцомъ, и (иногда) помогаетъ королю въ сраженіи; 2) богатырь, желая достать принцессу въ жены, насильно и хитростью похищаетъ ее (2). Въ сказкахъ первой подгруппы богатырь или а) открыто выступаетъ претендентомъ (3 и варіанты), или б) подъ чужимъ видомъ, тайно (2 и варіанты). Въ сказкахъ пятой группы богатырь предпринимаетъ путешествіе (съ опредѣленной цѣлью) и пріобрѣтаетъ принцессу въ жены (6 и варіанты). Въ сказкахъ шестой группы богатырь отправляется въ путь, чтобы найти свою пропавшую жену (2—съ варіантами). Седьмая группа—нѣсколько богатырей, одновременныхъ претендентовъ, домогаются дѣвушки (2). Въ сказкахъ восьмой группы богатырь предпринимаетъ путешествіе и борется съ разными чудовищами (2).

Статья Поливки: „Рыбакъ и золотая рыбка" (стр.—49—63) представляетъ изъ себя сравнительный очеркъ различныхъ варіантовъ извѣстной сказки и классификаціи ихъ по содержанію и географическому распространенію. Общая мысль всѣхъ версій таковой: ненасытное честолюбіе достойно наказанія. Распадаются онѣ на нѣсколько группъ: 1) версіи русская, шведская, жмудская, нѣмецкая, хорватская: желанія ненасытной рыбачки исполняетъ чудесная рыбка; 2) версіи русскія и алтайская, гдѣ вмѣсто рыбки выступаетъ котъ или лиса; 3) версіи русская и моравская—вмѣсто рыбки является птичка, при чемъ въ латышской и эльзасской птичка сама обѣщаетъ и даетъ блага; 4) 3 русскія и 2 латышскія версіи, гдѣ чудодѣйственнымъ существомъ выступаетъ лѣсной духъ, обратившійся въ польской—въ св. Михаила; въ малороссійской благодѣтелемъ бѣдняка оказывается старецъ (Богъ); 5) версіи романскія, отступающія отъ предыдущихъ: бѣднякъ достаетъ отъ св. Петра, съ неба, чудодѣйственныя вещи и посылается на небо честолюбивою женою. Авторъ отказывается опредѣленно указать мѣсторожденіе сказки и ея распространеніе; онъ замѣчаетъ только, что не языкъ опредѣляетъ распространенность мотивовъ и сюжетовъ, а напротивъ послѣдняя зависитъ отъ отношеній культурныхъ и географическихъ.

Влука далъ замѣтку о двухъ статуеткахъ домашнихъ боговъ (Dadci čili hospodáríci) изъ Силезіи—съ рисунками (стр. 63—65), а Нидерле—описаніе (съ рисунками) алтарнаго платка и двухъ блюдъ словацкой работы XVIII в. изъ собраній „Этнографическаго Музея" (стр. 66—68).

Гостинскій въ статьѣ „О просодіи и риѳмикѣ чешскихъ народныхъ пѣсенъ" (стр. 68—71) доказываетъ, что въ нихъ господствуетъ не количество, а удареніе.

Остальныя двѣ трети книги посвящены библіографіи по этнографіи.

Коварэнъ даетъ очеркъ исторіи фольклористики у Славянъ: у Русскихъ (стр. 73—87), Юго-славянъ (87—94), Лужицкихъ Сербовъ (95—6), Поляковъ (96—102), у Чеховъ (102—9). Далѣе помѣщены рецензіи книгъ: „Dialektologie Moravská" Бартоша (Пастрнекъ), „Ходячія и мѣткія слова" Михельсона (Кадлецъ), „Märchen aus Mallorca" эрцгерц. Лудвига Сальватора (Поливка); критическая библіографія трудовъ по скандинавскому фольклору (Thyregod, пер. Крауса), румынскому и албанскому (Ярникъ)—за 1895—6 года. Стр. 145—160 посвящены обозрѣнію этнографическихъ журналовъ—славянскихъ и неславянскихъ, а 160—197—библіографіи за 1895-й годъ, гдѣ дано обозрѣніе и фольклора азіатскаго, африканскаго и американскаго.

Въ концѣ книги посвящено по нѣсколько строкъ умершимъ писателямъ, работы которыхъ касались этнографіи; наиболѣе вниманія отведено Матову и Вальявцу.

Н. Ястребовъ.

ОТДѢЛЪ IV.

СМѢСЬ.

Этнографическія изысканія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Недавно вышла въ Иркутскѣ небольшая брошюра подъ заглавіемъ „Программа изданія трудовъ Якутской экспедиціи“. Программа эта составлена, по порученію Отдѣла, В. А. Обручевымъ „на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ участниками экспедиціи, ихъ отчетовъ, писемъ и програмиъ“.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой программѣ разсказана исторія возникновенія якутской экспедиціи на средства, пожертвованныя И. М. Сибиряковымъ, ея организація и способъ распредѣленія работъ между участниками ея. Изслѣдованіе началось въ 94 году и продолжалось съ особой интенсивностью въ этомъ и слѣд. году, пока не истощились и безъ того скудныя средства экскурсантовъ; нѣкоторые же изъ нихъ, какъ сказано въ предисловіи, „настолько заинтересовались своею задачей и ея возможно обстоятельнымъ разрѣшеніемъ, что намѣрены продолжать и безъ пособія отъ отдѣла собираніе матеріаловъ; пока не представляется возможность ихъ обработки и изданія“. Спбсобы собиранія матеріаловъ были различны, въ зависимости отъ задачъ изслѣдованія и программъ: одни изъ изслѣдователей были постоянно въ разъѣздахъ отъ одного раздѣленнаго пункта до другого; другіе двигались неравномѣрно, кочуя вмѣстѣ съ бродячими инородцами, третьи посѣщали центры инородческой жизни, какъ-то наслежныя и улусныя управы, ярмарки, миссіонерскіе станы и т. п., и, наконецъ, четвертые не отлучались никуда изъ своихъ мѣстъ совсѣмъ, черпая свой матеріалъ изъ давно знакомыхъ имъ окружающихъ условій и дополняя его опросами сосѣдей или небольшими экскурсіями въ предѣлахъ своего же улуса или наслега.

Постоянное общеніе между изслѣдователями, обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, взаимная помощь сообщеніемъ различныхъ полезныхъ свѣдѣній и указаній значительно содѣйствовали успѣху дѣла и экономіи въ трудѣ и во времени. Однимъ изъ такихъ проявленій взаимопомощи былъ съѣздъ изслѣдователей въ Якутскѣ въ концѣ 94-го и началѣ 95-го года, на которомъ представлены были первые отчеты экскурсантовъ, читались рефераты, обсуждались теоретическіе и практическіе вопросы изслѣдованія.

Въ конечномъ результатѣ изысканій по Якутской области получился огромный матеріалъ, отчасти уже поступившій въ распоряженіе Восточно-Сибирскаго отдѣла, отчасти представленный въ видѣ подробныхъ отчетовъ и докладовъ. Для удобствъ оперированія надъ этимъ разнообразнымъ матеріаломъ и облегченія самаго изданія, составлена

приблизительна схема его въ печати. Все изданіе распадается на 3 отдѣла изъ 13 томовъ, — въ большинствѣ случаевъ, по нѣсколько частей и выпусковъ въ каждомъ, — представляющихъ отдѣльныя монографіи и цѣльныя работы.

Отдѣлъ I. Общія изслѣдованія. Томъ I. Демографія. И. И. Майновъ. Томъ II. Антропологія. Часть I. Якуты (Якут. и Колым. округовъ). Н. Л. Геккеръ. II. Тунгусы (Якут. и Олекмин. окр.). И. И. Майновъ. III. Русскіе якутяне (Якут. и Олек. окр.). И. И. Майновъ и IV. Физіологич. данныя объ якутахъ и русскихъ якутянахъ. Ф. Конъ.

Отдѣлъ II. Якуты. Томъ III. Языкъ якутовъ и ихъ народное творчество. Часть I. Якутско-русскій словарь. Э. К. Пекарскій. II. Грамматика якут. яз. С. В. Ястремскій. III и IV. Образцы народной словесности. В. Іоновъ. Э. Пекарскій, С. Ястремскій и др. Томъ IV. Вѣрованія якутовъ. В. М. Іоновъ. Томъ V. Матеріальная культура, домашій и семейный бытъ. Состоитъ изъ 8-ми частей: работъ В. Е. Гориновича (жилище, одежда и пища; 3 части), В. В. Никифоровъ (семейный бытъ). В. В. Ливадина (занятія и ремесла, Г. Ф. Осмоловскаго и А. И. Некрасова (звѣроловство и рыболовство, игры и развлеченія; 2 части), А. И. Поповъ (нравы и національный характеръ). Томъ VI. Экономическій строй якутовъ. Л. Г. Левенталь. Томъ VII. Юридическій бытъ якутовъ, Н. А. Виташевскій. Томъ VIII. Экономическое положеніе якутовъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и вліяніе на нихъ золотопромышленности, С. В. Коваликъ.

Отдѣлъ III. Народности Колымскаго округа. Томъ IX. Юкагиры. В. И. Іохельсонъ (5 частей: словарь, грамматика, образцы народной словесности, письмена на берестѣ антропологъ. и этнограф. данныя). Томъ X. Якуты Колымскаго улуса и округа и Жиганскаго улуса Верхоянскаго окр. В. И. Іохельсонъ. Томъ XI. Чукчи. В. Богоразъ (6 частей: словарь, грамматика, образцы словесности, антроп. данныя и проч.). Томъ XII. Русское населеніе по р. Колымѣ В. Богоразъ (6 частей: словарь нижне-колым. рус. нарѣчія и проч.). Томъ XIII. Каменные ламуты и чуванцы В. Богоразъ (6 частей: словарь ламут. языка, опытъ грамматики, образцы словесности, антропологич. и этнографическія данныя, экономич. положеніе, замѣтки о чуванскомъ языкѣ).

По предварительному разсчету составителя смѣты, все изданіе должно представлять отъ 486 до 528 печатныхъ листовъ, не считая картъ, таблицъ, діаграмъ и фототипій, и стоитъ 27,950 рублей, изъ которыхъ 11,600 руб. предполагается израсходовать на обработку матеріаловъ и 16,350 руб. на печатаніе трудовъ. (Вост. Обозр.).

Цѣна 1 р. 50 к.